

П. Мариновский

ШАГАЯ ПО ПУСТЫНЕ...

П. МАРИКОВСКИЙ

ШАГАЯ ПО ПУСТЫНЕ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КАЗАХСТАН»

А л м а - А т а — 1974

592
М 26

Мариковский П.

Шагая по пустыне... г. Алма-Ата, «Казахстан», 1974
136

В сборник вошли научно-популярные и научно-художественные очерки, доступные самому широкому кругу читателей. Повествование о жизни насекомых иллюстрировано. Оно преподносится на фоне описания природы обширных и колоритных пустынь Казахстана. Рассказывается о их преобразении человеком.

Очерки содержат описания различных наблюдений, главным образом, над многообразной и сложной жизнью насекомых. Материал собран автором, ученым энтомологом, натуралистом в его многочисленных путешествиях и экспедициях. Книга рассчитана на любителей природы. Она особенно интересна и полезна для детей, учителей, студентов и тех людей, работа которых проходит в полевых условиях.

М 2106 131
М 401 (07) — 74 224 — 74

© Издательство «Казахстан», 1974

Мариковский Павел Иустиннович
ШАГЛЯ ПО ПУСТЫНЕ...

Редактор З. И. Боранбаева. Художественной редактор М. Т. Палаткин.
Технический редактор Ф. Илизова. Корректор Ю. П. Кудьпина.

Сдано в набор 19/XI 1973 г. Подписано к печати 25/VI 1974 г.
Формат 84×108¹/₃₂—4,25=7,14 усл. п. л. (8,0 уч.-изд. л.), Бум. тип № 1.
УГ03849. Тираж 21 000 экз. Цена 27 коп.
Издательство «Казахстан», г. Алма-Ата, ул. Советская, 50.

Заказ № 743. Полиграфкомбинат Главполиграфпрома Госкомитета
Совета Министров КазССР по делам издательства,
полиграфии и книжной торговли,
г. Алма-Ата, ул. Пастера, 39.

ОТ АВТОРА

Пустыня... Голая, сухая безжизненная земля, обожженная зноем. Камни, пыль и песок, миражи озер на горизонте, затянутом дымкой испарений, тишина, покой, синее безоблачное небо и на нем неумолимое жаркое солнце.

Такой представляется пустыня.

Пустыня сурова. Зимой — дожди, снега, а иногда и лютые морозы. Летом — сушь, жаркое солнце, безводье. Но и в этой, казалось, неблагоприятной обстановке существует своя, совершенно особенная жизнь. Она многообразна, несет свои, присущие только ей черты, и по-своему прекрасна и богата. Особенно весной, когда после зимней стужи горячее солнце оживляет еще влажную землю. Тогда все живое пробуждается от долгого сна и спешит жить, закончить отведенные природой дела до наступления губительной летней жары и сухости.

Пустыни разные и сильно непохожи друг на друга. Они различаются по почвам, по растениям, по обитающему в них животному миру. Песчаная пустыня, каменистая, глинистая, солончаковая, — каждая имеет свой особенный, только ей присущий облик. Еще в пустыне есть озера, реки и небольшие леса по их берегам, тоже свои, особенные, пустынные.

О насекомых, обитающих в пустынях Средней Азии и Казахстана, рассказывает в этой книжке автор. Картины природы, экспедиционного быта, повествование о работе ученого, натуралиста дополняют описание насекомых пустыни и маленьких секретов их жизни.

ПЕСЧАНАЯ ПУСТЫНЯ

Самые обширные площади пустынь занимают пески. И самые разные — светло-желтые и красноватые, темные и светлые, бугристые, иногда, как горы, и слабо всхолмленные, поросшие растениями и остановленные ими от развевания ветрами, и почти голые, подвижные, сыпучие.

Днем песок сильно нагревается от солнца и жжет ноги через подошвы обуви, а ночью быстро охлаждается и становится даже чуть влажным. Под сухими поверхностными слоями песка обычно располагаются влажные слои, и, быть может, благодаря им песчаная пустыня так богата разнообразными растениями.

Песчаные холмы — барханы — переплетены длинными корнями белого саксаула, чудесной маленькой акации, приземистого джужгуна. Весной она покрывается элаком селином, миниатюрной песчаной осочкой, белыми тюльпанами, астрагалами и многими другими растениями.

В песчаной пустыне живет множество ящериц, змей, немало и разнообразных насекомых. Здесь с бархана на бархан стремительно бежит светлый, как песок, песчаный муравей, поет свои тихие песни песчаная кобылочка, с наступлением ночи из нор выползают многочисленные жуки-чернотелки, живут в ней саксаульный воробей, саксауловая сойка, каменка-плясунья. По ней бродят грациозные газели-джейраны, от куста к кусту перебегают зайцы-песчанники, многочисленными колониями грызунов-песчанок изрешечены барханы.

В песчаной пустыне дольше всех живут растения и лишь немногие из них замирают к наступлению лета, зноя и сухости.

В рыхлой почве песчаной пустыни легко рыть норки. Поэтому здесь масса животных прячется на жаркий день в укромные и прохладные подземные убежища. А выходит из них ночью. И как только знойное солнце скрывается за горизонт, песчаная пустыня становится самой оживленной из всех пустынь.

О Поющей горе можно писать бесконечно много. Вот уже двенадцать лет, как я посещаю этот изумительный и глухой уголок песчаной пустыни юго-востока Казахстана и каждый раз испытываю ощущение соприкосновения с необыкновенным и ни на что не похожим миром.

В последнюю поездку нам не посчастливилось. В долине между двумя скалистыми горами Большим и Малым Калканами местность оказалась неузнаваемо преображенной. Узкую полосу, сугая из разнолиственного тополя, джиды и тамариска безжалостно вырубил. Ручей, единственный источник воды в этом диком и безлюдном месте, почти исчез, заилился, его заборосали различным хламом. А когда-то сюда с Большого Калкана приходили ночью на водопой осторожные архары. Теперь они почти полностью истреблены, и от многочисленных стад диких животных остались только тропинки, пробитые и камне копытами в течение тысячелетий. Следы на камнях — немой укор человеку, столь беснечно относящемуся к природе. Теперь исчез тенистый уголок для стоянки, и пришлось двинуться дальше к Поющей горе или, как ее еще называют, к Песчаному Калкану. Самая правая, едва приметная и опасная дорога заманила нас в непроходимые пески. Отсюда были видны и сиреневые горы Чулак, и обширные пустыни с далеким хребтом Заилийского Алатау, и сами суровые Калканы с Поющей горой. Здесь, подальше от изувеченного ручейка, захотелось устроить бивак. Но вместо отдыха после долгого и длинного пути пришлось несколько часов напряженно трудиться, чтобы вызволить из плена застрявшую в песках машину.

На следующий день рано утром мы уже вышагиваем по чистому прохладному песку к вершине Поющей горы мимо стройного белого саксаула, длинных, по десятку метров, корней растений, обнаженных ветром. Чистый, бархатистый, без единой соринки, с мелкой ажурной рябью песок еще не тронут ветром. Он весь испещрен многочисленными почными жителями пустыни. Следы всюду, всякие: маленькие нежные узоры — строчки жуков-чернотелок, причудливые зигзаги перебежек тушканчиков, ровные цепочки осторожной поступи лисицы, отпечатки копытец джейранов, беспорядочные поскоки зайца, еще следы, разные, непонятные, загадочные.

По чистому песку хочется пройтись босиком, и мы сбрасываем обувь. На солнечной стороне ноги ощущают ласковое тепло, на теневой — приятный холодок.

Из-под куста джузгуна выскакивает песчаная круглоголовка, отбегает вперед, останавливается, внимательно рассматривает нас, презабавно скручивая и развертывая свой длинный тонкий сигнальный хвостик.

Какие-то две крупные черно-желтые осы вьются над нами, ни на секунду не отлучаются, не отстают. Что им надо? Да это бембексы, известные истребители слепней! Они отправились в путь с нами в надежде добыть поживу. Но слепней нет, и бедные осы попусту и так щедро тратят свои силы.

Начинается подъем на самую высокую часть Калкана. Балансируя руками и стараясь не оступиться, мы идем вереницей след в след по вершине горы, острой, как хребет навски замершего гигантского ящера. Чем выше, тем шире горизонт и ясней синие дали гор со снежными пиками над жаркой и сухой коричневой пустыней, прорезанной узкой полоской реки Или.

На нашем пути, по самому коньку горы, тянутся следы тушканчика, ящерицы и лисы. Животные, быть может, так же, как и мы, пришли пробежаться по самому верху гигантской туши горы.

Чистый ровный песок, необъятные дали и чувство простора, будто полета над землей — странное ощущение! Песок течет из-под ног вниз струйками, слегка завывая и вибрируя. Наш спаниэль Зорька не в меру резва, носится по горе. Наверное, журчащий песок ей чудится чем-то похожим на воду, и она хватает его полный рот, пробует на вкус. Вот чудачка!

Впереди и, как мы сразу не заметили, по острому хребту горы перебежками все время мчится наша знакомая — песчаная круглоголовка. Остановится и настороженно глядит на нас из-за гребня бархана внимательным немигающим глазом, будто силится понять, кто мы такие, невиданные посетители голого песка, дневного зноя и ночной прохлады. Я крадусь к ящерице с киноаппаратом. Животное быстро понимает мои намерения по-своему, пугается и, метнувшись вниз молнией, исчезает, тонет в песке, оставляя четкий и предательский след погружения. Мы трогаем концом сачка песок в том месте, где кончается след, он взрывается облачком, из облачка выскакивает ящерица и, напуганная, несется вниз в сопровождении возбужденной преследованием собаки.

Царство голого песка — край гибели для многих насекомых-путешественников. Вот странные извилистые вали-

ки — следы подземных ходов. Нетрудно проследить их путь. В одном из концов извилистой полойки в песке блестящая белая личинка жука-чернотелки. Для него эта ночь была последней в жизни. В бесконечном бархане нигде нет поживы — корней растений — и обессиленное насекомое погибло, истощив силы. Лежит на песке мертвый со скрюченными ногами фиолетово-коричневый жук-навозник. Валяются жужелица, клоп-чернашка, синяя муха, крохотная цикадка. Многие попали сюда на крыльях и, упав на раскаленный песок, погибли от нестерпимого жара, другие — пешком, и тоже не нашли сил выбраться из этого мира голодной песчаной пустыни.

За нами по-прежнему неотступно летят две осы-бембексы и надежде добыть слепней, и мне жалко их, неудачников. Легко перелетают через Калканы желтый махаон, бабочка-белянка, какой-то большой и стремительный жук. Светлая, как песок, почти белая, оса летает над поверхностью горы и что-то ищет. Скачет маленькая кобылочка-песчаночка, но, зайдя нас, закапывается, выглядывая наружу только одной головой и синишкой. Откуда-то снизу прилетает черная, как смола, большая муха и пытается назойливо усестись на брови. Она заметила сверкающие капельки пота и, страдая от жажды, намерена их выпить. Как ей не жарко в такой темной одежде!

А солнце уже высоко поднялось над Калканами, и синяя дымка испарений затянула далекие горы. С каждой минутой горячий песок. Уже нельзя идти по самому гребню, так как на солнечной стороне он жжет ступни ног.

Вот и главная вершина. Пора начинать спуск. Мы садимся и катимся вниз вместе с лавиной поющего песка. Гора начинает реветь и содрогаться мелкой дрожью. Мне с киноаппаратом нельзя присоединиться ко всем из-за боязни засорить механизм песком. Песок обжигает ноги, он нестерпимо горяч, а ботинки мои уже внизу у товарища. Несколько минут мучительных прыжков под аккомпанемент ревущей горы, и я с облегчением падаю в спасительную тень кустика саксаула. Здесь уже лежит наша Зорька. Ей тоже досталось.

А внизу царят тишина и покой. Пустыня полыхает жаром. Во рту сухо. Хочется пить. Скорее бы забраться в тень. По-прежнему крутятся осы-бембексы, продолжают путешествие с нами. Наконец, одна счастливая схватила слепня, упала на мгновение с ним и, быстро поднявшись, взмыла в воздух. От куста к кусту перелетают какие-то странные черно-белые бабочки, не спеша и деловито порхают муравьиные львы, но-

сятся черные мухи, подобно молинии мелькают необыкновенно быстрые, желтые, как песок, муравьи-бегунки. Появилась на мгновение и скрылась в кустах джугуна змея-стрелка. По горячему песку не спеша вышагивает гусеница пяденицы, а на полыни греется на неумолимо жарком солнце жук-парывник.

Скорее бы к машине! Путь к ней кажется бесконечно долгим. Собака, падая под кустик, присматривается к очередному кусочку тени и, отдохнув, стремительно мчится к нему.

Еще несколько десятков минут пути — и мы под растянутым тентом, жадно пьем воду, молчим, вспоминаем поход на Поющую гору и посматриваем на ее вершину, похожую на раскаленный добела металл.

Еще жарче и суше воздух и ослепительней солнце.

Чтобы сократить тяготы знойного дня пустыни, я ищу какую-нибудь работу и сажусь писать. Как долгод этот сверкающий день!

ЖУЧИНЫЕ ЧАСЫ

Надоел нудный звон комаров. Нет, уж лучше выбраться из тугаев, пойти на высокие барханы и там привести в порядок записи и коллекции.

Чудесна весенняя песчаная пустыня! На светло-зеленой песчаной акации конолии темнеют фиолетовые, почти черные цветы. Зеленый джугун разукрасился киноварно-красными и лимонно-желтыми вычурными плодами. Синенут астрагалы, желтые заразики издали светятся яркими пятнами. Солнце склоняется к горизонту, ветер затих, застыли барханы.

Из-под куста тамариска выползает большая чернотелка с мохнатыми ногами, хватает листочек, грызет его, бросает, находит другой. Моей собаке Зорьке скучно лежать у ног хозяйина. Вытянулась стрункой, потянулась за жуком, прикоснулась к нему влажным носом, отпрянула назад, затрясла головой: жук, видимо, плохо пахнет, вонючий.

Я хватаю жука, осторожно нюхаю. Нет никакого запаха, ничем не пахнет! Быть может, у него особый запах против ежей, волков и лис да заодно, по родству, и против собак. Наш мир запахов значительно беднее, чем у собаки.

Замолкли жаворонки. Тихо. Лишь из тугаев доносятся крики фазанов да пение соловьев. Громкий хор завели лягушки. А когда на землю опустились сумерки, а неугомонные охотники за насекомыми — быстрые ящерицы забрались на ночь в норки, раздалось едва слышимое жужжание, и между

кустами замелькали небольшие светлые насекомые. Вот будто загудел самолет, одно из них пролетело мимо, повернуло обратно, спикировало, вцепилось в голову, запуталось в волосах.

Я осторожно освобождаю «пилота» и рассматриваю с любопытством. Это совсем маленький, около полусантиметра, светлый, светлее песка, хрущик. Как и все настоящие жители песчаной пустыни, он вооружен длинными и крепкими щетинками на ногах. Они помогают ходить по зыбучему песку. Никогда не встречались мне такие маленькие светлые хрустики. Интересно бы узнать, кто они такие.

Хрущиков все больше и больше. Они взлетают легко и свободно, как мухи, хотя в полете часто натапливаются на веточки растений и падают возле них.

За одним хрущиком в воздухе гонится муха (откуда она взялась в сумерках!), быстро настигает его. Мгновенное прикосновение — коварная преследовательница откладывает на тело жука яичко и также быстро исчезает. Участь хрущика печальна. Он погибнет от личинки мухи.

Темнеет. Хрустики в светлой одежде с почти белыми крыльями хорошо заметны и, наверно, легко различают друг друга.

Давно замолкли кукушки. Лягушки раскричались, заставили замолчать соловьев. Легкий гул крыльев хрущиков тоже затих. Один за другим жуки зарываются в песок до следующего вечера. Иначе нельзя. Ночью на охоту выходят чуткие ежи и барсуки.

В следующий вечер хрустики, точно по команде, выбираются из песка и снова принимаются за легкий воздушный танец. Но как они там в песке узнают, что зашло солнце, что утомонились их враги ящерицы и наступила пора покидать дневное убежище?

Прошел год. Мы остановились на почлег на песчаных холмах. Весна закончилась, травы пожелтели. Едва я вышел из машины, как заметил крупных насекомых. Они металась в быстром полете над самой землей, сверкая светлыми телами и прозрачными крыльями в лучах заходящего солнца. Этот одновременный полет был не случаен: так легче встретить друг друга.

Мой маленький походный сачок — плохой помощник. Я никак не могу им изловить неутомимых «пилотов».

Еще летают крошечные, размером с домашнюю муху, светлые и кругленькие хрустики. Те медлительны, неторопливы, изловить их нетрудно.

Я жду удобного случая. Мои пезнакомцы продолжают по-
ситься без устали. Иногда один из них на секунду присядет
на землю. Бросишься к нему, а он уже в полете.

Придется вытаскивать из-под вороха вещей в кузове ма-
шины большой сачок.

Но посчастливилось. Один умерил полет, у самых ног стал
приземляться и — попал в плен. Тогда я вижу крупного хру-
ща, светлого песочного цвета с темными продольными полос-
ками на надкрыльях. Никогда не встречал я в жизни таких
виртуозных пилотов среди хрущей! Наверное, эти полоса-
тые — рекордсмены среди них.

Вскоре и большие, и маленькие хрущи прекращают полет,
исчезают. Время полетов у них тоже закончилось.

В последние годы ученые доказали, что насекомые обла-
дают хорошо развитым чувством времени, своеобразными
«внутренними часами». Наверное, и у наших песчаных хру-
щиков есть такие же таинственные внутренние часы. Не про-
сто часы, а еще и с особым будильником, который точно под-
сказывает время, когда садится солнце, ложатся спать ящери-
цы, наступает пора пробуждаться от долгого дневного сна и
выбираться наверх.

ВЕТЕР, СОЛНЦЕ И СКАРАБЕИ

Неудачный сегодня день. Небо в серых тучах, хлещет
дождь, стеклоочиститель, непрерывно поскрипывая, стирает
с лобового стекла машины капли влаги, от мимо проходящих
машин летят брызги грязи. Может быть, дальше в пустыне
будет хорошая погода? Вот город и горы остались далеко по-
зади, мы в песчаной пустыне, но и здесь непогода. Потом чуть
посветлело, прекратился дождь.

Миновали последний населенный пункт — Илийск. Маши-
на ползет на подъем. У вершины подъема вдруг раздается
скрежет, машина кренится набок, руль сильно тянет вправо,
еще немного — и валяться бы нам в кювете дороги. Нехоро-
ший сегодня день: лопнули обе стремянки, задняя рессора
лежит на земле, колесо уперлось в крыло машины. Ехать
нельзя.

Кто-то утешает: «Хорошо, что авария произошла на не-
большой скорости, на подъеме, не в городе. Да и поселок не-
далеко». Теперь быстрее туда, заказывать новые стремянки
и болты к ним.. Мои помощники ушли, я остался один.

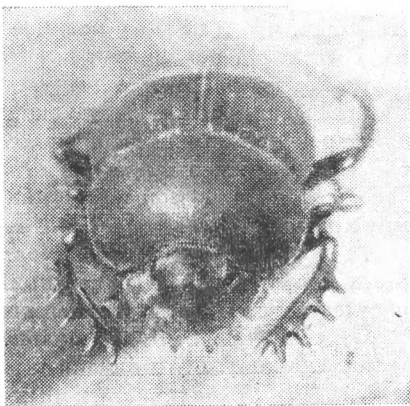
В небе появились голубые окошечки. В них иногда прогля-
нет солнце. Без конца с запада дует холодный ветер и несет

тучи. С вершины холма видны дали: спереди — небольшой пологий хребет Малай-Сары, слева — каньоны ущелья Капчагай, справа — далекий хребтик Архарлы. Места все знакомые, изъезженные. По одну сторону дороги, внизу по ложбинке, медленно движется отара овец. Пустыня зазеленела, после долгой бескормной зимы овцы блаженствуют.

Когда выглядывает солнце, сразу становится тепло, запевают каменки, повторяя голоса разных птиц пустыни, из-под кустов выбираются чернотелки, а над самой дорогой в воздухе появляются большие жуки. Одни из них летят почти над самой дорогой, друг к другу навстречу, и потом неожиданно, будто заколдованные, не долетая до меня, заворачивают прямо против ветра на запад. Другие несутся издалека, прямо на запад из-за горизонта холма. Что у них здесь, особенная и чем-то обозначенная воздушная дорога? И кто они такие? Придется выбраться из машины на прохладный ветер.

Таинственные незнакомцы оказываются самыми обыкновенными навозниками, священными скарабеями, и мне смешно: как я сразу их не узнал. Дела жуков становятся сразу понятными. Те, что летят наперерез ветру, путешествуют в поисках добычи, обнюхивают воздух чутыстыми усиками и потом, зачуяв беду, прямо сворачивают к отаре овец. Неплохой прием обследования местности, если только дует ветер! До отары же не так близко, около двух километров, и если я не чувствую никакого запаха, то уж жуки умеют его различать, обоняние у них острое. Но как улавливают этот запах скараabei, летящие издалека прямо к овцам с востока на запад против ветра из-за горизонта холма?

Когда проглядывает солнце, масса скарабеев спешит к отаре овец, и они мелькают один за другим над землей. Но стоит солнцу спрятаться, как лёт прекращается. В прохладе чувства жуков тупеют.

У жука — скарабея могучая голова-скребок и ноги-лопаты.

Жаль, что я не могу последовать за жуками, полюбоваться их чудесными навозными шарами, раздорами из-за них, всей неумной их работой и вынужден торчать здесь около поломанной машины неизвестно сколько времени.

Через несколько часов поломка устранена, день разгулялся, мы свернули с дороги и стали на бивак. С высокого бархана я вижу, как мой помощник размахивает руками и что-то мне кричит.

А я только что присел возле песчаной осы: она начала рыть норку, должна сейчас принести свою добычу. Придется расстаться с осой, спуститься книзу.

Сергей оказывается в большом недоумении. Возле дороги лежит скарабей без брюшка и медленно-медленно, будто жестикулируя, размахивает своими могучими лапами. Возле него собралась изрядная кучка муравьев-бегунков. Они теребят добычу, выгрызают из груди мышцу и, видно, давно заняты этим делом. Но куда делось брюшко и что случилось с навозником?

Через час я натываюсь на такую же самую картину. Скарабея без брюшка тоже терзают муравьи. Только не бегунки — любители падали, а чистые вегетарианцы — муравьи-жнецы. И так же, как и тот мученик, скарабей слегка поводит ногами, шевелит усиками, будто в недоумении разводя в стороны лапы, силится сказать: вот видели, случилось же такое! А потом еще две такие же находки.

Странные истории со скарабеями! Как их объяснить?

Не может быть такого, чтобы птица, откусив брюшко, бросила жука. Да и невкусен навозник, его покровы жестки, а если уж его есть, то, конечно, прежде всего грудь, а не брюшко, заполненное кишками с навозом. Нет, тут что-то другое.

А другое, как ни рассуждай, остается одно. На ослабевшего умирающего жука нападают муравьи и быстро свежую добычу. Сперва растаскивают брюшко, потом открывают путь к мышцам груди, прикрытым очень прочной броней. Пока тело терзают многочисленные хищники, несчастный жук все еще продолжает шевелиться, ноги, привыкшие к движению, продолжают работать.

Я отнимаю добычу у муравьев и прячу ее в пробирку. На следующий день ноги еще шевелятся. Еще на следующий они слегка вздрагивают. Только на третий день жук недвижим, мертв. Медленно, очень медленно оставляет жизнь тело этого неутомимого труженика.

КАРАКУРТ И ПЕСЧАНАЯ ПУСТЫНЯ

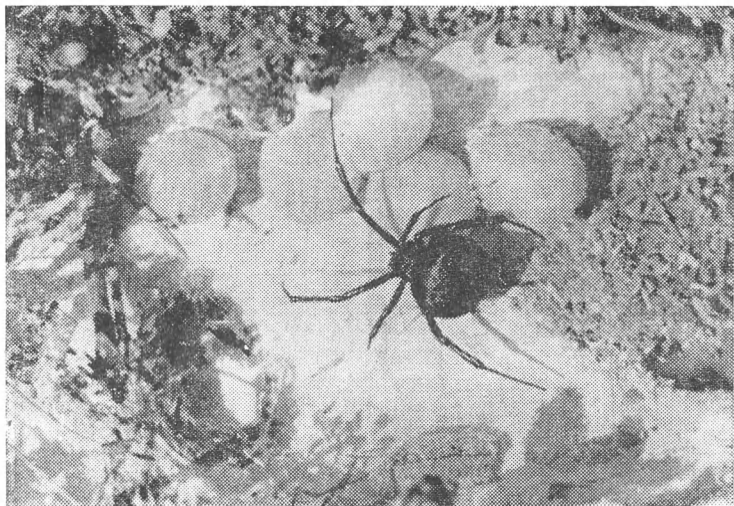
Многие почему-то считают, что ядовитый паук каракурт водится в песчаной пустыне. Наверное, потому, что с горячими непроходимыми и безводными песками связывается все живое, враждебное человеку. Очень давно в газете «Правда» даже было напечатано такое стихотворение про каракурта, автора которого я, к сожалению, забыл.

Я привез из Кара-Кумов
Очень злого паучка.
Он зовется каракуртом,
Весь из черного песка.
Если кто меня не любит
Паучок того погубит.

В действительности же, каракурт не водится в песках, не живет в них, и, сколько я ни искал его, никогда там не находил. А на изучение паука этого было потрачено мною несколько лет и о нем написана толстая книга.

«Почему каракурт не может жить в песчаной пустыне?» — спрашивал я себя. И не мог найти ответа.

А недавно нашлась отгадка. И настолько простая, что мне до сих пор непонятно, как я не смог сразу до нее додуматься.

Самка ядовитого паука каракурта неотлучно стережет свои коконы.
В каждом из них по несколько сотен маленьких паучат.

Каракурт делает тенета из крепких паутиновых нитей, которые беспорядочно плетет над самой землей, прикрепляя их к почве и окружающим растениям. Многие нити идут сверху вниз к земле и как бы натягивают продольные нити. Кроме того, эти вертикальные нити липкие. К ним цепляется добыча. На тенетах паук еще подвешивает своеобразные резонаторы — кусочки глины, мелкие камешки. Насекомые — добыча паука, задевая за паутину, раскачивают эти резонаторы, и до хозяина ловушки доходит ощутимое сотрясение.

В песчаной пустыне каракурт не смог бы плести свою сеть. К чему бы он прикреплял нити? К песку их не прикрепешь. Ведь он рыхлый и песчинки так легко отделяются друг от друга. Вот почему каракурт, попавший в песчаную пустыню, обречен на голод. Без ловушки из паутиновых нитей он совершенно беспомощен.

КУСТИК АСТРАГАЛА

Расцвели тамариски, и узкая полоска тугаев вдоль реки Курты стала совсем розовой. Лишь кое-где в эту яркую цветистую ленту вплетается сочная, зеленая, нет, даже не зеленая, а изумрудная листва лоха. За полоской тугаев видны оранжевые пески. Я перебираюсь к ним через речку, собираясь побродить по песчаным барханам.

Весна в разгаре, и птицы славят ее, наполняя песнями воздух. Звенят жаворонки, неумолчно распевают удоды, послышалось первое кукование. Но весна сухая, травы стоят хилые, почти без цветов. Песчаные бугры тоже без цветов. Впрочем, набухли бутончики песчаной акации, скоро украсятся цветами и джузгуны. Им сухость нипочем. Длинные корни растений проникают глубоко за живительной влагой.

А жизнь кипит, будто не чувствует невзгоду, постигшую землю. Всюду носятся ящерицы, степенно вышагивают палочники. Теперь они изменили поведение, стали осторожнее, боятся человека, самые умелые ползают в сумерки да ночью.

На песке масса следов зайцев, песчанок, тушканчиков, ежей, лис. Снуют светло-желтые муравьи-песчанники, ползают жуки-чернотелки, скачут кобылки. Из-под ног выпархивает жаворонок, ковыляет в сторону, хохлится, припадает набок, притворяется: под кустиком в глубоком гнездышке — пять крапчатых яичек. Солнце накаляет песок, жжет ноги через подошвы ботинок, синее небо мутнеет в дымке испарений. Барханы, похожие один на другой, бесконечны и однообразны. Но вот глубокое понижение между ними, и на самой его се-

редкие весь в цвету фиолетовый кустик астрагала, нарядный, яркий. Растение источает нежный аромат, и не простой, а такой-то особенный, приятный, необыкновенный. Быть может, мне так кажется в этой жаркой раскаленной пустыне.

Участь кустика печальна. Его обсели со всех сторон прожорливые жуки-нарывники, гложут венчики цветков, торопятся, будто соревнуются в уничтожении прекрасного. Для них кустик — находка: весна ведь так бедна цветами.

Еще жужжат разные пчелы, мухи. Крутятся желтые бабочки-толстоголовки, грациозные голубянки. Им всем не хватает места, они мешают друг другу.

Я присматриваюсь к пчелам. Какие они разные. Вот серые с ярким серебристым лбом. Он светится, как зеркальце, сверкает отблесками. А вот черные в белых полосках. Самые большие пчелы — желтые, как песок. В тени примостился черный с красными полосами паук. Он очень занят, поймал серую пчелку и жадно ее высасывает. Этот заядлый хищник подкарауливает добычу только на цветах. В общество насекомых шумно влетает оса-амофилла. В своем глубоко черном одеянии она кажется такой яркой в мире сверкающего солнца и света.

Но вот у кустика повисает будто раскаленный оранжево-красный уголек. Никогда в пустыне не встречалась такая яркая пчела. У нее среди ровных, как палочки, усиков торчит длинный хоботок. Надо ее изловить. Но взмах сачком неудачен, и раскаленный уголек исчезает так же внезапно за желтыми барханами.

Теперь покой потерян. Как забыть такую пчелку? Глаза ищут только ее, и больше, кажется, нет ничего интересного в этой пустыне. Но на кустике астрагала крутятся все те же самые нарывники, бабочки, мухи да разные пчелы.

«Если встретился один кустик астрагала, то должны быть и другие», — думаю я, брожу с холма на холм и не нахожу себе покоя. А солнце все выше и жарче барханы. Долго ли мне мучить себя в поисках неизвестного, не лучше ли все бросить и поспешить к биваку.

Но в струйках ветра почудился знакомый аромат. У меня теперь есть ориентир. Я иду против ветра, забрался на вершину бархан и вижу то, что искал: весь склон бархана фиолетовый, в цветущем астрагале. Многие цветы уже опали, засохли, ветер собрал их в ямки темно-синими пятнами. А какое здесь ликование насекомых, какой гул крыльев и пиршество многоликой компании, опьяневшей от запаха сладкого нектара и вкусной пыльцы!

Наверное, здесь я найду мою оранжевую пчелку! И уже вижу раскаленный уголек среди фиолетовых цветов, а мгновение спустя он жалобно плачет в сачке. А в морилке я вижу не пчелу, а муху-тахину в жестких черных длинных волосках, хотя такую же сверкающую, яркую.

Не беда, что вместо пчелы попалась муха. Она тоже интересна, наверное, не случайно наряжена в такой костюм, жедает походить на того, кто вооружен жалом. Надо дальше продолжать поиски. Но красная пчелка очень редка. Нет ее среди массы беснующихся насекомых. Как будто мелькнула — сердце екнуло в груди — и исчезла. Может быть, показалось?

Но вот, наконец, яркий комочек жужжит над синим цветком, застыл в воздухе, переместился в сторону, примчался прямо ко мне и повис перед глазами.

Как бы не оплошать, не промахнуться!

Мгновение — и в сачке трепещет красный уголек, недовольно жужжит, бунтует, требует выпустить на волю. Я же тороплюсь насладиться поимкой, нацеливаюсь на пленника лупой и... не верю своим глазам. В морилке опять не пчела и не тахина, а муха-неместринида. Ее грудь увенчана сверкающими золотом волосками, на оранжево-красном брюшке ярко-белые пятнышки. Она элегантна в своем паряде, всем хороша красавица, но только не пчела!

Быть может, она тоже, как и тахина, подражательница редкой обладательнице кинжала и яда!

Я и радуюсь находке и огорчаюсь. Поиски надо продолжать во что бы то ни стало. А солнце клонится к западу. Жара быстро спадает. Замолкают жаворонки. Тише гул крыльев насекомых. На барханы ложатся синие тени. Исчезли бабочки, пчелы и мухи, замерли ленивые жуки-нарывники, повисли гроздьями. Им, таким ядовитым, некого бояться, можно ночевать на виду. Длинноусые пчелы с серебряными зеркальцами на лбу сбились комочками на кустиках, приготовились ко сну.

Солнце коснулось горизонта, исчезла жара. Еще больше похолодало. Быстро остыл песок. Крошечные голубые лаборатории нектара прекратили работу, перестали источать аромат. Потянул ветер, взметнул песок, зашумел сухими травами и кустарниками. Кончилась моя охота! Теперь бессмысленны поиски, хотя где-то в безбрежных барханах и живут пчелы-незнакомки, ярко-оранжевые, как угольки, с черными усиками и длинными хоботками, пчелки-кудесницы, у которых оказалось столько слепых подражателей. Кто знает, удастся ли когда-нибудь еще с ними встретиться.

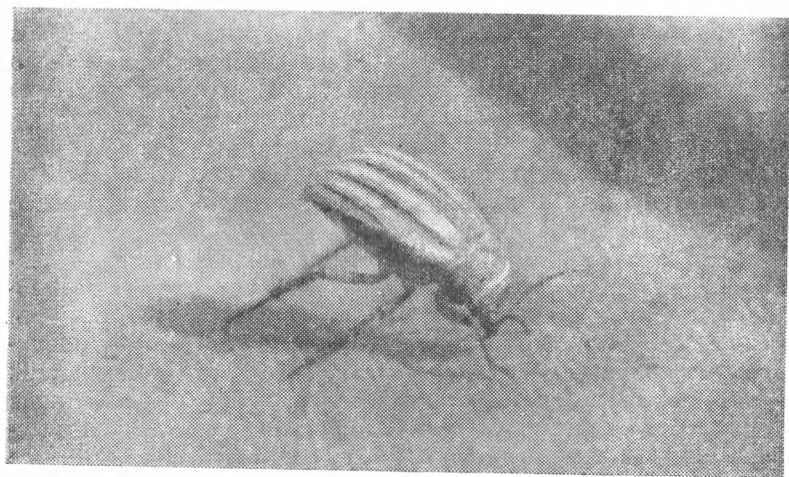
В пустыне очень резкие колебания температуры. Особенно весной. Вчера был день ясный, теплый, и первые весенние цветы — гусиный лук и белые тюльпаны, раскрыли свои венчики. А сегодня рано утром на тент, разостланный на земле, опустился легкий иней, и мы, дрожа от холода, поспешили развести костер из саксаула. Но вскоре показалось солнце и сразу полились его теплые лучи. От инея и следа не осталось. Теперь грело сразу с двух сторон: от костра и от солнца.

Пробудились нежные комарики-галлицы и, справляя весну, замелькали едва различимыми точками. Зашевелились жуки-чернотелки. Вот один из них, небольшой, кургузый, забрался на тент и неожиданно, казалось, без всякой причины застыл в необычной позе, подняв задний конец тела вверх и припав к низу головой.

Что с ним, для чего такая вычурность в поведении?

— Да все чернотелки так делают, когда зачуют опасность! — решил мой товарищ.

— Нет, не все, а только чернотелки-бляпсы, имеющие вонючие защитные выделения, да некоторые другие, им подражающие, — возражаю я. — Вот, например, такая же чернотелка ползет возле палатки. Сейчас я ее напугаю... Видите, не стала притворяться, бросилась со всех ног бежать.

Жук-чернотелка застыл в странной позе.

Старик на лошади, подъехавший к нашему билаку, с интересом слушает разговор.

Я прилаживаю фотоаппарат, ложусь на землю, чтобы запечатлеть странную позу жука.

— Что спорить,— говорит лукаво старик,— жук справляет мусульманский обычай. Солнце появилось, надо на ковре молиться. Вот он и кланяется ему.

В фотоаппарат я вижу: тело жука заняло строго перпендикулярное положение по отношению к солнечным лучам. Насекомое явно озябло и сейчас отогревается.

— Почему же тогда жук не побегает? Быстро бы согрелся,— спорит товарищ.

— Видимо, такой способ не особенно экономичен, так как вызывает расход питательных веществ. Проще уж на солнышке.

Вскоре жук согрелся и шустро помчался по саксауловым зарослям.

ОТВЕТСТВЕННОЕ ДЕЛО

В пустынных красных горах Богуты, после жаркого дня, какая-то небольшая птичка всю ночь напролет пела страшную однообразную песню. Не знал я ночной птицы-певушки и кто она была не мог придумать. Кроме того, в этой безжизненной песчаной местности водились только одни каменки. И еще один звук мешал спать душной ночью. Совсем недалеко от палатки кто-то долго, старательно и непрерывно скреб землю.

Утром я пошел осматривать редкие кустики мелкого саксаула, но нигде не встретил почного музыканта, и загадку его не выяснил. Может быть, это какая-нибудь особенная, очень редкая и еще неизвестная для науки птица? Заго на небольшом откосе совсем рядом виднелся свежий небольшой холмик кем-то выброшенной земли. Интересно, кто здесь копался ночью?

Осторожно лопаточкой я принялся вскрывать ход. Красная почва вся заполнена мелкими камешками, прочно сцементированными друг с другом. Досталась же кому-то тяжелая работа. Небольшая норка сантиметров через десять закончилась пещеркой. Там шевелился кто-то желтый и мохнатый. Как-будто медведка. Но откуда ей здесь быть в царстве зноя и сухости. Осторожно пинцетом вытаскиваю на свет обитателя норки. Да это фаланга! И в очень странной позе. Ноги ее задраны кверху над спиной. С них постепенно сходит чулочками старая кожа.

Я осторожно засадил находку в большую пробирку. Интересно было проследить, как она будет литься дальше.

Но пленница не смогла завершить начатое дело до конца и погибла в позе полной беспомощности, с поднятыми кверху ногами.

Не зря фаланга копала такую просторную и хорошо защищенную норку. Линька в ее жизни была ответственным событием и должна была происходить в абсолютном покое.

РОЗА ВЕТРОВ

Когда-то здесь в очень засушливое время жизни пустыни ветер гнал песок струйками, барханы курились песчаной поземкой и, медленно передвигаясь, меняли очертания. Но прошли тяжелые годы, изменился климат, стали чаще выпадать дожди, барханы заросли растениями и сейчас застыли в немом покое, скрепленные корнями растений.

Я бреду по холмам, поглядываю по сторонам. В небе дружным хором славят весну жаворонки, пустыня покрылась зеленой коротенькой травой, местами холмы ярко-желтые от цветов гусиного лука, местами же будто в белых хлопьях снега, там где расцвели тюльпаны.

На обнаженном песке я замечаю кругляшки, размером с горошину. Они собраны кучками, хотя не соприкасаются друг с другом. Притронешься к такому кругляшку и он тотчас же рассыплется. Никак не понять, кто и для чего их сделал!

Еще встречаются странные сооружения: небольшое скопление палочек и соринок в виде крохотного курганчика с зияющим на его вершине отверстием, затянутым тонкой нежной кисеей паутины. Кисейная занавеска — творение паука. Кому же под силу такая искусная работа. Видимо, перезимовав, паук откопал свое убежище, устроил вокруг входа заслон от струек песка, но почему-то не стал дожидаться добычи — всяческих насекомых, прячущихся во всевозможные поры и щели, а предпочел уединение.

Сейчас в норке сыро, холодно, и заслон из тонкого материала более подходящее сооружение, нежели обычная земляная пробка. Все же через кисею в темное подземелье проникают и солнечные лучи и теплый воздух.

Песчаную, влажную от весенних дождей почву легко копать походной лопаткой. Рядом с норкой я приготовил глубокую ямку, чтобы потом начать осторожное вскрытие всего сооружения по вертикали. Но в темном входе за сдвинутой в сторону дверкой неожиданно появляются сверкающие огоньки

глаз и светлые паучьи лапы. Выброшенный наверх большой серый в коричневых полосках и пятнышках паук несколько секунд неподвижен, как бы в недоумении, потом стремглав несется искать спасение.

Я издавна знаком с этим обитателем песчаной пустыни и сожалею, что никак не соберусь испытать его ядовитость. Может быть, в необоснованном обвинении фаланг, бытующем в народе, повинны как раз эти светлые пауки.

На дне жилища паука — оно глубиной более полуметра — лежит недавно сброшенная «одежда». Паук перелинял и теперь превратился во взрослого самца, стройного, с длинными ногами и поджарым брюшком. Во время линьки паук совершенно беспомощен, и ради нее стоило закрыть свою обитель занавеской, предупредив возможное появление непрошенных гостей.

У всех пауков дела одинаковы, все курганчики над норками, сложенные из соринки, затянуты кисеей, все сразу принялись за линьку. Только одно странно. Какую бы я ни раскопал норку, всюду в ней самцы. Самок нет.

Я поглядываю на небо над пустыней: большое и красное солнце клонится к чистому горизонту. Следя за ним, медленно поворачивают свои белые с желтым сердечки тюльпаны, и полянка между холмами все время меняет свой облик.

На песке мне по-прежнему попадаются таинственные катышки. Они, наверное, вынесены наверх каким-то «землекопом», который занят или строительством своих хором, или ремонтирует старые после долгой зимней спячки. Но возле катышков нет норки. Осторожно слой за слоем я снимаю песок лопаткой, но безуспешно. Загадка катышков меня привлекает, и я продолжаю поиски.

Иногда катышки будто располагаются легким полукругом, направленным дугою на восток. Отчего бы это могло быть? Откуда и к чему это кощасное правило?

Солнце уже почти коснулось горизонта. Посидели далекие очертания пологих гор Малай-Сары. Пустыня потемнела. От застывших барханов протянулись синие тени. Сухая травинка, склонившись над гладким песком, вычертила полукруг — эту своеобразную розу ветров, свидетельство того, что здесь недавно гулял западный ветер. Вглядываясь в этот четкий полукруг, я невольно перевожу взгляд на катышки. Они расположились полукругом к востоку. Незнакомцу было легче относить от своего жилища груз по ветру. Видимо, строитель не так уж силен и не столь легка его ноша. И тогда я догадываюсь, где должна быть норка, по катышкам вычер-

чиваю линию полукруга, провожу от нее радиусы и в местах их схождения, в центре предполагаемого круга, осторожно лопаткой снимаю песок.

Расчет оказался верен. Передо мной открывается норка. В ее глубокой темноте, наверное, сидит тот, кто задал мне такую головоломку. Еще несколько минут раскопки, и через осыпавшийся песок выглядывают светлые ноги. Вдруг песок разлетается в стороны, и наверх выпрыгивает тот же светлый с легкими коричневыми полосками и пятнышками паук. В его черных выразительных глазах отражается красное солнце, коснувшееся краем синего горизонта.

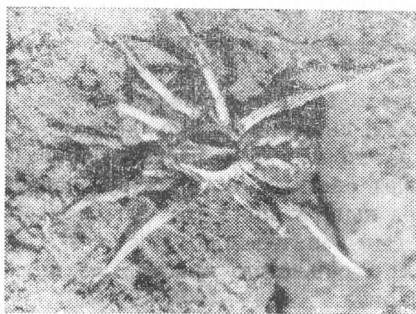
Я с интересом разглядываю хозяина жилища. Это еще незрелая самочка. Ей предстоят одна-две линьки. Она соскабливала ядоносными челюстями (они даже слегка притупились от такой непривычной работы) влажный песок, скатывала его в круглые тучки, обвязывала их нежнейшей паутиной сеткой и выносила наверх. Иначе и не могло быть. Иначе и не поднять песок из норы. Я вглядываюсь в катышки через лупу и кое-где вижу остатки поблескивающей паутины, с помощью которой и был связан тучок.

Как часто натуралисту помогает чисто случайное совпадение обстоятельств. Своей находкой я обязан сухой былинке, склонившейся над песком. Она вычертила розу ветров и помогла мне найти норку. Теперь я легко угадываю по катышкам норки и всюду в них нахожу незрелых самок, заметно уступающих размерами мужской половине своего рода.

А время идет. Тюльпанчики перестали глядеться на солнце, сложили лепестки, закрыли желтые сердечки и стали как свечечки. Желтые цветки гусиного лука тоже сблизили венчики-пальчики.

Возвращаясь к биваку, я думаю о том, почему убежище самок закрыто наглухо, а самцы все же оставили что-то подобное кисейной оболочке. Неужели потому, что самке предназначено продолжение рода и полагается быть более осторожной? А почему самцы созрели раньше? По паучьему обычаю они скоро должны бросить свои насиженные жилища, в которых прошли их детство и юность, и приняться за поиски подруг.

Видимо, жизнь, особенно в пустыне, приспособлена к самым неблагоприятным обстоятельствам. Самцам предоставляется изрядный запас времени для поиска самок, и если сейчас здесь им и нетрудно повстречать теремки своих невест, то, наверное, в тяжелые времена, хотя бы в то далекое время, когда эти застывшие барханы струились от ветра песчаной

Песчаный тарантул замер
от неожиданности.

поземкой, брачные поиски были тяжелы и нередко кончались неудачей.

Утром, прежде чем отправиться в путь, я снова обхожу барханы. И еще находка! Катышки песка выброшены из норы как всегда полукольцом, но на месте норки глубокая ямка-копанка, следы чьих-то лапок и длинного хвоста. Вблизи на склоне бархана возле норы сидит песчанка, долго и

внимательно смотрит на меня, потом встает столбиком и, вздрагивая полным животиком, заводит мелодичную песенку. Ей начинает вторить другая тоном выше, потом присоединяется третья. Трио получилось неплохим, и я сожалею, что не могу записать его на магнитофонную ленту.

Что же произошло с тарантулом?

Внимательно я разглядываю землю, мельчайшие на ней шероховатости, распутываю следы. Потом раскапываю норку, вернее, ее остатки, выясняю, в чем дело. Здесь, оказывается, произошла трагедия.

Бедный тарантул! Его выкопала и съела песчанка. Кто бы мог подумать, что этот распространенный житель пустыни, отъявленный вегетарианец лакомится пауками. И судя по всему, у него в этом ремесле имеется педюжинный навык. Песчанке давно известен секрет расположения норки среди выброшенных паружу катышков, не без труда разгаданный мной, она ловко, не тратя времени на поиски, проделывает узкую копанку. Быть может, песчанка — ловкая охотница за тарантулами и она одна из немногих, постигших искусство добычи пауков. Интересно, появятся ли когда-нибудь тарантулы, которые будут предусмотрительно селиться подальше от колоний этих грызунов?

Наверное!

СТРАШНАЯ ПОГИБЕЛЬ

Я люблю этот уголок песчаной пустыни, заросший саксаулом. Здесь по одну сторону синее хребтик Тас-Мурун, по другую — видна гряда песков с джужгуном и песчаной акацией. В этом месте особенно хорошо весной. Среди кустиков

саксаула земля украшена пятнами широченных морщинистых листьев ревеня, по нежно-зеленому фону пустыни пламенеют красные маки. Между ними, яркими и нарядными, вкраплены крошечные цветы пустынной ромашки, оттеняющие своей скромной внешностью и чистотой кричащее великолепие горящих огнем цветов. В это время безумолчно звенят жаворонки, несложную переключку ведут желчные овсянки.

— Кто скажет, почему маки растут только возле кустов саксаула,— задаю я загадку своим спутникам.— Да только с западной стороны?

Но сегодня все устали. Не желают угадывать. Молча устраиваются на ночлег, расставляют палатки, разворачивают спальные мешки, поглядывая в сторону костра, от которого разносится аппетитный запах еды.

Во время ужина я раскрываю загадку.

Красные маки, как роза ветров. Восточные ветры намели за кустами небольшие сугробы снега, а когда они растаяли, увлажненная земля дала жизнь чудесным цветкам.

Еще хорошо это место тем, что тут с реки Или идет небольшой канал. Мутная, чуть беловатая вода не спеша струится на далекие посевы. Рано утром на канале я вижу необычное. Что-то здесь произошло, разыгралась какая-то трагедия. Вот вода пестрит черными комочками. Местами у самого берега они образовали темный бордюр или тянутся по воде длинными полосами. Не раздумывая, я спускаюсь к воде с крутого берега канала. Что бы это могло быть?

— Бросьте это! — кричит мне сверху Саша.— Не видите, овечий помет с кошары попал в воду!

Но «овечий помет» (мне самому вначале таким показался) — небольшие чернотелки, все, как на подбор, одного вида: самки чуть крупнее, самцы тоньше, стройнее. Почти все жуки мертвы. Лишь немногие из них еще шевелят ногами, редкие счастливицы, запаханные жидкой тиной, уцепились за твердую землю, выбрались из предательского плена, обсыхают или, набравшись сил, уползают наверх, подальше от страшной гибели.

Жуков масса, не меньше десяти тысяч. Все они скопились в небольшой части канала длиной около двухсот метров. Быть может, этому способствовало то, что здесь спокойное течение воды.

Настоящие жители безводных пустынь они, попав в нее, оказались совершенно беспомощными.

Но что завлекло жуков в воду?

В пустынях живет много разнообразных видов жуков-чернотелок. Они потеряли способность к полету, зато их толстая и прочная броня срослась на спине и образовала панцирь, предохраняющий тело от высыхания в климате пустыни.

Вот и сейчас бродят возле нас самые разнообразные чернотелки. Некоторые из них подползают к воде, но решительно заворачивают обратно. Вода им чужда или неприятна. Они даже не умеют ее пить, а необходимую для организма влагу черпают из растительной пищи. Только эти странные небольшие чернотелки не сумели разгадать опасность и попали в непривычную для себя стихию.

Наверное, жуки куда-то переселялись, подчиняясь воле загадочных инстинктов, отправились все сразу в одном направлении и, встретив на своем пути воду, не смогли превозмочь чувства заранее взятого направления путешествия.

Я брожу возле канала, фотографирую протянувшиеся в воде длинные полосы печальной процессии утопленников и вижу одного, за ним другого бесчисно ползущих к каналу. Они спускаются вниз, бездумно вступают в воду и беспомощно в ней барахтаются. Это те, кто отстал от всеобщего помешательства. Откуда им, таким глупцам, почувствовать смертельную опасность. Они — тупые заведенные механизмы, неспособные даже разглядеть своих погибших сородичей.

ХИТРЫЙ КТЫРЬ

Под ногами шуршит песок и посох равномерно и мягко постукивает о дорогу. Впереди бесконечные песчаные холмы, покрытые редкими кустиками белого саксаула. Скоро ли кончится песчаная пустыня? Наконец показались темно-красные скалы Большого Калкана. Там наш бивак.

Во всем сказывается осень. Главное же, не стало наскомых. Кое-где перебежит дорогу песчаный муравей, на длинных ходульных ногах проковыляет чернотелка, сверкнет крылом песчаная кобылочка. Но вот откуда-то появилась хищная муха-ктырь — Апоклеа-травалис. Он какой-то особенный. Пролетит вперед, сядет на дорогу, повернется головой навстречу и, уставившись большими черными глазами, рассматривает меня. И так много раз. Что ему надо? Неужели такой любопытный?

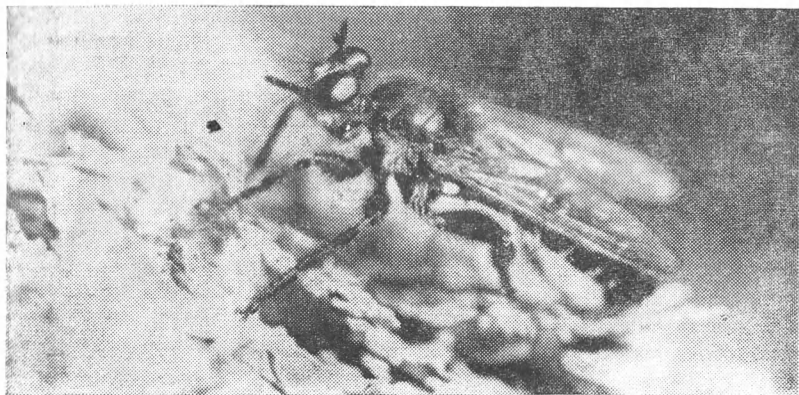
И снова мерное шуршание шагов, постукивание посоха, и теперь еще этот неожиданный спутник. Понравилось со мной. Ну что же, может быть, и до бивака вместе доберемся. Но из-под ног неожиданно вылетает большая муха, ктырь бросается на нее. Удар сверху, падение вместе на землю, несколько се-

кунд неподвижности, и удачливый охотник поднялся вместе с добычей в воздух и летит от дороги прочь в сторону.

Так вот зачем он меня провожал! Ожидал, когда из-под моих ног вылетит напуганное насекомое. Чем плоха уловка. Даже в этой глухой пустыне, где нет скота и давно уничтожены джейраны, архары и другие крупные звери, сейчас пригодилась. Интересно узнать, что это, древний инстинкт, проснувшийся в ктыре, или, быть может, личный и случайно приобретенный опыт. Впрочем, так ведут себя многие животные. Рядом с поездом летит кобчик, ожидая, когда из придорожных зарослей вылетит напуганная грохотом железа пичужка. Провожает автомашину лунь, высматривая, не шелохнется ли осторожная мышка, зажавшаяся в траве, во время похолодания возле овец кружатся ласточки и ловят на лету поднятых из травы мошек, а скворцы усаживаются на спины пасущихся животных и оттуда высматривают потревоженных кобылок.

Через несколько лет я снова на Поющей горе, и опять вышагиваю по знакомой дороге. По ней давным-давно никто не ездит, песком занесло колею.

Возле меня беспрестанно летают небольшие стрекозы-симпетрум: охристо-желтые самочки, красно-карминные самцы. Каждая стрекоза, снявшись со своего наблюдательного пункта, летит вперед, провожает пять-десять метров, повернувшись головой ко мне, брюшком вспять. Далее — владения другой стрекозы, туда нельзя вторгаться, вся Поющая гора негласно поделена маленькими хищниками на свои охотничьи участки. Иначе нельзя. Здесь жизнь сурова, насекомых

Высматривая добычу, ктырь ворочает головой.

мало, и для того чтобы прокормиться, надо немало потратить энергии. Другое дело—тугаи. Там масса комаров и всяческой живности, масса и стрекоз, и границ участков нет, все перепутано, хищники охотятся рядом, буквально крыло о крыло.

Но находится одна нарушительница сложившихся устоев, провожает меня долго, по пути вступая в легкие воздушные баталии, и все время не сводит с меня больших глаз, пока наконец не хватает какую-то вспугнутую мною мушку и не уносится с нею в сторону от дороги.

Стрекозы, оказывается, так же, как и ктыри, сопровождают крупных животных в надежде схватить вспугнутую дичь.

А почему бы и не так? Правило неплохое!

ХОЛМИКИ СЛЕПУШОНКИ

Когда-то здесь, много тысяч лет тому назад, в тяжелый для растений и животных засушливый период земли, ветер перевевал чистый песок, в одном месте наносил высокие округлые холмы, в другом — выдувал глубокие, как чаша, впадины. Потом климат пустыни изменился, стали перепадать дожди, песками постепенно завладели растения, и теперь они, как море с застывшими волнами, покрыты зеленым ковром, поверхность почвы густо пронизана тонкими крепкими корешками, и о том, что под тонким слоем слегка потемневшей почвы находится слежавшийся песок, можно только догадаться по овражкам да по автомобильной дороге.

В этой пустыне, как и во многих других местах, всюду множество светлых небольших холмиков размером немного больше обеденной тарелки. Иногда эти холмики идут цепочкой или переплетаются замысловатыми извилистыми линиями. Если найти такую свежую цепочку, сесть у самого последнего и свежего холмика с еще влажной землей и вооружиться терпением, можно увидеть, как холмик зашевелится и кто-то снизу вытолкнет очередную порцию земли. Иногда, впрочем, очень редко, если долго и тихо сидеть возле холмика, можно увидеть и самого хозяина. Он вознаградит ваше терпение, высунет на мгновение свою голову, чтобы взглянуть на мир, сверкающий солнцем и сухим горячим воздухом. Физиономия зверька забавная. Глаза — едва заметные точки, не больше булавочной головки, на конце мордочки сверкают белозной большие загнутые резцы. Это слепушонка, неутомимый подземный труженик. Всю жизнь он роет ходы, ищет личинок насекомых, корешки и луковицы растений.

Роется он неутомимо, беспрестанно для того, чтобы найти

себе пищу, употребляет пищу ради того, чтобы иметь силы путешествовать под землей в поисках добычи.

Слепушонка неуязвим для врагов. Под землей его не поймешь. Впрочем, у самого холмика его иногда поджидают волки и лисы. Но охота эта утомительная и требует много времени.

Никто не подозревает о том, что в пустыне слепушонка совершает громадную работу, перелопачивает всю поверхность земли, рыхлит почву, делает ее проницаемой для воды и воздуха. Можно сказать без преувеличения, что за 10—20 лет в местах, где обитают эти грызуны, поверхность почвы ими тщательно перепахивается. А так как это делается постоянно, то польза от четвероногого землепашца очень большая.

Я брожу по заросшим холмам, приглядываюсь к следам работы подземного жителя. Холмики слепушонки — отменное место для многих насекомых. На них всюду устроились личинки муравьиного льва, и не будь слепушонки, не было бы здесь этого насекомого. Еще холмики всюду пронизаны норками жуков-чернотелок — им тоже не легко прокопаться через задернованный слой почвы. Некоторые норки, оказывается, принадлежат ящерицам. В песке они скрываются на ночь от многочисленных врагов. Этим любительницы песчаной пустыни тоже обязаны слепушонке.

Крестовая кобылка, как только в ее теле созреют яички, находит помягче почву, тонким брюшком проделяет норку и выделяет густую жидкость. Она склеивает частицы почвы и, застывая, делает их твердыми. Получается, как говорят энтомологи, кубышка. В нее и откладывает заботливая мать запас своих яичек. Холмики слепушонки — отличное место для кубышек кобылки. Сколько их там напичкано, сразу не догадаешься. Весенние дожди, ветры разрушают старые холмики и тогда давно отслужившие свое назначение пустые кубышки начинают столбиками выглядывать над светлыми пятнами выброшенной наружу земли. Проходит несколько лет, от холмика порою ничего не остается, а кубышка цела, ничего с нею не стало и не оторвешь от нее случайно приставшего крохотного камешка. Зачем такой излишний запас прочности, к чему он нужен?

И не одни насекомые обязаны своим существованием слепушонке. Многие растения поселяются только на свободных участках земли. Эти растения — пионеры. Они первые завоевывают голую землю и завладевают холмиками забавного подземного жителя, этими, как бы специально для них подготовленными плантациями.

Ветер, дожди, насекомые, растения постепенно разрушают следы работы слепушонки, от которого они так зависят и которому обязаны своим существованием.

ЛЁССОВАЯ ПУСТЫНЯ

Ровная, как стол, или слегка всхолмленная бескрайняя светлая глинистая почва почти белая, твердая, как камень. Но потекут по ней весенние ручьи и сразу же станут желтыми, размоют глину, наделают оврагов. Дороги в лёссовой пустыне покрыты слоем пухлой пыли, и уж позади машины она поднимается целым облаком.

Весной лёссовая пустыня необыкновенна. Все зелено, покрыто цветами и уж самые главные ее цветы — красные маки — буйствуют от горизонта до горизонта. Увядают одни цветы, на смену им приходят другие, и будто за ночь меняет пустыня цветные покрывала.

Жизнь в лёссовой пустыне скоротечна и буйна. Кончается весна, и все засыхает, замирает до следующей весны, и только одна белая полынь с удивительно приятным терпким ароматом продолжает сопротивляться все лето зною и сухости.

И в лёссовой пустыне богата жизнь норовиков. Выроет норку сперва какой-нибудь жук, потом ее расширит ящерица. Затем в ней поселится мышка и тоже увеличит свое подземное жилище. За нею освоит новое убежище ёж, а за ним лиса или волк. Так, постепенно увеличиваясь, и служит пора долгие годы разным жителям пустыни, пока совсем не обрушится и не исчезнет.

А там, где вырос овраг, его стенки изрешечены многочисленными норками воробьев, скворцов, сизоворонок, золотистых щуток и даже галок.

Летя над лёссовой пустыней стремительные чернобрюхие рябки, в небе непрерывно поют жаворонки, вздымая легкие облачка пыли, уносятся за горизонт стада горбоносых сайги. Всюду незримо копается под землей неутомимый слепушонка, выбрасывая на поверхность кучки земли.

Весной в лёссовой пустыне масса насекомых. Бредут во всех направлениях жуки-чернотелки, усачи-корнееды, от куста к кусту протянули свои паутинные дорожки гусеницы походного шелкопряда.

Но вот кончается весна. Высыхает лёссовая пустыня, вянут растения, и там, где когда-то были цветы, торчат одни

колючки. Многие животные засыпают до следующей весны, а те, кто продолжает жить, бодрствуют только ночью, на день прячась в спасительные норки.

ГРЯЗНУЛИ

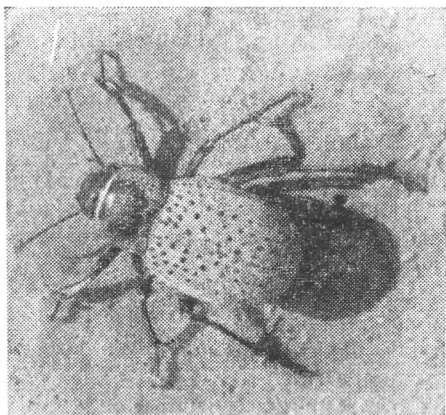
Идешь по полю и всюду загадки. Вот и сейчас ранней весной вся почва в норках: выползли из своих глубоких укрытий первые вестники весны — жуки-кравчики. Нетрудно заметить, что самые крупные из них будто нарочно перепачкались в земле, а те, что поменьше — чистенькие, сверкают вороненой сталью рыцарских лат. Ну почему так?

Еще прошлой весной жуки-кравчики выкопали во влажной земле глубокие норки и там под землей сделали по несколько пещерок. В каждую из них была набита трава, в каждую из них отложено по яичку. Из заготовленного корма вскоре получился отличнейший силос, который с аппетитом съели личинки. Потом они окуклились, превратились в жуков и заснули в своих темницах на все сухое лето, дождливую осень и долгую зиму. Когда же сошли снега, пришла новая весна и голую землю разукрасили первые цветки лёссовой пустыни — белые крокусы, глубоко под землей в своих колыбельках пробудились молодые жуки-кравчики и стали выбираться наверх.

Труднее всех пришлось жуку-первенцу, чья каморка располагалась выше всех. Эта каморка была заложена родителями самой большой личинки и ей заготовлено вдоволь, и первенец вырос богатырем. Пока он откапывал землю, выбирался наверх — весь испачкался в светлой лёссовой почве и стал серым. Зато его братьям и сестрам путь был уже открыт, и они чистенькие, в нарядных костюмах разбрелись во все стороны.

Прошло немного времени. Зазеленела пустыня, сизая пахучая полынка подняла свои росточки. Отцвели крокусы, а на смену им поднялись желтые тюльпаны. Кравчики разбились на пары, каждая вырыла себе семейную норку и принялась так же, как и раньше делали их родители, заготавливать зеленый корм. Теперь почти все жуки выпачкались в земле. И будто так и полагалось. На светлой почве пустыни не так заметно недругам. А красота — ни к чему она им. Лучше быть грязнулей.

И не только кравчики так делают. Вот, например, ни за что бы не заметить эту чернотелку. Она вся покрыта светлой глиной, похожа на комочек земли. Какая же она после этого чернотелка, если вся серая и больше ее подобает звать «серо-

Жук-чернотелка вымазался в глину, чтобы оставаться незаметным в пустыне.

телкой». Только на самых кончиках острых шипиков глине не удержаться, и они будто черный пунктир украшают тело обманщицы.

Не попытаться ли отмыть с неё грязь. И сразу же оказалось, что на спине у жука глубокие борозды. Специально, чтобы прочнее держалась глина.

Не зря так замаскировалась чернотелка. В пустыне многие звери, птицы и насекомые окрашены в светлые тона. Куда деться в чер-

ной одежде да еще на светлой почве пустыни при дневном свете. Все увидят. Не поэтому ли многочисленные виды семейства чернотелок днем сидят в норках и под кустиками, а разгуливать решаются только ночью.

Не только жуки-кравчики и эти чернотелки покрывают свой изящный костюм грязью. Точно так же поступают и еще несколько других видов чернотелок. Всем, кто любит бодрствовать днем, приходится так маскироваться...

По голой земле от травинки к травинке пересбегает едва заметный, серый, как почва, плоский паук. Когда шевельнется — едва заметен, замрет — ни за что не рассмотришь. Кто он такой?

Это паук-краб. Так его называли за то, что своей внешностью, плоским телом, корежистыми, расставленными в стороны ногами он в миниатюре напоминает жителя моря — краба. Паук-краб — тоже грязнуля, измазал свое тело тонкой взвесью глины, и она среди густых волосков сидит так прочно, что ее не сразу отмоешь. Эта вторая одежда очень помогает пауку маскироваться. В ней он неразличим, и насекомые не видят хищника, легко попадают в его цепкие лапы.

Другие виды пауков-крабов охотятся только на цветках. Они, как хамелеоны. Какой цветок, такая и окраска у паука: белая, желтая, сиреневая или даже красная.

Бывает и так, что отцвели в пустыне белые цветы и яркому хищнику поневоле приходится перебираться на какой-

нибудь красный цветок. Сидит он на нем и всем виден ярким пятнышком. Такому пауку в охоте неудача, такого все облетают стороной. Он же ничего не может сделать, не умеет даже грязью вымазаться. Это не в его обычаях. Ждет не дождется, пока не покраснеет.

Но некоторые пауки-крабы в таком положении находят быстрый выход. Если в цветке много пыльцы, они пачкаются в ней да так сильно, что не узнать паука. Тогда берегитесь, доверчивые пчелки. Яд паука-краба очень силен, и прожорливый хищник мгновенно убивает свою добычу.

ЖЕЛТЫЙ ПОТОК

Предгорные холмы у западной окраины Зайлийского Алатау в этом году неузнаваемы. Середина июля, а роскошная сизая полынь, как бархат, покрыла светлую землю, и ее чудным терпким запахом напоен воздух. А между холмами в длинном пологом распадке буйная поросль осота, развесистого чия, и по самой середине — узкая полоска приземистого клевера.

Видно, не столь давно, может быть, неделю тому назад прошел дождь и у небольшого лёссового обрывчика, испещренного порками, среди зелени блестит мутная лужица. Здесь водной жаворонок. Песняная роспись следов птиц испещрила узорами мокрую глину. И не только жаворонки посещают лужицу, быть может, единственную на десяток километров. Видны еще четкие отпечатки лап барсуков и куницы. Грозно гудя крыльями, прилетают большие оранжевые осы-калигурты, черные осы-сфексы, множество общественных ос. Сосут влагу из мокрой земли нежные бабочки-голубянки. Реет над водой большая голубая стрекоза, присядет на минуточку на сухую веточку, покрутит головой и, заметив добычу, стремительно взмлет в воздух. В воде кишат дафнии, снуют во всех направлениях, сталкиваются друг с другом.

По самому краю лужицы, в тонкой взвеси ила, пробивая в нем длинные извилистые поверхностные ходы-траншеи, ползают очень забавные, с длинным раздвоенным хвостиком, похожим на перископ подводной лодки, личинки мухи, копошатся красные личинки комариков-хирономид. Муравьи-тетрамопусы патрулируют вдоль берегов. Навещают ее и муравьи-бегунки. По воде бегают мушки-береговушки. И еще немало разнообразных наскомых толпится возле воды.

А солнце печет по-летнему, лужица высыхает на глазах. Вот сбоку отъединилось от нее крохотное, размером с чайное блюдце озерко, вода быстро испарилась из него, осталась мокрая глина, в которой гибнут ее обитатели. Весь этот мир с дафниями, личинками мух доживает последний день и завтра к вечеру ничего от него не останется.

Но я, кажется, ошибся. С далеких гор по небу потянулись белые полосы прозрачных облаков. Вот они добрались до солнца и прикрыли его как кисеи. За ними поползли темные тучи. Стало пасмурно. Послышались отдаленные раскаты грома. Упали первые капли. Разве в такую жару быть дождю? Сейчас, как обычно, про шумит гром и все закончится. Но капли дождя все чаще и чаще, и полил настоящий дождь, по склонам холмов посочилась вода, мокрая глина стала скользкой, как густое масло. Теперь я не храбрюсь и не жду солнца, а торопливо раскладываю палатку. Но, как бывает в таких случаях, дело не спорится, где-то в коляске мотоцикла запропастились колышки, перепутались веревки. Совершенно мокрый я забираюсь в палатку, переодеваюсь в сухое, раскладываю вещи и облегченно вздыхаю: у меня отличный дом, я не боюсь дождя и пусть он льет хоть весь остаток дня и всю ночь. Дождь шумит о крышу палатки целый час и навевает сладкую дрему. Но вот он будто затихает, мелкие капельки уже не барабанят, а поют нежную песенку почти шепотом, и когда она смолкает, становится очень тихо, так тихо, что слышно тиканье ручных часов и еще какой-то звук. Сквозь дрему я силюсь его узнать, вспоминаю, что-то в нем очень знакомое. Да это журчит вода. Скорее из палатки!

И небо пасмурное, темные облака поднялись высоко. А мимо, совсем рядом, не спеша, течет желтый поток. Он совсем скрыл зеленую полоску клевера, добрался до чия и осота.

Сколько здесь терпящих бедствие насекомых! Плывет жу-желица и все неудачно цепляется за веточки растений. На кустики вползли осы-калигурты, осы-сфексы, клопы-солдатики, серые слоники, божьи коровки, всего не перечтешь. Паукам-ликазам поток нипочем. Они перебегают его как по гладкому асфальту, кто порожняком, а кто и с тяжелым коконом, подвешенным к кончику брюшка.

Упала в лужицу белоголовая мушка-сирфида. Крутится, трепещет крыльями, пытается перевернуться и взлететь. Мушка-береговушка стала носиться по воде. Увидала тонущую сирфиду, стала ее атаковать, ударяет головой о голову. Что она затеяла — трудно понять: то ли игру от избытка сил и одиночества, то ли утопить добычу и потом поживиться

ею. Иногда она убежит на своих ходульных ногах далеко, потом снова проведает мушку и боднет ее, бедную. И так много раз.

В одном месте все кустики черные. Они облеплены копошащейся массой жуков. Это красноголовые шпанки — эпикаута эритроцефала. Как я их сразу не заметил? Грудь жуков темная, голова темно-коричневая, надкрылья испещрены продольными ярко-белыми и черными полосами. Одежда красноголовой шпанки, как и у всех представителей семейства шпанок, заметная, видная издали и предупреждает о ядовитости. Для чего шпанки собрались компанией? Посмотрим внимательно, сколько тут самцов и самок. Их легко различить друг от друга. Самцы меньше, усики их толще и устроены по-другому. В скопищах, оказывается, преобладают самцы, но те жуки, которые отлетают от него, — самки.

Видимо, чем-то сильно пахнут жуки. Дует легкий ветерок, и с подветренной стороны на химический сигнал несется к скопищу новое пополнение. За сколько километров жуки уловили призыв, почувствовали скопление своих собратьев?

Скопище жуков не случайное, а брачное. Оно, видимо, будет существовать еще несколько дней, пока постепенно не рассеется. Самцы потом погибнут. Самки отложат в землю яички и также прекратят существование. Все это произойдет скоро, сейчас, весной. Из яичек потом выйдут маленькие и очень подвижные личинки, разбредутся по все стороны в поисках яйцекладок или, как их еще называют, «кубышек» саранчовых. Многие личиночки погибнут, истощив свои силы в бесплодных поисках, некоторым же удастся добраться до своей цели. Как только кубышка найдена, личиночка жадно принимается уничтожать яйца, вскоре же линяет и приобретает совершенно другую внешность. Дальше с нею происходят странные превращения. Личинка второй стадии снова линяет и становится слабоподвижным толстым червяком. Потом еще линька без особых изменений, и еще очередная линька, после которой из личинки выходит что-то очень сильно похожее на куколку. Эта ложная куколка опять линяет, из нее выходит вновь подвижная личинка. Наступает шестая линька, и подвижная личинка превращается, наконец, в настоящую куколку. К этому времени все яйца в кубышке саранчовых съедены. Куколка замирает на зиму, весной же из нее выходит жук, красноголовая шпанка, и взлетает в воздух в поисках брачного скопища.

Красноголовые шпанки сильно уничтожают саранчовых и этим приносят большую пользу.

Внизу продолжает журчать вода. Я иду вдоль ручья дальше по направлению к лёссовому обрыву, где была пересыхающая лужица. На ее месте большая глубокая яма, заполненная водой, и сверху в нее журча вливается маленький водопадик. Ничего не осталось от лужицы и все ее обитатели — маленькие дафнии, личинки мух, красные личинки комариков расселились по всему распадку и теперь, когда пройдет вода, будут долго жить в таких же маленьких лужицах, пока их не высушит горячее солнце.

ЗАКОН РАССЕЛЕНИЯ

Сегодня, десятого марта 1965 года, небо ясное, и, наверное, будет теплый весенний день. Солнце взошло над тугайми и пустыней, и сразу почувствовались его ласковые лучи.

Высоко в небе к Соленым озерам тянут стаи уток, кричат в кустах фазаны, хлопают крыльями, заливаются щеглы, синички-лазорежки. Только насекомых не видно. Не отогрелись после утреннего заморозка.

Но с каждым часом теплее. От ручейка на берег выплывает маленький темно-серый ручейник. На его спине два отросточка — зачатки крыльев. Он очень торопится, забирается на тростинку, крылья его расправляются, складываются на спину, и вскоре он, справляя весну, уже трепещет в воздухе.

Сверкают на солнце крыльями жуки-стафилины, какой-то большой жук с гулом проносится мимо. Куда он спешит, зачем так рано проснулся?

Открыл крышечку своего подземелья люковый паук, принялся за ремонт зимней квартиры, соскребывает ядоносными крючками комочки земли, опутывает паутиной, собирает в тучки и выбрасывает наружу.

Муравьи еще спят в подземных убежищах, ждут, когда к ним в глубину проникнет тепло, не верят весеннему дню. Еще будут морозы, холода, дожди, быть может, даже снега. Зато любители прохлады — муравьи-жнецы — все пробудились, выбрались наверх и принялись заготавливать семена тех трав, которые осенью были несъедобны, а теперь после зимы как раз кстати. Кое-где возле входов гнезд гремят зоркие и чуткие крылатые самки и самцы. Едва упадет на них тень, и все они в спешке, сверкнув крыльями, мчатся в спасительные подземные лабиринты.

Кончился сон у пустынных мокриц. Теперь прощайте зимовочные норки и тесные скопища! Наступила пора рассе-

ления, свадебных путешествий и забота о потомстве. Не беда, что еще будут холода, весна все же наступила, чувствует-ся ее дыхание.

Над небольшой полянкой среди высокого лоха реют в воздухе клопы-солдатики и садятся на землю. Желтая сухая трава колышется от множества красных телец. Они тоже расселяются и сюда залетают со всех сторон по пути.

В ложбинках, где скопилась вода, в мелководных лужах копошатся клопы-гладыши, кориксы, жуки-водолюбы. Они прилетели сюда, на мелководье, в тепло из холодных, в ледяных заберегах рек. Когда наступит засуха, вся эта братня переселится обратно.

А солнечные лучи еще жарче. В тени уже более двадцати градусов. Яркие цветистые фазаны по-весеннему раскричались в кустах чингиля. На сухом суку завел веселую и звонкую трель пестрый дятел. Пролетела сорока с веточкой в клюве для гнезда. Высоко в небе просвистели крыльями шеренги уток-шилохвосток. Сверху донеслись крики журавлей. Больше птицы, медленно взмахивая крыльями, неслись на север, на родину. А когда стих ветер и только чувствовалась едва заметная плавная тяга воздуха, на паутинках поднялись паучки и полетели в дальние странствования. Полетели все: крошечные, неопытные, не знающие жизни юнцы-малыши, едва вышедшие из родительских коконов, и те, кто еще осенью начал самостоятельную жизнь и удачно перезимовал. Поднялись в воздух и пауки-волки из семейства Ликозид. Вот мимо на длинной сверкающей нити медленно проплыла молодая самка-ликоза, размером с горошину. За ней другой пилот бродяга-скакунчик стал постепенно набирать высоту. Земля запестрела паутиными нитями, а небо расчертилось сверкающими линиями. Никто не знал о том, что пауки-ликозы и скакунчики также умеют летать, как те, что всю жизнь сидят на своем месте в своих паутиных ловушках и только один раз в детстве превращаются в воздушных путешественников. Так неожиданно открывается маленькая тайна паучьей жизни.

Поднимаются на крыльях в воздух мириады мелких насекомых, пробудившихся после зимнего сна. Маленькие моторы беззвучно работают и несут всюду бездумных переселенцев. Буйство расселения завладело всеми, и, казалось, будто в природе во все стороны разносился гул набата и взывал: «Разбегайтесь, разлетайтесь, расползайтесь, прощайтесь с насиженными местами. Занимайте все места, где только возможна жизнь. Не беда, если кто и окажется неудачником.

Жизнь обязана заполнить все закоулки, где только она возможна!»

Незаметно склоняется к горизонту солнце, розовые лучи падают на далекие снежные вершины гор Тянь-Шаня, и, когда оно прикасается к горизонту большой молчаливой пустыни, все старые сухие травы начинают сверкать паутинными нитями, и это ранее незаметное богатое убранство, эти следы переселенцев, светятся, мерцают и медленно-медленно гаснут вместе с наступающими сумерками.

Первый весенний день закончился.

ЛОВЧАЯ ЯМА

Среди красных скал гор Калканов, на голубой полянке, поросшей пустынной полынью, я вижу большой холм желтой земли и торможу мотоцикл.

Что там такое?

Это не холм, а кольцевой вал и внутри него глубокая круглая яма с совершенно отвесными стенками. А дальше все происходит как-то неожиданно и одновременно: ноги проваливаются в желтую землю по колено, в яме раздается шум, и наружу один за другим стремительно вылетает добрый десяток пустынных воробьев. Земля, оказывается, вся пропизана норами песчанок, в стенках же ямы, пожалуй, правильнее ее назвать колодцем, каким-то образом воробьи вырыли отличные глубокие норы, натаскали туда травы и устроили гнезда.

На дне колодца кто-то копошится. Надо присмотреться, не отводя взгляда, отвыкнуть от ослепительно яркой пустыни. Там вяло ползает множество крупных жуков-чернотелок. Они, видимо, давно в плену, истощили силы, смирились со своей судьбой и медленно умирают. Среди них единственный жук-скарабей карабкается по отвесным стенкам, срывается, падает вниз на спину, барахтается, пытается встать на ноги, упрямо бьется за жизнь, пытается выбраться на свободу. Среди узников бродят еще мелкие жучки, и великое множество каких-то мельчайших наскоковых усеяли дно. А в самом углу прижалась к земле ящерица-агама и, повернув голову набок, смотрит на меня немигающими глазами.

Жаль бедных чернотелок, агаму, и еще интересно, кто такие мелкие насекомые, почему их много. Я подвожу мотоцикл к яме, привязываю к нему веревку, делаю на ней узлы и осторожно спускаюсь вниз.

В яме тишина, прохлада, сумерки. Совсем не так, как там,

наверху, в пустыне. Какой-то воробей остался в своей норе, но сейчас не выдержал, вырвался и, едва не задев меня, вылетел кверху. В гнездах птиц лежат светлые с черными крапинками яички. Видимо, птичьи пары не отличаются добрым нравом и среди них случаются драки, так как на земле валяется немало разбитых яиц. Все их содержимое выели голодные жуки.

Я собираю жуков пригоршнями и выбрасываю наверх. Какие они легкие! Скарабей совсем как перышко. Доходит очередь до агамы. Ящерица угрожающе раскрывает рот, шипит, ее подбородок синее.

Еще я вижу полуистлевший труп замечательного прыгуна пустыни — мохноногого тушканчика, остатки желтого суслика и зайца-песчаника. И еще что-то припорошенное землей — шерсть, кости, маленькие рожки джейрана. Бедное животное первым из крупных зверей пострадало в этой могиле.

Когда-то в яму угодила волк, лиса или собака. Пытаясь выбраться, узник вырыл довольно большую нору, а потом ему, наверное, посчастливилось, так как трупа нет. Нора вся сплошь набита чернотелками — этими почными бродягами пустыни, и немало хлопот стоит всех выбросить наверх.

А маленькие насекомые оказались жуками-стафилинами. Их тут, наверное, несколько тысяч. Они голодают. Кое-кто, сцепившись, затевает драку. Победители наслаждаются, поедая побежденных. Долго ли они будут так жить? Тот, кто еще не обесспел, пытается подняться на крыльях, но, ударившись о стенку колодца, падает на землю. Лететь вверх строго вертикально никто из них не умеет.

Пора выбираться обратно. Немного жутко в этой камере смертников. Вот сейчас оборвется веревка — и я останусь здесь вместе со стафилинами в этой глухой пустыне. Без лопатки отсюда не выкарабкаться.

Но путь назад легче, и наверху я еще застаю разбегающихся в стороны чернотелок. Агама же не ушла далеко и ее длинный хвост торчит паружу из кустика.

Как же попали в ямы стафилины? Одна за другой приходят разные догадки. В этом году массовое размножение этих насекомых, их всюду в пустыне, множество ползает по земле. Крохотные жуки, наверное, свалились в яму случайно.

Судя по всему, яма-шурф вырыта геологами недавно, в прошлом или позапрошлом году, и уже оказала свое невольное влияние на судьбы маленьких жителей пустыни. Сколько еще трагедий разыграется в ней из-за оплошности и равнодушия человека к природе.

Мы путешествовали на легковой машине по пустыне у гор Чулак. Изнурительный жаркий день кончался. Большое багровое солнце склонилось к горизонту. Я свернул машину с проселочной дороги, заехал на холм и выключил мотор.

Растения уже выгорели. Там, где весной адели поля маков, одни сухие и жесткие колючки. Но рядом в небольшом понижении тянулась зеленая полоска растений. Здесь дружно и сомкнутым строем росли высокая полынь, терескен и верблюжья колючка.

Закипела работа. Пока готовился ужин, на землю постелили большой тент, параллельно машине вбили два кола, между ними натянули веревки. Вторую веревку привязали вдоль машины на клыки буферов. На брезент постелили спальные мешки. Теперь между веревками оставалось растянуть на ночь марлевые полога. Без них нельзя: комаров хотя и немного, но спать не дадут. К тому же неприятно, если ночью на постель случайно заглянет один из жителей пустыни: ухвертка, какой-нибудь жук, фаланга, а то и скорпион. Теперь, когда почти все хлопоты остались позади, я с наслаждением улегся на постель передохнуть после долгой и утомительной дороги.

Снизу на фоне чуть темнеющего неба хорошо видно, как в воздухе парят какие-то насекомые. Вот один из них садится на веревку. По характерному облику нетрудно узнать хищную муху ктыря. Да здесь их немало уселось на веревку! Вскоре ктыри, как ласточки на проводах, выстроились шеренгой. И самки и самцы. Никогда мне не приходилось видеть ничего подобного, и я жалею, что мало света, чтобы сделать фотоснимок.

Ктыри — непоседы. Один за другим взлетают в воздух, гоняются друг за другом, пикируют на уже сидящих, согнав, садятся на освободившееся место, как бы завоевав его. И так беспрестанно, но добродушно, без драки, кровопролития, хотя известно, ктыри, особенно когда не хватает добычи, при случае не прочь и полакомиться друг другом.

Наблюдать за ктырями интересно. Наверное, их игра — от избытка сил, здоровья, ради тренировки и еще, быть может, для чего-нибудь. Не зря же! Игра проходит в быстром темпе. Иногда кто-нибудь из мух взлетает в воздух, высоко парит над землей, потом садится отдохнуть.

Очень понравилась хищным мухам наша веревка. Теперь их на ней уже не менее двух десятков, да и в воздухе тоже.

Ктыри часто подлетают к веревке, скрючив ноги. Оказываются, они удачливые охотники. В бинокль с лупками видно: добыча ктырей — наши мучители комары. Ранее не раз приходилось видеть, как в погоне за комарами возле бивака вечерами собираются стрекозы. А тут ктыри... Не ожидал, какие замечательные у нас нашлись защитники. Уж не ради ли кровососов сюда собралась вся эта веселая и непоседливая братня.

А комары, действительно, не кусаются, хотя, я знаю, здесь они должны быть с тугаев реки Или.

Темнеет. Кончен ужин. Пора растягивать полога, ложиться спать. Солнце спустилось за горизонт. Постепенно гаснет красная зорька. Исчезают и ктыри. Остается только один на самой вершине палки, за которую привязана веревка. Заночсвал.

Утром ни один ктырь не прилетел и не уселся на веревку. Начало дня, наверное, не для игр и забав. Да и комаров не стало. Их сдул порыв ночного ветра.

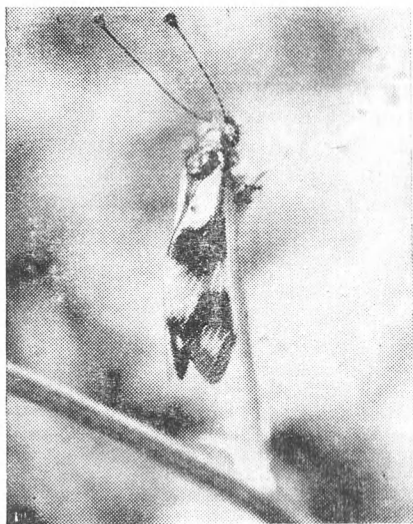
Я брожу по зеленой полоске зарослей. Ктырей здесь масса. Собрались сюда с выгоревшей пустыни за поживой. Но ее здесь мало, и хищные мухи рыщут в ее поисках, гоняются за бабочками-совками и пчелами, но, как бы оценив, что добыча слишком велика, не по силам, отстают и садятся на верхушки растений, ворочая во все стороны подвижной головой с большими глазами.

Интересно бы еще посмотреть вечером на ктырей. Но нам недосуг, пора ехать дальше...

НОЧНЫЕ ПЛЯСКИ

Наконец, солнце скрылось за желтыми буграми и в ложбинку, где мы остановились, легла тень. Кончился жаркий день, кончились и наши мучения. Повеяло приятной бодрящей прохладой. Пробудились комары, вылезли из-под кустиков, из норок, щелей и заняли пудными голосами. Они залетели сюда в жаркую лёссовую пустыню издалека, с реки Или в поисках поживы. Там же, около реки, слишком много комаров и мало добычи. Интересно, как они будут добираться обратно с брюшком, переполненным кровью, чтобы отложить в воду яички.

Испокон веков летали сюда комары с поймы реки в поисках джейранов, косуль, волков, лисиц и песчанок. Но звери давно исчезли с этих мест, истребленные человеком, а комариный обычай остался.

Аскалаф поднял свои чутливые
усики и приготовился взлететь
в воздух.

Прилетели две стрекозы и, выписывая замысловатые зигзаги, начали носиться вокруг нас, вылавливая комаров.

Потемнело. Давно стих ветер. Удивительная тишина опустилась на землю. Но вот запел сверчок, ему ответило сразу несколько других, и зазвенела пустыня хором.

Исчезли стрекозы.

Давно выпит чай. Пора разворачивать спальные мешки, натягивать полога. Но едва только на землю разостлан большой светлый тент, как над ним замелькали в воздухе два странных танцора. Они металась из стороны в сто-

рону, то взлетая кверху, то падая вниз. Какие-то странные большекрылые с задранными кверху брюшками и очень быстрые. Не уследить за ними глазами.

Для чего же им белый тент? Разве только потому, что над его ровной поверхностью можно носиться с большой скоростью без риска наткнуться на препятствие и разбиться? Им, быть может, над ним видней, легче показать акробатические трюки, разыграть свои брачные почные пляски.

Мы озабочены. Как нам поймать пустых незнакомец? Неудачные взмахи сачком их пугают, они исчезают. Но ненадолго. Наверное, уж очень хороша для них танцевальная площадка.

Наконец, удача, один трепещет в сачке.

Кто же он такой?

Всем интересно узнать, все лезут головами в сачок, не проберешься никак туда сам.

Осторожнее, лишь бы не выпустить! Вот он, наконец, в руках трепещет широкими крыльями, размахивает длинными усиками с крупной булавкой на кончиках. Это аскалаф! Родственник муравьиным львам, златоглазкам, мантиспам. Редкое и таинственное насекомое пустыни. Образ жизни его

не изучен. Личинки аскалафа — хищники. Днем их не увидеть. Они охотятся на различных насекомых, поймав добычу, убивают, высасывают, а остатки цепляют на себя. Обвешанные обезображенными трофеями своей охоты, они ни на что не похожи.

В проволочном садочке аскалаф всю ночь шуршал своими широкими крыльями. А утром уселся в уголок, простер переди усики, брюшко забавно задрал вертикально кверху. В такой позе на кустике его не отличишь от колючки. Может быть, поэтому аскалафа так трудно увидеть днем. Попробуй различить его на сухом растении!

НОВЕВ КОВЧЕГ

Яркое зеленое пятно среди светло-желтой и выгоревшей на солнце глинистой пустыни казалось необычным. Оно сверкало на солнце, как драгоценный камень, в золотой оправе и переливалось оттенками от светло-сизовато-зеленого до сочной темени малахита.

Нам надоела долгая и пыльная дорога. Надоел и горячий ветер. Он врывался через поднятое лобовое стекло и, казалось, дул из раскаленной печки. Поэтому зеленое пятно в стороне от дороги невольно повлекло к себе, и мы, решительно свернув в сторону, вскоре оказались в обширном круглом понижении среди выгоревших пустынных холмов. Здесь в бессточной впадине весной скоплялась вода, образуя мелкое озеро. Оно, обильно напав влагою почву, постепенно высохло, и вот теперь среди суши, когда вокруг все замерло, убитое солнечным жаром, здесь росла хотя и коротенькая, но пышная зелень. Следы овец говорили о том, что эта зелень не раз объедалась, но упрямо боролась за свою жизнь и тянулась кверху.

Зеленая чаща была разноцветной. Снаружи ее окружала сизоватая татарская лебеда. К середине от нее шло широкое зеленое кольцо мелкого приземистого клевера. К нему примыкала узкой светло-серой каймой птичья гречиха и, наконец, весь центр этого большого роскошно сервированного блюда занимала крошечная темно-зеленая травка с миниатюрными голубыми цветочками. Между этими поясами, разделяя их, располагались узкие кольца голой земли.

Мы с удовольствием расположились среди зелени. Здесь даже воздух казался влажнее, чище и дышалось легче. Меня не зря потянуло в этот небольшой уголок пустыни, всего в

каких-нибудь трехстах метрах в диаметре. Физики и любители парадоксов назвали бы его антипустыней, настолько он резко контрастировал с нею. Здесь кишела разноликая жизнь. Сюда с окружающих земель, обреченных на прозябание в ожидании далекой весны, собралось все живое. Оно цеплялось за жизнь, за бодрствование, за веселье и радости.

Едва я ступил на зеленую землю, как с низкой травки во все стороны стали прыгать многочисленные и разнообразные кобылочки. Большей частью это была молодежь, еще бескрылая, большеголовая, но в совершенстве постигшая искусство спасения от опасности. Кое-где среди них выделялись уже взрослые серые с красноватыми ногами кобылки-прусы. Отовсюду раздавались короткие трели сверчков. До вечера и поры музыкальных соревнований было еще далеко, но им уже не терпелось. Представляю, какие концерты устраивались в этом маленьком рас с наступлением ночи!

Кое-где на высоких травинках сидели, раскачиваясь на легком ветерке, сине-желтые самки листогрыза, гастрофиза, полигонии. Они до того набили свои животики и так сильно растолстели, что их крылья едва прикрывали основание спинки и казались нарядным жилетиком на толстом тельце. Ленивые и малоподвижные и совершенно равнодушные к окружающему миру, они рассчитывали на свою неотразимость, подчеркнутую яркой одеждой, предупреждающей о несъедобности.

Над зеленой полянкой порхали бабочки-белянки и бабочки-желтушки. Перелетали с места на место ночные бабочки-совки, пестрые в коричневых пятнышках и точках. Они собрались большой компанией на одиноких куртинках глухой крапивы, жадно лакомясь нектаром. Странно! Почему бы им не заниматься этим с наступлением темноты, как и полагалось бабочкам-ночницам? Возможно, потому, что здесь не было ночных цветков, а глухая крапива выделяла нектар только днем. Ничего не поделаешь, пришлось менять свои привычки. Среди совок не было ни одного самца. Мужская половина этого вида ожидала темного покрова ночи, будучи больше предана брачным подвигам, нежели потребностям желудка.

Тут же на цветках этого скромного растения шумело разнообразное общество разнообразнейших пчел, почитателей нектара: грузные антофоры, пестрые халикодомы, маленькие скромные галикты. Красовалась смелая и независимая, крупная оранжево-красная осакалигурт, истребительница кобылок. Шмыгали всегда торопливые осы-помпиллы. Неспешно

и степенно вкушали нектар осы-эвмены. Яркими огоньками сверкали нарядной синевой одежды бабочки-голубянки. Нежные светлые пяденицы тоже примкнули к обществу дневных насекомых. Тут же возле маленьких лабораторий нектара зачем-то устроились клопы-солдатики и клопы-пентатомиды. Что им тут надо было — непонятно. Может быть, на высоком кустике не так жарко?

К этому обществу насекомых незаметно пристроились пауки-прожоры. На веточке застыли пауки-крабы, кто в ожидании добычи, а кто в алчном пожирании своих охотничьих трофеев. Молодые пауки-аргиопа лобата смастерили свои аккуратные круговые тенета и в каждой западне висело по трупику очередного неудачника, плотно запеленутого в белый саван, сотканный из нежнейшей паутины.

На каждом шагу встречались разные насекомые. Вот громадный ктырь-гигант на веточке пожирает кобылку. Вот его родственники, крошечные ктыри, уселись на землю, сверкая большими выпуклыми глазами. Как ягодки красовались красные в черных пятнах божьи коровки, уплетая толстых и ленивых тлей. Слышалось тонкое жужжание крыльев осы-аммофилы. Парализовав гусеницу, она принялась готовить норку для своей очередной детки. В бешеном темпе носилась над землей пестрая оса-сколия, исполняя сложный ритуал брачного танца. По травинкам, не спеша и покачиваясь из стороны в сторону, как пьяный, пробирался молодой богомол, высматривая своими большими стеклянными глазами на кургузой голове зазевавшихся насекомых.

Везде и всюду копошилось великое разнообразие насекомых. Они собрались сюда будто на Ноев ковчег, спасаясь от катастрофической засухи в умирающей пустыне.

Среди этой ликующей братии не торопясь бродили маленькие и толстобрюхие жабята, лениво на ходу и как бы нехотя смахивая с травы в свой объемистый широкий рот зазевавшихся неудачников. Иногда жабята высакивали из-под ног целыми стайками и нсторопливо разбегались в стороны. Некоторые, увидав меня, прежде чем скрыться, на всякий случай оставляли позади себя мокрое пятнышко. В одном месте шевельнулась трава, и поползло что-то большое. Я догнал, посмотрел: осторожная гадюка попыталась избежать встречи с человеком. Она забрела сюда не случайно: во сколько добычи для нее, предпочитающей кобылок любой другой пище.

Небольшой серый камень, возвышающийся над травкой, давно привлекал мое внимание. Как он сюда попал? Слу-

чайно? Вдруг я заметил, что он шевельнулся: то молоденькая черепаха, мигая глупыми подслеповатыми черными глазками, вовсю уплетала сочную зелень. Все ее сородичи давным-давно зарылись в поры, заснули до следующей весны, а эта забавная, вопреки принятой традиции, продолжала предаваться обжорству.

В джунглях растительности незримо на самой земле копошилось величайшее множество мелких насекомых: крошечных трипсов, мушек, комариков, жучков. Изобилие и разнообразие насекомых было так велико, что, казалось, если бы собрать сюда энтомологов разных специальностей, всем бы нашлась работа, каждый бы для себя собрал удачную коллекцию. Это был настоящий заповедник! И в этом изобилии форм и красок время летело быстро и незаметно.

Но пора было спешить к машине. Едва мы расстелили тент и приготовились завтракать, как сразу на него уселось множество крохотных кобылок, непреминувших занять место на свободной площади. На дужку чайника угнездилась большая светло-зеленая стрекоза. Посидела немного. Уж очень горячим показался ей чайник с кипятком, улетела. Появились крохотные мушки и закружились в погоне друг за другом, устроив подобие веселого хоровода. Тент им очень подошел для этого занятия. Слетались большущие мухи и принялись знакомиться с нашим столом. Они бесцеремонно лезли в кружки, миски, садились на ложки, вели себя самоуверенно и нагло.

А когда мы собрались продолжать прерванное путешествие, они забрались в машину, проявив удивительную проворность, и без промедления принялись слизывать капельки пота с наших лиц.

С сожалением мы тронулись в путь. Оглянувшись назад, я бросил последний взгляд на сверкающее пятно среди мертво-желтой пустыни — маленький рай насекомых.

СТРАННЫЕ ОБЫЧАИ

...Узкая тропинка вьется по склону глинистого холма. Слева шумит порожистая речка, справа торчит гряда гранитных скал, а впереди — узкий каньон, заваленный глыбами камней. Что там впереди, в каньоне, какие там откроются новости?

А новости открываются перед самым каньоном. Рядом с тропинкой я вижу норку какой-то мыши, ее недавно обновлял хозяин, выбросил кучку земли и вместе с нею...

Что такое выбросила мышка из своего жилища? Будто скорлупы большого ореха, только не настоящего, а сделанного из земли. Их много лежит у входа.

Я пытаюсь сложить вместе осколки, и получается шар размером с голубиное яйцо с оттянутым слегка кончиком. Внутри шара — просторная полость и тоненькая скомканная рубашка личинки жука. Тогда все становится ясным. Шар — домик. Его приготовил из овечьего навоза большой черный с лакированным одеянием жук — лунный копр. Под землей он вырыл просторную каморку и в ней устроил свое сокровище — несколько шаров. В каждый шар было отложено по яичку.

Почему же теперь разломанные шары оказались снаружи?

Наверное, мышь выбросила остатки домиков молодых копрят, заняв жилище, наткнулась на жучиную обитель и вычистила все постороннее, не мышинное.

Я иду дальше по тропинке и снова вижу норки и возле всех осколки шаров. Станные здешние копры! Нигде не видал я, чтобы они селились в мышиных норках.

Вечером в палатке перед сном вспоминается минувший день и поход по каньону среди гранитных глыб-великанов, и встречи с насекомыми, и странные норки. Мысли тянутся одна за другой, а про копров начинает все представляться по-другому.

Если бы мышка чистила норку, то она выбросила бы домик целый, только с одной дыркой, проделанной молодым жуком, покинувшим свою колыбельку. Шары же такие крепкие все расколоты на части. Если бы мышка ограбила подземное жилище копра, то на шарах оставила бы следы острых зубов. Их же не было.

Кто же мог сделать такое?

И последнее, что вспоминается: на склоне холма большая нора барсука и вблизи нее, как всегда, несколько уборных. Неужели это он так ловко выкапывал копров своей узкой когтистой лапой и, раскалывая шары, лакомился нежными куколками или, быть может, даже молодыми жуками. Что стоило мне раскопать норку и узнать, что там. Значит, здешним копрам ни к чему мышинные норки, хотя бы и заброшенные. Да и не проще ли выкопать собственную норку, чем искать чужую, тем более что она могла не оказаться вблизи навоза.

Вот как легко ошибиться и пойти по пути ложных догадок.

Рано утром наш бивак, как встревоженный муравейник. Сегодня едем дальше. Все заняты, сворачивают спальные мешки, снимают палатки, на костре варят завтрак. Я же спешу к каньону, тороплюсь к поркам с разграбленными шариками. Вот одна, другая, третья. Ни в одну не проходит пруттик, все они копанки осторожного барсука, ночного охотника за жуками, ящерицами и змеями. Хорошо бы взглянуть на уборную разорителя копров. Здесь, среди множества останков разных чернотелок, хрущей (сколько он их истребляет, этих вредных насекомых, какую приносит неоценимую пользу полям и пастбищам!) я нахожу и осколки блестящего панциря лунного копра.

Сомнений не остается. Мне представляется, как, опустив книзу острую мордочку с маленькими глазками, не спеша, барсук брел по этой тропинке, тщательно принюхиваясь, и угадывал... Как он угадывал, что под землей, в уютной камерке, в крепких, плотно скатанных шарах спят куколки жуков, а над ними в полусонной дреме сидят сами родители. Какой надо обладать силой обоняния, чтобы уловить запах жуков через толщу плотной, сухой и окаменевшей под палящими лучами солнца земли.

А может быть, барсуку помогало не столько обоняние, сколько какое-нибудь неизвестное нам чувство?

Но пора спешить к биваку. Там, наверное, меня ждали.

СУРОВАЯ МОКРИЦА

Долго я не был в Карачингиле. За это время зазеленела пустыня, зацвела желтыми тюльпанами. Но на юг все еще летели журавли, пели жаворонки, истошными голосами кричали фазаны.

Что же стало с мокрицами? Я поспешил провести их колонию.

Было жарко. Все замерло. Мокрицы сидели во входах, сторожили свое жилище. Но один неугомонный самец таскал из норы землю, трудился, не дожидаясь вечера. Я взял его в руки, посмотрел через лупу. Потом посадил на место.

От страха он помчался куда попало, забился в травинки, потом вскарабкался на кустик и долго, около часа, сидел на нем неподвижно.

Самка вскоре же забеспокоилась, высунула из норы усики, помахала ими в воздухе: куда он, непутевый, делся! Днем все добрые мужья сидят дома!

И заняла оборону у входа.

Мне же надоело ждать развязки, я собрался уходить. К счастью, терпение самца тоже истощилось. Он спустился с кустика и поспешил прямо в свое жилище, к себе домой.

У входа самка встретила его энергичными тумаками. Потом долго не пускала. А он, засунув наполовину туловище в нору, должно быть, упрашивал ее. Она, размахивая своими усиками, продолжала поучать его:

— Поделом тебе. Не шатайся попусту. Добрые мужья-мокрицы только ночью разгуливают.

КАМЕНИСТАЯ ПУСТЫНЯ

Вся земля покрыта сверху небольшими камнями, черными и блестящими. Перевернешь такой камень, а под ним светлая почва. С поверхности ее давно выдули ветры, оставив камни. Каменистая пустыня — самая суровая и бесплодная. Низенькие колючие кустики боялыша покрывают ее громадные пространства. И больше почти ничего. Лишь между холмов, по сухим руслам селевых потоков, тянутся полосками кустики курчавки, зайсанского саксаула, тамариска да некоторых травянистых растений. Звери и птицы избегают эту пустыню. Их здесь мало. Такырная круглоголовка, местами поселения песчанок, неприхотливая каменка-плясунья, несколько крупных кобылок пустынных, фаланги да скорпионы.

Повыше к горам, в ложбинках, более богатая растительность. Тут кустики таволги, шиповника, приземистой дикой пустынной вишенки. Иногда в ущельях текут прозрачные ручьи. Внезапно начавшись из-под камней, они также неожиданно исчезают под ними. Вокруг ручьев густая поросль ив, лоха, железного дерева, иногда дикой яблони, боярки, барбариса. Здесь маленький оазис с множеством насекомых. А еще выше в горах кое-где сохранились архары, да по горным вершинам скачут горные козлы и слышны мелодичные призывные сигналы каменной куропатки кеклика, да высоко в небе перекликаются вороны и парят кругами большие орлы.

Итак, с одной стороны — почти мертвая пустыня, покрытая черными камнями да редкими кустиками боялыша, с другой — в горах бьющая ключом жизнь вокруг небольших горных ручьев.

Один из распадков на южном склоне небольшого хребта Малай-Сары перекрывается поперек длинной и ровной, как натянутая ниточка, грядой причудливых красных скал. Под ними крутой склон засыпан крупными обвалившимися камнями.

Ветер дует с юга, врывается в распадок, налетает на красную гряду и мчится дальше через горы и скалистые вершины. Стоит на редкость теплая осенняя пора, солнце греет, как летом, хотя ветерок свеж и слегка прохладен.

Над красной грядой собрались вороны и парят в восходящих токах воздуха, зычно перекликаются, затевают веселые игры. Появилась пара планирующих коршунов. Вороны попытались с ними затеять игру. Но хищники ловко увертываются, широко распластав крылья, важно проплыли к югу. Им некогда, скоро нагрянет непогода, надо спешить в заморские страны.

Взлетела пустельга. Ловкая, быстрая, лавируя в воздухе, покрутилась с одним вороном и исчезла. Торопливо промчалась стайка сизых голубей. Из скопления камней, упавших на землю, с шумом вспорхнула стайка кекликов. Птицы расселись на красной гряде и стали оживленно перекликаться.

А вокруг просторы, безлюдие, тишина и извечный покой.

Подъехал к машине чабан. Заметил, что мы рассматриваем птиц, и, указывая кнутом на белое пятно на красных скалах, сказал:

— Вон там каждое лето беркут живет.

Мы идем вдоль гряды, приглядываемся к скалам. Кое-где они совсем необычные, в глубоких ящичках, выточенных тысячелетиями ветрами. Гнезд хищников немало, и они издалика видны по пятнам гуанина. Но гнездо беркута, на которое показал чабан, самое большое, и по всему видно, что оно не пустует никогда летом. Место для него выбрано хорошее. К гнезду не подобраться. Задрав кверху головы, мы рассматриваем притон степного разбойника. Он тут, оказывается, не один. Снизу под выступом, на котором устроено гнездо, прилеплена изящная глиняная чашечка гнездышка скальной ласточки. Близкое соседство с орлом ей не мешает. Чуть сбоку тщательно залеплена в камне небольшая ниша, а в глиняной перегородке устроен маленький круглый ход. Это гнездо веселого крикуна, бойкого жителя гор — скального поползня. Рядом же с гнездом орла на земле большая куча помета. Мы всматриваемся в глубокую щель под пометом —

она вся занята гнездами сизого голубя. Еще ниже орлиного и ласточкиного гнезд из двух глубоких ниш торчат соломинки. Тут живут каменки-плясуны. Удивительное место! Хищные птицы обычно никогда не трогают возле своего гнезда других птиц. Быть может, в этом сказывается особый резон: когда приблизится враг, соседи дадут знать, поднимут крик и суматоху. И будто рассчитывая на этот благородный этикет, здесь собралось разноликое общество. Сколько их: голуби, поползень, каменки, ласточки — все пришли искать высокого покровительства у царя птиц.

Гряда красных скал манит продолжать поход. Мы бредем вдоль нее и будто читаем интересную книгу. Вот еще находка. Над глубокой темной трещиной натянуты беспорядочные крепкие паутинные нити. И на них — жалкие остатки прекрасных бабочек — ночного павлиньего глаза. На обтрепанных крыльях кое-где сохранились выразительные глазчатые пятна, у некоторых еще целы роскошные перистые усики и светло-серые глаза глядят, как живые. Одного за другим я освобождаю от паутины несчастливцев. Их девять и все самцы. Почему чудесные бабочки, отличные пилоты, такие сильные, большие попали в эту глубокую черную щель, завистую липкими нитями? И почему только самцы?

Ответить на этот вопрос я не в силах.

Самцы — обладатели роскошных усиков, разыскивают самок по запаху. Не мог же паук имитировать такой запах. Впрочем, может быть... Надо еще покопаться в тенетах, посмотреть на останки пиришества толстого обжоры. Так и есть! На земле лежит высосанный трупик единственной самки. Видимо, она первая, бедняжка, в ночь брачных полетов попала в ловушку и, продолжая источать призывной запах, привлекла на погибель еще девять кавалеров на утеху пауку. Бедные бабочки!

Мы идем дальше вдоль красной каменной гряды.

Возле большого камня, лежащего ниже гряды, вьется и пляшет рой ветвистоусых комариков. Их свадебный ритуал совершается по обыденному стандарту: каждый танцор мечется в быстром темпе рывками из стороны в сторону, непостижимо ловко избегая столкновения с партнерами. Иногда в это скопище изящных танцоров взлетает светло-желтая крупная самка и падает на землю, увлекая за собою избранника.

Поглядев на комариков, я собираюсь идти дальше, но случайно спохватываюсь, откуда здесь, в сухой каменистой пустыне, почти в ста километрах от реки, могли появиться ветвистоусые комарики. Вряд ли они могли выплываться

в прохладных и мелких, пересыхающих летом родничках, кое-где текущих по ущельям.

Взмах сачком по рою расстраивает слаженную пляску самцов, они разлетаются в стороны, и мне немного жаль этих крошечных созданий, удел которых вскоре погибнуть после исполнения своего долга.

А в сачке... Вот так комарик! Удивлению нет конца. Я вижу крошечных черных крылатых муравьев-самцов, жителей каменистой пустыни — феидоли паллидула.

Все же какое удивительное совпадение! Насекомые, принадлежащие совсем к разным отрядам (одни — к отряду двукрылых, другие — перепончатокрылых), выработали сходные правила брачного поведения и, наверное, во время эволюции приобрели и сходные органы, посредством которых рой посылает сигналы призыва самок.

Я присаживаюсь и с матриваю землю вокруг камня. Как будто никого нет. Ползет забавная личинка аскалафа, похожая на личинку златоглазки, с такими же длинными кривыми челюстями, но вся увешанная сухими панцирями муравьев — своих охотничьих трофеев.

Это только вначале показалось будто нет никого на земле возле камня. Почти всюду укрылись светлые с длинным объемистым брюшком самки феидоли. Кое-кто из них уже распростился с роскошными крыльями, сбросил их, как непужный свадебный наряд и озабоченно снует между щебнем в поисках удобных укрытий.

Брачный полет этого муравья пустыни поздней осенью — новость. Ну что же, тем самым самкам-крошкам представляется изрядный запас времени — осень, зима, весна для обожования собственного муравейника, до наступления жары и сухости пустыни.

Солнце прячется за горы. Тянет холодком. А красной гряде нет конца. Придется кончать наш поход. Пора к машине, на бивак, готовиться к ночлегу.

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА

— Кто любит загадочные картинки? — спрашиваю я своих спутников. — Видите этого палочника? Сколько их здесь на этом кустике?

Палочник устроился на сухой обломанной вершине полыни и, заметив нас, стал раскачиваться из стороны в сторону, подражая колеблющейся от ветра травинке. Но в ущелье было тихо, все замерло. Настолько тихо, что слышны были да-

легкие крики горных куропаток, журчание ручья, звон крыльев мухи.

Все расселись вокруг кустика полыни.

— Только не делать резких движений, не беспокоить палочников, — предупредил я.

— Я еще одного нашла, — заявила как всегда торопливая Зина.

— А я вижу трех, — сказала Таня.

Коля не торопится, молчит. Он внимательно всматривается в сухую траву и молча загибает пальцы. — Восемь, — говорит он.

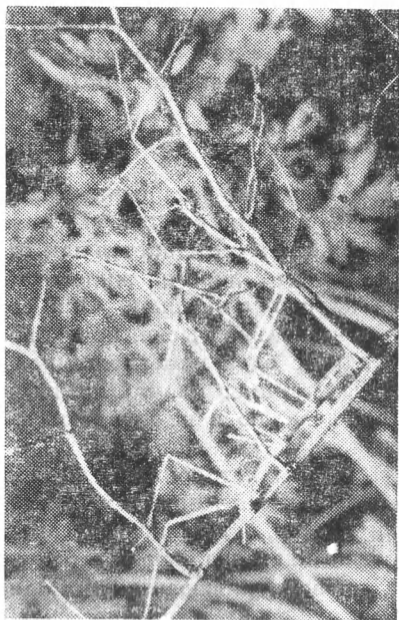
Тогда мы считаем все вместе. Запятие нелегкое. Чуть отвел глаза в сторону, и палочник затерялся среди сухой растительности. Всего здесь собралось десять палочников. Смех

и движения пробуждают медлительных палочников.

Несколько, едва переставляя длинные, как ходули, ноги, они переползают с места на место и трясутся будто в лихорадке. Тогда мы замираем, молчим. Палочники успокаиваются и притворяются палочками. Кто был среди веточек, застыл с беспорядочно раскинутыми в стороны длинными ногами, кто оказался на голой палочке — вытянул ноги вдоль и стал будто ее продолжением. Теперь палочники пропали из глаз, и все снова стало будто на загадочной картинке. Никто не в силах найти их всех сразу.

Солнце начинает сильно припекать. Замолкли горные куропатки. Еще звонче зазвенели крыльями мухи.

Для чего собрались вместе эти странные существа? Это не брачное скопление, так как наши палочники размножаются без оплодотворения и самцы у них неизвестны. Хорошо бы посидеть кому-нибудь из нас возле них. Но желающих

Нелегко заметить палочника среди сухих веточек кустарников пустыни.

нет. У кого хватит терпения следить за такими медляками. Впереди же такое заманчивое ущелье в горах пустыни и так интересен начавшийся поход.

КЛОПИНАЯ ФИЗЗАРЯДКА

Минутная остановка машины в горах Архарлы. Девять часов утра, но солнце уже обжигает тело. Что же будет сегодня днем? Достанется нам от бога пустыни.

Рядом с дорогой жиденькая трава колышется от множества клопов-солдатиков. Они собрались большими скоплениями, несколько тысяч, почти все молодежь, ярко-красные, как ягоды, с едва наметившимися черными полосками надкрылий. Стариков мало. Они, видимо, заканчивают свои жизненные дела, но и не чуждаются шумного общества себе подобных.

Клопы неторопливы. Для них, пустышников, еще нет жары, а так себе, прохлада. Многие забрались на тонкие листики злаков, расселись на самых кончиках, покачиваются от легкого ветерка, нашли себе отличное убежище.

Я всматриваюсь в этих одиночек, отрешившихся от суеты, и вдруг вижу необычное: каждый сильно занят, цепко держит ногами твердый комочек земли или камешек. Все до единого на травах клопы с такими серыми комочками. Без странной пошлости только те, кто бесцельно бродит по земле.

Я пытаюсь отнять загадочный предмет привязанности. Клопикам не нравятся мои притязания, они всеми ногами цепко держатся за комочки, убегают с ними. Один, забавный, захватил ношу одной ногой, будто прижал под мышку, и шустро помчался на остальных пяти ногах. Видно, так удобней спасать свое добро.

Странное поведение клопов заинтриговало. Надо внимательно присмотреться к объекту вождения пустышников. Как будто я не ошибся. Это, действительно, плотный комочек земли, твердый, из мелких слежавшихся камешков и песчинок. Тут скрыта какая-то загадка. Скорее бы ее решить. Жаль, что она некстати, времени нет, надо ехать, впереди дальний путь.

— Ребята! — кричу я своим спутникам, — быстрее помогите!

И объясняю, в чем дело. Все удивлены, заинтересованы. Еще бы. Сколько клопиков уселось на траву и у каждого по камешку.

— Клопы ваши, — говорит иронически, но серьезно води-

тель машины,— просто физзарядкой занимаются. Делать им нечего, ни на работу спешить, ни домовничать. Вот и таскают камешки.

Ему возражают.

— Что ты по себе судишь. Какая тут физзарядка! Просто на травинках удобнее сидеть с камешками, держаться удобнее, да и трава меньше качается.

Кто-то предлагает другую версию.

— Все очень просто. Клопы о камешек точат свой хоботок. Посмотрите вот на этого, как он им сучит.

На хоботки я первым делом засмотрелся, и будто ими клопики и не прикасаются к своему непонятному имуществу. Но один настойчиво тычет в комочек, наконец, воткнул в него свое оружие, да так крепко, что не оторвешь.

Тогда я принимаюсь за то, с чего начал. Снова тщательно рассматриваю комочки, растираю их пальцами и нахожу внутри них крохотное, твердое как камень, почковидной формы зернышко.

Странные эти клопы-солдатики! Жители пустыни, они приспособились питаться мертвыми насекомыми, самыми сухими семенами растений и совершенно не употребляют воды. Прежде чем приняться за свой черствый сухарь, они через хоботок выделяют в него пищеварительный сок, и, только обработав им еду и сделав жидкой, всасывают ее в кишечник. Вода же добывается расщеплением органических веществ или, как говорят химики, они пользуются конституционной водой.

В том месте, где собрались клопы, в почве, наверное, лежит немало семян. В нынешнюю очень сухую и бесплодную весну не взошли травы и многие семена растений, облепленные частицами почвы, заснули в ожидании лучших времен. На них, засонях, и устроили пиршество клопы-солдатики и каждый, найдя добычу, ища уединения, поспешил с нею в свою собственную столовую, подальше от собратьев. Дружба дружбой, а еда врозь.

Теперь все стало понятным и можно продолжать дальше путь по сухой и горячей пустыне.

Потом я еще раз встретился с клопами-гурманами. В том же самом ущелье гор Архарлы, но через несколько лет. И тоже осенью. Мы возвращались из дальней поездки и заглянули в хорошо знакомое нам место переночевать. Здесь по-прежнему царил тишина, травы, зачехнув, стояли нетронутыми: скот еще не пригнали на зимовку. Лишь у самого ручейка зеленели травы.

Ночь выдалась звездной и холодной. Рано утром едва только первые лучи солнца скользнули по вершинам гор, я отправился прогуляться по ущелью и сразу же наткнулся на скопление знакомых клопиков. Они сидели неподвижно на вершинке большой полыни не менее полусотни компаний. Дружная семейка ожидала живительных лучей солнца.

Вот оно, наконец, выскользнуло из-за вершины горы и осветило дорогу. Клопы погрелись на солнышке и вдруг все сразу дружно зашевелили усиками, задергали ножками. Прodelав эту своеобразную физзарядку, они степенно, не мешкая, но и не мешая друг другу, гуськом спустились на землю и отправились в поход на поиски пищи.

С тех пор, проезжая мимо гор Архарлы, я заглядываю в это ущелье, чтобы посмотреть, как живут эти дружные клопики.

КОВАРНАЯ МУШКА

Мы мчимся вниз по асфальтовому шоссе через Кокпекское ущелье мимо голых красных скал да редких кустиков. Но вот за поворотом среди мелкого щебня зеленая полоска травы, а повыше ее синеют заросли шалфея. Такое место нельзя мимо проехать, надо остановиться. Заскрипели тормоза, вся компания выбралась из кузова и рассыпалась по склону ущелья. У всякого свои дела: кто интересуется жуками-листогрызами, кто мухами-жужжалами, кто пчелами. А у меня муравьи. Кто из них здесь живет, как идут дела у маленьких тружеников нашей планеты?

Но муравьями заняться не удастся. У самого края дороги я вижу осу-аммофилу, черную с красным пояском на брюшке, как всегда быструю, очень занятую. Еще бы! У нее очень важное дело. Только что точными ударами жала в нервные узлы она парализовала большую зеленую гусеницу бабочки-совки и теперь тащит свою добычу. Какая она все же сильная! Гусеница весит в два-три раза больше своего транспорта. А удачливому охотнику нипочем ни камни на пути, ни бурелом из сухих травинков.

Дела осы, в общем, известны наперед. Она сейчас оставит гусеницу и примется рыть норку. Потом, построив подземную темницу, возвратится к добыче, затащит ее в норку, отложит на нее одно яичко и, забросав землею вход и утрамбовав его, распрощается со своей деткой. Все это не раз видано. И все же интересно еще посмотреть.

Я не жалею, что не занялся муравьями и увлекся аммофилой. Дела ее не столь уж просты. За нею неотступно следует

небольшая серая мушка. У нее большие красные глаза, черные пятнышки по бокам брюшка и крупные жесткие черные щетинки, рассеянные по телу. Мушка ловка и осторожна. Она все время сзади, на почтительном расстоянии, не попадается на глаза осы, очень осторожна. Еще бы, вдруг заметит, бросит добычу, погонится за неприятельницей. У мушки отличное зрение и она вовсе не так уж и близорука, как принято думать о насекомых. Я пытаюсь поймать мушку сачком, два раза досадно промахиваюсь, и, несмотря на это, мушка быстро находит жертву и продолжает следовать за нею по пятам. Интересная мушка, никогда не видал я такую пастойчивую и зрячую!

Аммофила же ничего не подозревает. Ее черно-красное тельце с зеленой гусеницей так и мелькает среди камней. Но вот она оставила гусеницу в тенистом уголке за камешком и сама помчалась в сторону, скрылась, нигде ее не видно.

Мушка не смущена исчезновением охотницы. Уселась на травинку почти над самой гусеницей, спокойна, неподвижна. Один раз соскользнула вниз, села на мгновение на гусеницу, но не отложила на нее свои яички, хотя это было сделать проще простого, а возвратилась обратно на свой наблюдательный пункт. Зачем рисковать яичками. Вдруг оса не вернется к добыче, бросит ее или что-либо с нею случится. Гусеница на виду, на земле, не спрятана. Так не полагается. Неожиданно муха взлетает, исчезает. Гусеница одна, будто никому не нужна.

Я оглядываюсь вокруг, ищу осу и муху. Наконец слышу легкий звон — звук вибратора. Он мне хорошо знаком: оса вибрирует крылышками и челюстями, когда роет норку. Быстрая, энергичная, она уже почти выкопала норку. Земля так и летит струйками из-под ее сильных ног. А муха, оказывается, сидит рядом на камешке, поглядывает на работу землекопа. Как она нашла ее? Может быть, тоже по звуку вибратора. От затеянного строительства до гусеницы почти два метра.

Наконец оса кончила рыть подземное убежище для будущей детки. Почистила яркий костюм, промчалась разыскивать добычу. Муха не покидает своего наблюдательного поста, будто уверена заранее, что к жилищу для детки мать обязательно вернется.

Оса немного ошиблась, попала в другое место. Покрутилась, нервно размахивая усиками и вздрагивая крыльями, но все же нашла камешек, у которого спрятала гусеницу, схватила ее, потащила. Поднесла ношу к норке, стала бегать вокруг, как бы желая убедиться, что все в порядке, никто не угрожает

ее делам. Но не заметила главного: притаившуюся на камне муху. А та замерла, не шелохнется, улучила момент, бросилась на гусеницу, пощупала ее молниеносно и — обратно.

Теперь, пожалуй, надо попытаться поймать врага осы. Но снова досадный промах. Наверное, все кончено, муха более не появится. Но опасения напрасны, проходит несколько секунд и она снова на своем наблюдательном посту, не сводит глаз с осы и ее добычи.

Поведение мухи меня не на шутку заинтересовало. Я даже рад, что ее не смог поймать, хотя все наблюдение может пропасть, если муха будет упущена. Ведь так важно знать, кто она такая. Мир насекомых велик, только одних мух, занимающихся подбрасыванием яичек на чужую добычу, наверное, несколько тысяч видов, принадлежащих к разным родам и семействам.

Почему бы мухе сейчас не воспользоваться отлучкой хозяйки добычи и не отложить яички? Дела-то идут к концу. Сейчас гусеница будет затащена в подземелье. Но и на этот раз у мушки, наверное, свой особенный и безошибочный расчет. Последний и решительный момент для главного действия еще не наступил, торопиться не следует, мало ли что может произойти с осой или гусеницей.

Вспоминается, что у ос-аммофил бывает сильно развито воровство. Иногда воровка-оса из-под самого носа товарки утаскивает парализованную добычу и, отбежав с нею на порядочное расстояние, распоряжается с нею по-своему. Вдруг попадется такая воровка. Тогда все будет напрасно, зря будут отложены яички на гусеницу, упадут с нее на землю. Да и мало ли что еще может произойти. Гусеницу могут утащить муравьи, птицы. И такое бывает. Да и сама оса не застрахована от неожиданной гибели. Нет уж, надежнее всего караулить здесь, возле норки.

Оса закончила обследование. Успокоилась, не пошла ничего подозрительного. Поднесла гусеницу к самой норке, забралась в нее, высунула оттуда голову, схватила добычу и исчезла с нею в глубине.

Проходит несколько секунд. Сейчас, наверное, оса отложила на гусеницу яичко. Вот она выскочила наверх, обежала вокруг приготовленного для детки убежища.

А муха?

— Что же ты зеваешь, глупая преследовательница? Сейчас все будет закончено, и норка закрыта. Или, быть может, ты раньше отложила яички, а я прозевал, не заметил?

Нет, муха не зевака. Ловкая и быстрая, будто отлично

зная наперед все действия осы, она улучила момент, соскочила на землю, села на самый край норки, спружинила тельце, выбросила из брюшка крошечную белую кучку и опять села на свой наблюдательный пост. В лупу я успеваю заметить, что белая кучка — штук двенадцать крохотных личинок.

Мои первые напряжены до предела. Имея дело с такими энергичными и торопливыми насекомыми и самому надо быть поспешным. В величайшей спешке я едва успеваю взглянуть через лупу на происходящее, вовремя наставить фотоаппарат на действующих лиц, и хотя неудачно, опять пытаюсь изловить сачком коварную муху.

А дальше происходит неожиданное. Оса, прежде чем засыпать норку, ударом ноги сбрасывает кучку личинок в подземежье, совершив круг осмотра, пятась и молниеносно мелькая ногами, забрасывает норку землей. Вскоре ничего не остается от норки. Детка устроена. Дела все сделаны. Оса даже не уделила времени на традиционную чистку своего туалета, взмыла в воздух, направилась к сиреневым зарослям шалфея. В последнее мгновение я успеваю заметить, как за нею, пристроившись сзади, мелькнула и коварная серая мушка.

Неужели она, такая ловкая, будет и дальше преследовать аммофилу, вместе с нею летать по цветам, лакомиться нектаром, восстанавливая свои силы, следовать за ловкой охотницей, когда та будет разыскивать свою добычу, ночевать рядом с нею где-нибудь на травинке, пережить непогоду, будет с нею до самого конца жизни, ловко и безошибочно подбрасывая личинки на очередную жертву! Интересно бы все это узнать!

Как же теперь с мухой? Она осталась неизвестной.

Как много бы я отдал за то, чтобы она сидела у меня в морилке. «Не пойман—не вор». Наблюдение, не подтвержденное определением насекомого, теряет ценность. Что делать? Надо искать! И я ползаю по камням, разглядываю и ловлю мух, похожих на мою знакомую. У всех моих спутников дела уже закончены и пора продолжать рейс. Желая помочь, они тоже ловят мух, и каждую минуту ко мне тянутся пробирки с пленницами. Но среди них нет ни одной коварной охотницы.

Но счастье копится. Неожиданно на камне я вижу сразу трех мушек, серых, красноглазых, в черных крапинках на брюшке и с длинными крепкими щетинками. Ну, теперь бы не промахнуться.

Наконец-то! Теперь можно продолжать путь дальше.

МУХИ-ПОПУТЧИЦЫ

Спуск в глубокий и обрывистый каньон реки Чарын долг и тяжел. Сперва надо пройти по гребню совершенно голых и красных гор, покрытых мелким гравием, затем перебраться через крутые скалы и закончить путь по каменистой осыпи. Спустившись, мокрый от пота и усталый, я усаживаюсь на берегу стремительно бегущей реки, и после жаркой сухой пустыни с наслаждением вдыхаю запах влажного воздуха и прибрежных зарослей.

Рядом с речкой редкие кустики саксаула, караганы, перемежку с голыми желтыми полянками, усеянными камнями. Случайно взглянув на землю рядом с собой, я вижу — всюду расселись мухи-тахины и повернулись ко мне головами. Я их знаю и понимаю: ждут меня, когда я пойду по пустыне, спуская кобылок. Тогда на лету они будут откладывать под крылья своей жертвы крошечных личинок. Потом личинки заберутся в тело кобылки, съедят ее и выйдут такими же коварными охотниками.

Бедные мухи давно страдают от груза готовых к самостоятельной жизни личинок. Кобылки же хитры, не желают взлетать, обнажать уязвимые места, чувствуют своих врагов. Здесь, в этом совершенно глухом уголке, нет крупных животных и мухам трудно охотиться.

Я отдохнул у реки, искупался, набрал полную канистру воды и пошел обратно, наверх к биваку в каменистую пустыню над каньонами Чарына к ожидающим воду товарищам. За мной сразу же тронулась и большая компания мух. Их собралось не менее двух десятков. Обгоняя меня и залетая спереди, рассаживались на камнях, повернувшись ко мне головой, ждали, что вот-вот из-под моих ног вылетит желанная кобылка. Я уже успел кое с кем из них познакомиться. Вот самая большая, красноглазая. А вот и самая маленькая, серенькая. У одной продольные полосы на груди очень яркие, у другой темные.

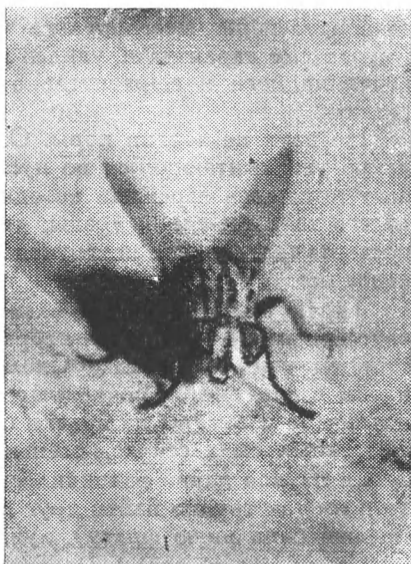
Но кобылок было мало, и такие они предусмотрительные. Один раз нашлась глупая, поднялась в воздух, сверкнула голубыми крыльями и тотчас же уселась на землю. За нею сразу же увязались все мои мухи, и кобылка в воздухе вместе с ними была похожа на комету с длинным хвостом. Самые юркие и быстрокрылые мухи все же успели подбросить ей под крылья личинок. Как бедная кобылочка затрепетала крыльями, как замахала задними ногами, закидывая их кпереди за голову и пытаясь сбросить с себя недругов!

Но что одна кобылка для такой оравы охотников! И таких настойчивых. Никто из них не отстает от меня, рассчитывают на мою помощь.

Я пробрался через каменистую осыпь. Мухи со мной тоже. Перелез через крутые скалы. Мухи от меня ни на шаг не отстали. Долго вышагивал по гребню красных голых гор. Мухи и здесь были со мной. Наконец добрал до бивака, изнывая от усталости и зноя, снял с плеча канистру с водой и шлепнулся в тень машины.

И сюда со мной прибыли мухи. Расселись вокруг, повернулись ко мне головами. Среди них я узнал и самую большую,

красноглазую, и самую маленькую, серенькую. Сидят не шелохнутся, надеются, может быть, еще где-нибудь вылетит кобылка.

Муха уселась на камень и уставилась на нас своими большими глазами.

НАПРАСНОЕ ОЖИДАНИЕ

Сегодня день, посвященный фотографии, и мы вооружены до предела: два фотоаппарата с обычной и цветной пленкой, киноаппарат со штативом и многими приспособлениями изрядно оттягивают ремнями плечи. Но ветер несется по ущелью, свистит в обрывистых скалах, треплет кусты эфедры и таволги. А там внизу над далекой белой полоской реки Или повисла желтая мгла песчаной бури. Удастся ли сегодня заниматься фотографией?

Глаза всматриваются во все окружающее. Где артисты будущей кинокартины о жизни насекомых пустыни? Вот первая находка: среди засохшей осенней травы виднеется темная норка, аккуратно оплетенная с краев паутиными нитями. Это жилище тарантула — ликоза сингорнензис. Хорошо было бы выгнать его на поверхность земли. Но пока мы располагаем.

ся вокруг норы, шевельнулись травинки, из-под сухого листа выполз сам тарантул и, увидев нас, застыл, слегка приподняв передние ноги и выразительно сверкая большими желтыми глазами.

Но паук не хозяин норы. Он самец, бездомный бродяга, давно уже скитающийся по пустыне. Ему на своем коротком веку пришлось пережить не одну схватку с врагами: волосы на его теле кое-где выдраны, двух ног не хватает. Здесь ему посчастливилось, он наткнулся на одну самку и притаился возле нее.

Тарантул предпочитает влажные почвы и селится в солончаковой пустыне. А эта избрала пустынное и выжженное солнцем ущелье Тайгак. Сколько времени она потратила, чтобы в каменистой почве вырыть норку. Немало сил было потрачено и самим на поиски своей подруги, и не поздно ли он прибыл сюда сейчас, осенью, в сентябре, когда брачное время пауков давно закончилось. Но когда пауков очень мало и им так трудно найти друг друга, быть может (как тут не сказать банальную фразу), лучше поздно, чем никогда.

Самец чуток, зорек и осторожен. Неосмотрительное движение, и он прячется, но убежать от норки не желает, не хочет расставаться с тем, что досталось такими долгими поисками. Наконец его удастся поймать в объектив киноаппарата.

Теперь пора приняться за самку. Я беру зеркальце и направляю лучи солнца в норку. Но в ней ничего не видно. В это время самец решительно приближается к жилищу своей избранницы и начинает барабанить педипальпами¹ о его край. Этот прием мне очень хорошо знаком: тарантул вызывает свою подругу, но спуститься к ней не решается. По-паучьему этикету этого делать не полагается. Но хозяйка норы не желает показываться, а нетерпеливый самец продолжает стучать о стенку норы. Киноаппарат нежно стрекочет. Какой замечательный сюжет для съемки!

Что же теперь будет дальше?

Тарантул застыл, ждет. Ждем и мы. Внезапно с объектива киноаппарата падает крышка. Паук напуган и отбегает в сторону. Вот невезение!

Тогда я беру травинку и спускаю ее в норку. Теперь, если ее постепенно вытаскивать наружу, иногда самка считает, что к ней забрался непрошенный посетитель и, пытаясь его про-

¹ Педипальпами у пауков называют маленькие придатки, похожие на ноги, расположенные возле ротового отверстия.

гнать, выскакивает вслед за ней наружу. Но из норы никто не желает показываться.

Время тянется долго. Скушно. Но... мы вскакиваем от неожиданности: из норки стремительно выбегает маленькая серая мышка и прячется в кусты.

Только теперь мы заметили вблизи норки белый кокон тарантула. Он был полон маленькими паучатами, которым пришла пора выходить наружу. Почему хозяйка норы его бросила? Мы раскапываем норку. Она пуста.

Что же случилось?

Видимо, мышка забралась к паучихе, уничтожила ее, выбросила кокон наружу и после обильной еды осталась в норке.

А самец? Он ничего не подозревал о произошедшей трагедии и без толку барабанил педипальпами о край норки в напрасном ожидании своей подруги.

НЕУДАЧНОЕ МЕСТО

Сколько лет я собирался провести в горах Богуты ущелье Карасай, но все что-то мешало. Сегодня, изрядно помотавшись по горам, я увидел его издали и решил заехать. Не беда, что дорога оказалась очень скверной и нельзя было ни на секунду отвести в сторону взгляда из опасения налететь на камни. С каждой минутой сухие желтые горы с зелеными пятнами можжевельника становились ближе, и вот, наконец, узким проходом открылось ущелье, отороченное скалистыми воротами. Дальше дороги нет, груды камней перегородили путь.

Но какое разочарование! Вся растительность съедена овцами, склоны изрезаны тропинками и земля обильно усыпана пометом животных. А от ручья осталась только большая грязная лужа. В ней кишели мелкие дафнии. Они копошились всюду, толкали друг друга, дружно нападали на красных личинок комариков, теснились возле трупов потонувших насекомых. На воду бесперывно садились осы и жадно утоляли жажду. Тут же поселились жуки-вертячки, а по черному илистому берегу бегало множество мух. Рядом в небольшой куртинке цвели борец и мята, жужжали шмели, порхал желтый махаон с обтрепанными крыльями, летал неутомимый бражник. Он был очень красив, с красными и белыми перевязями и полупрозрачными крыльями. Ни на мгновение не прекращая работы неутомимых крыльев, бражник повисал в воздухе то в одном, то в другом месте, тщательно обследуя цветы, и запускал в них свой длинный хоботок. Посетив все цветы, он начи-

нал их облет заново. И так до бесконечности. Летал, чтобы найти крохотные капельки живительного нектара, выпивал их, чтобы получить энергию для полета. Еще на цветы садились бабочки-белянки, бабочки-бархатницы и бабочки-толстоголовки. Один раз прилетела изумительная оса-эвмена, тонкая, гибкая, в ярко-желтых перевязях, с особенно длинной талией, на которой блестел бордово-красный фонарик-узелок. Оса была очень красива, и я досадовал, что рука нетвердо сжимала сачок, а сердце усиленно колотилось. Напуганная моим промахом, она поспешно скрылась. Может быть, вернется? Надо посидеть подождать.

А погода портится. В скалах засвистел ветер. Из-за гор выползли белые кучевые облака и медленно, величаво, как лебеди, поплыли по синему небу к западу. За ними потянулись длинными полосами серые косые тучи, потом пошла их черная громада. Солнце скрылось. От жары не осталось и следа. Похолодало.

Напрасно я сидел у куртинки борца и мяты. Постепенно ее стали покидать насекомые. Исчез нарядный бражник. Куда-то спрятался махаон. Забились в самую гущу растений белянки, бархатницы и толстоголовки. На грязную лужицу больше не прилетали осы. Жуки-вертячки перестали бешено носиться и вяло кружились на одном месте. Даже дафнии успокоились и оставили в покое красных личинок. А тонкая, изящная с узелком-фонариком оса-эвмена так и не прилетела.

Тучи все темнели и темнели. Временами доносились далекие раскаты грома. Где-то шла гроза. Здесь же, в этих жарких пустынных горах, был только край фронта непогоды. Когда же стало смеркаться, ветер неожиданно прекратился и над горами застыла удивительная тишина. Было в ней что-то тревожное. Ничтожный звук казался едва ли не громким шумом. Урчание желудка маленького спаниеля Зорьки чудилось рычанием барса. Ручные часы тикали так, будто в кузнице звонко били по наковальне молоточки. В городе не знают такой тишины. Она не бывает там такой даже ночью.

Откуда-то появились две небольшие стрекозы и стали носиться в воздухе, выделявая сложные пируэты. Потом раздался низкий дребезжащий звук крыльев таинственных аскалафов. Но не странные сумеречные стрекозы, не аскалафы, жизнь которых так плохо изучена, завладели моим вниманием. Низко над землей, так низко, что приходилось ложиться, чтобы увидеть, металось какое-то странное насекомое. Его толстое кургузое тело, размером со шмеля, спереди было увенчано длинными, тонкими и разведенными в сторо-

ны усиками, а широкие крылья в быстром полете неудержимо трепетали; издавая нежный, удивительно приятный шепот. Когда загадочное насекомое пролетало вблизи, что-то странное происходило с моими ушами: барабанная перепонка глухо вибрировала, будто по ней чем-то непрерывно били.

Напряженное внимание, неудачные и резкие броски за насекомыми с маленьким походным сачком, страстное желание завладеть незнакомым «пилотом», все это передалось спаниелю Зорьке. Она видела в сумерках значительно лучше меня, но, не обращая внимания на странное насекомое, принялась гоняться за аскалафом, подпрыгивая и лязгая зубами.

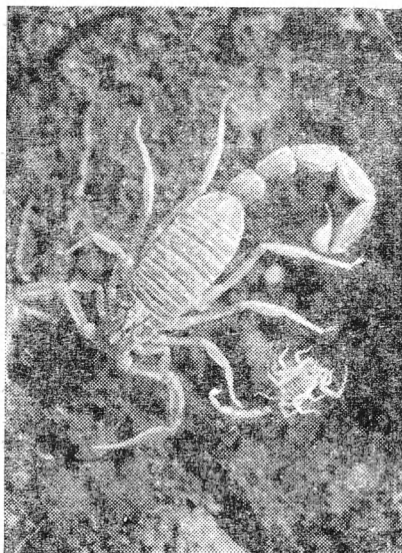
Когда же совсем стемнело и в наступившей тишине оглушительно громко запели сверчки, а в слаженный хор множества голосов начала вплетаться нежная трель горного кузнечика-колокольчика, стало бессмысленно продолжать охоту. Загадочное насекомое, а оно было, наверное, очень редким, я никогда ранее его не встречал, осталось недостижимым. Кто знает, удастся ли с ним когда-нибудь встретиться и сколько пройдет лет, пока оно кому-нибудь попадется.

Быстро натянув полог и расстелив спальный мешок, я улегся спать. Громко всю ночь напролет кричали сверчки, и за их непрерывным пением не было слышно нежного шепота крыльев незнакомца. Впрочем, один раз сквозь сон мне почудилось, будто он раздался над самым пологом.

Рано утром сквозь марлю полога я увидел полосы ярких солнечных лучей на высоких скалах и решил, что тучи ушли и будет как всегда изнуряющий зной и беспощадное жаркое солнце. Но лучи солнца быстро погасли, небо закрыли облака, в скалах зашумел ветер, раскачивая борец и мятуну.

Собрав вещи и уложив их в коляску мотоцикла, я присел на походный стульчик, чтобы привести в порядок путевые заметки. Но писать не пришлось: что-то большое и неприятное поползло по моей ноге и больно укололо. Осторожно, стараясь не придавить к телу неприятного посетителя, я захватил его рукой вместе с материалом брюк и сильно сдавил пальцами. Послышался легкий хруст. В складках одежды я увидел полураздавленного скорпиона. Он еще судорожно размахивал хвостом с ядовитым оружием, шевелил клешнями. На месте укола виднелось маленькое красное пятнышко. Боль, неприятная, жгучая, пронизывающая, становилась сильнее с каждой минутой.

Когда-то я изучал жизнь скорпионов, ставил на морских свинках множество опытов с их ядом. И вот теперь пришлось испытать самому. Чтобы отвлечься от боли, пришлось сесть

Сварливый и мрачный скорпион
трегательно заботится
о своем потомстве.

на мотоцикл и ехать по трудной дороге, усыпанной камнями.

Сколько неудач пришлось испытать в этом месте. Чудесная оса-эвмена все еще стояла перед глазами во всем великолепии изящного костюма с бордовым фонариком. Таинственный пилот так и остался загадкой, и нельзя было даже назвать отряда насекомых, к которому он принадлежал. И, наконец, этот скорпион.

Несколько часов жгучая боль не стихала, но мне казалось, что было бы легче перенести еще несколько укусов этих мрачных и неприятных обладателей яда, если бы в моей морилке лежали восхити-

тельная оса-эвмена и таинственное ночное насекомое.

ЧУЖИЕ КРАЯ

Мы оживились, когда среди бесконечных голых холмов, покрытых черным, загоревшим на солнце щебнем, показались красные скалы с расщелиной между ними. На дне расщелины сияла яркая и чистая зелень. Может быть, она казалась такой необычно цветастой в обрамлении красного?

Мимо такого места нельзя проехать, надо его осмотреть.

Остановив машину, я спускаюсь вниз и обхожу стороной заросли могучего тростника. Что там, за ними на крошечной полянке? Она так красива, заросла курчавкой, перевита цветущими вьюнками и по краям обрамлена высокими яркими цветками кипрея. Там гудят пчелы, и мне приятно слышать эту симфонию непрерывно работающих крыльев крошечного оазиса среди почти мертвой пустыни.

Весной по расщелине тек родничок. Но теперь он высох и вода ушла под камни. Но едва я вступаю в густое перепле-

тение стеблей вьюнка, как со всех сторон из тенистых укрытий, заглушая жужжание пчел, с нудным звоном вылетает целая куча комаров и облепляет меня со всех сторон. Вслед за ними, шурша крыльями, в воздух поднимается эскадрилья стрекоз-симпетриум и набрасывается на алчных кровопийц.

Воздушные пираты свирепствуют, дождавшись пира.

Стрекозы и их добыча, спрятавшаяся на весь день от своих врагов, от жары и сухости в зарослях трав, прилетели сюда с попутным ветром по меньшей мере за двадцать километров с реки Или. Отсюда она виднеется едва заметной полоской.

Пока над крошечным оазисом происходит ожесточенный воздушный бой я, побежденный атакой кровососов, позорно бегу вверх в пустыню, к машине. Нет, уж лучше издали, с безопасного расстояния полюбоваться скалами и узкой ленточкой зелени.

Но скоро комары, сопровождаемые стрекозами, добираются и до машины, и мы, спешно хлопая дверками, удираем, ползем к скалистым вершинам, ныряя с холма на холм по едва заметной дороге, усыпанной камнями.

Вот на нашем пути распадок между горами, поросший саксаулом, караганой и боялышом. Но хотя бы на него взглянуть. Мы бредем по редким зарослям кустарников, присматриваемся.

Из-под ног во все стороны прыгают кобылки-прусы. Много их здесь собралось с выгоревшей от летнего солнца пустыни. Благо, есть сочная зелень кустарников. Мчатся муравьи-бегунки. Проковыляла чернотелка. И будто больше нет ничего стоящего внимания. Но в стороне на большом камне колышется что-то темное. Надо подойти. Большая, в шикарном одеянии из черного бархата, украшенного сверкающими бриллиантами пятнышек, лежит, распластав крылья, бабочка. Ее наряды чисты, свежи и говорят о молодости, и все тело ее цело.

Я осторожно наклоняюсь над прелестной незнакомкой. Это бабочка-сатир. Но она вялая, равнодушна, меня не видит, едва жива. Легкий ветерок колышет ее распростертые в стороны крылья, и она не в силах ему сопротивляться. Эта бабочка — обительница гор, горных лугов, сочных трав, скалистых склонов, заросших густой растительностью. Она, неудачная путешественница, попала сюда издалека или с севера, с гор Джунгарского Алатау, или с юга — с хребта Кетмень. До них добрая сотня километров. И оказалась в суровой выгоревшей каменистой пустыне без единой травки,

цветка, на котором можно было бы подкрепиться нектаром, восстановить силы, истраченные на далекий перелет.

Может быть, неудачницу еще можно возвратить к жизни?

Мы готовим капельку сладкой воды и опускаем в нее головку бабочки. Сейчас спираль пружины хоботка развернется, бабочка жадно примется утолять жажду, и мы станем свидетелями чудодейственного исцеления. Но капля сладкой жидкости — запоздалое лекарство, наша пациентка к ней безучастна, а попытки лечения ни к чему. Тогда я вспоминаю, что органы вкуса бабочек находятся на лапках передних ног. На цветках с помощью ног насекомое узнает пищу прежде, чем приняться за трапезу. Я осторожно смачиваю лапки сладким сиропом. Но и эта мера слишком поздна. На наших глазах бабочка замерла, уснула.

Жаль неудачную путешественницу.

Она не долетела до маленького зеленого рая с цветками кипрея и вьюнка всего каких-нибудь полкилометра.

ПЕСНИ СВЕРЧКОВЫЕ

Капчагай — изумительное по красоте ущелье. Скалы красные, черные, желтые громоздятся одна за другой, и там, далеко и глубоко внизу, в пропасти, между ними спокойно катит свои мутные желтые воды река пустыни — Или. В природе сейчас царит ликование. Землю, исстрадавшуюся за прошлые засушливые годы, пыльную и голую — не узнать. За две недели весны с нею произошло чудо. После весенних дождей и нескольких теплых дней она преобразилась, покрылась зеленой травой, украсилась желтыми и синими пятнами цветов. Всюду бродят медлительные черепахи. В небе неумолчно славят весну жаворонки. Воздух свеж, ароматен, чист, и далеко на горизонте виднеются снежные вершины Тянь-Шаня.

Короткая и счастливая пора пустыни!

Мы носимся по ровному зеленому и цветущему плоскогорью Карой вдоль обрывов, ведущих в Капчагай, ищем съезда к реке. Но все съезды заброшены, опасны, непроходимы. Вот, наконец, хороший спуск — и мы у воды, среди буйства зелени. Противоположная левая сторона реки пологая, холмистая, покрыта ярко-красными пятнами. То расцвели маки. На нашей стороне они только начинают появляться.

У высоких красных скал живописное место для бивака. Незаметно проходит день. Наступает вечер. Смолкают визгливые пустельги. Не слышно нежного переговора галок. Закончили свои монотонные песни удоны. Лишь прошуршала

крыльями стайка розовых скворцов. На лету крикнула выпь и все смолкло. Затих легкий ветер. Померкла заря. Наступила удивительная тишина пустыни. И тогда с противоположного левого берега до нас донеслись неясные звуки. То дружным хором запели сверчки, самые первые музыканты среди насекомых. Это была массовая спевка, музыкальный разговор, сущность и значение которого до сих пор остаются неясными. А когда небо совсем потемнело, расцветилось звездами и потянуло холодком, сверчки замолкли.

— Странно! Почему сверчки пели только на левом берегу Или? — задаю я утром вопрос своим спутникам. — Ведь на нашей правой стороне ни один из них не откликнулся!

— Что тут странного? — возразили мне. — На левом берегу реки другие растения, другая природа.

— Почему другая? — не соглашаюсь я. — Все те же маки, полынь, карагана, камень да глина.

— Там освещение другое!

— При чем тут освещение, если поют сверчки в полной темноте.

«Наверное, — думается мне, — левый берег смотрит на юго-восток, сильнее прогревается солнцем, там на несколько дней весна шагает раньше, чем на нашем северо-западном берегу. Пройдет несколько дней и правый берег тоже зазвонит голосами неугомонных музыкантов пустыни».

Поднимаясь обратно на плоскогорье, из ущелья мы видим, как и на нашем правом берегу зарделись красные пятна маков. Жаль, что мы уезжаем. Сегодня здесь тоже запоют ночные музыканты.

РАВНОДУШНЫЕ КОМАРЫ

Мы проехали мимо такыров, поросших редкими саксаульничками, пересекли два крохотных ключика, окруженных развесистыми ивами, и выбрались на каменистую пустыню, покрытую плотным черным щебнем да редкими куртинками серой полыни и боялыша. Дорога шла мимо мрачных гор Кату-Тау. Пора было выбирать бивак, и мы свернули к горам. Места было вдоволь для стоянки: безлюдная пустыня раскинулась на десятки километров. Но всюду ровные вершинки холмов были заняты колониями большой песчанки, земля изрешечена и вокруг оголена. Иногда машина проваливалась в подземные галереи этого грызуна и, поднимая пыль, с трудом выбиралась из неожиданной западни. Ночевать вблизи поселения этого жителя пустыни не хотелось. Большая пес-

чанка иногда болеет туляремией, чумой. На ней могут быть блохи.

С трудом мы нашли чистую площадку, вблизи которой не было ничьих нор, быстро попили чай, приготовили постель и легли спать. Пологов решили не растягивать: место было уж очень безжизненное и вряд ли здесь обитали скорпионы, каракурты и комары, из-за которых путешественнику приходится предпринимать меры предосторожности на ночлеге.

С бивака открывалась чудесная панорама пустыни. Вдали к югу простиралась далекая долина реки Или и зеленая полоска тугаев окаймляла едва различимую белую ленточку воды; за нею высился хребет Кунгей Алатау с заснеженными вершинами.

Стало темнеть. Ветер затих, лишь чувствовалась едва уловимая тяга воздуха. И тогда появились комары. С легким звоном один за другим они плавно проносились над нашими головами, не задерживаясь и не обращая на нас никакого внимания, не предпринимая попыток полакомиться нашей кровью. Лишь кое-когда некоторых из них привлекала компания из трех человек, устроившихся на ночлег на земле возле машины.

Поведение комаров было настолько необычным, что мы все сразу обратили внимание на них. Чем объяснить отсутствие интереса комаров к человеку в местности, где на многие десятки километров вокруг не было ни поселений, ни домашних, ни крупных диких животных?

Оставались одни предположения.

Ближайшее место выплода комаров — река Или — от нас находилась в километрах пятнадцати. Там было настоящее комариное царство и в нем мало удачников, которым доставалась порция теплой крови, столь необходимой для созревания яиц. Поэтому отсюда тысячелетиями с попутными ветрами и привыкли комары отправляться за добычей, с ветрами же и возвращаться обратно. Сухие пустыни вблизи Или кишели комарами и в этом мы не раз убеждались во время многочисленных путешествий.

Но какая добыча могла привлекать комаров и этой безжизненной пустыне? Очевидно, одна-единственная — большая песчанка, городки которой виднелись едва ли не на каждом шагу. В норе комар находил безошибочно того, кого искал, и, добившись своего, счастливый и опьяненный от крови, отправлялся в обратный путь. Песчанкам же деваться некуда. Они привыкли к тому, что их подземные жилища кишели блохами, клещами, москитами, комарами.

Так постепенно и развился в местном комарином племени инстинкт охоты за обитателями пустыни, и те, у кого он был особенно силен, равнодушно миновали мимо другой добычи.

ТАЙНОЕ УБЕЖИЩЕ

Не спится. Быть может, виновата луна. Светила она особенно ярко и медленно-медленно двигалась по небу от одного края ущелья к другому, освещая застывшие горы, темные камни, кустики таволги, терескена и караганы. Сейчас весной желтая ферула рассеченная заняла все ущелье и горит на лунном свете свечками. Беспокойно и уныло кричит филин. Осторожная птица ни разу не приблизилась к нам, спящим на земле возле машины. Наверное, многим обитателям ущелья Иргизень, в котором мы заночевали, стало известно о появлении человека.

Временами запевает козодой. Нежная барабанная трель доносится издалика, то совсем близко, то усиливаясь, то затихая.

Пролетают жуки с низким и внушительно грозным гудением крыльев. Их два вида. Одни большие, по-видимому, гигантские навозники — гамалокопы, стремительно проносятся с запада на восток. Другие меньше — с юга на север. И это переселение имеет какую-то скрытую цель, наверное, очень сложную, унаследованную от далеких предков с таких давних времен, когда на земле еще не было человека. Ко второй половине ночи жуки смолкли, пролетели.

Иногда раздавался тонкий и нудный звон крыльев комара. Он летел снизу ущелья, со стороны реки. А до нее было не менее двадцати километров. Сколько времени путешествовал бедняга-кровопийца? Он и не примеряется куда сесть, а, видимо, усталый, сразу плюхается на лицо. Когда комару везло, он, отяжелевший от крови, гудел уже по-другому, улета в сторону далекой реки.

Один раз со склона горы звонко, как металл, зазвенели мелкие камни под чьими-то ногами. Но в глубокой черной тени ущелья ничего не было видно. Только потом на горе показались неясные силуэты горных козлов. Застыли на мгновение и растаяли в темноте.

Совсем рядом в сухом русле зашумел кто-то очень громко. Луч карманного электрического фонарика выхватил из темноты пустынного ежика, маленького, добродушного, веселого, с бусинками черных сверкающих глаз. Он был очень занят, кого-то выискивал среди растений.

Наступило время, когда все звуки замерли, и изумительная тишина завладела пустынными горами. Тогда стало слышно тихое неясное гудение. Этот гул был где-то рядом во мне. Быть может, так звучала кровь, переливающаяся по сосудам, то, что мы не в силах услышать даже в ночной тишине спящего города.

А ночь все шла. Большая Медведица уходила влево, постепенно поднимая вверх хвост. Луна наконец переползла над ущельем, приблизилась к вершинам гор, скользнула по черным зазубренным скалам и скрылась. В ущелье легла тень и потухли ферулы-свечки. Но небо оставалось все таким же чистым и прозрачным с редкими звездами и серебристыми небрежными росчерками редких перистых облаков. Потом, когда едва заалел восток, как-то сразу проснулись все жаворонки, и их дружные крики показались нестерпимо громкими. Наступил рассвет. Долгая бессонная ночь кончилась.

О чем только не передумашь, когда не спишь. Ферулы напомнили, что у каждой из них основание отходящего от стволика листочка покрыто глубокой продольно вытянутой чашечкой, тесно смыкающейся своими краями, в этой чашечке, в отличном и темном убежище, на день затаиваются разные насекомые. Интересно бы сейчас на них взглянуть.

Едва позавтракав, я перехожу от ферулы к феруле. Вот паучок-скакунчик забрался в чашечку и сидит в ожидании добычи. Другой завил себя со всех сторон нежной тканью, линяет. Кое-кто из пауков закончил эту трудную операцию и покинул убежище, оставив шелковый домик. Но больше всех здесь ухверток. Они всегда путешествуют компаниями и уж если займут ферулу, то всю, и битком набьются в ее пазухи: в них и безопасно, и солнце не печет, и, главное, влажно, не сушит воздух пустыни.

Каждый раз, как только я открываю убежище ухверток, они приходят в величайшее возбуждение и, грозно размахивая клещами, в величайшем волнении и спешке разбегаются во все стороны. А когда ферулы завянут, ухвертки переселятся под камни и начнут выводить потомство. И так, видимо, повелось исстари, и обычай поддерживается из года в год в этом ущелье.

В пазухах листьев я нахожу больших зеленых с белой каймой по бокам гусениц. Многие из гусениц больны, покрылись ржавыми пятнами, а некоторые погибли, сморщились. Неужели больные гусеницы устраиваются сюда только во время болезни? Ведь кое-кто выздоровел и скрылся, оставив после себя типичные серые комочки испражнений.

Зачем-то сюда забрались крошечные муравьи-пигмей, оживленно снуют, что-то ищут, к чему-то присматриваются. Они не едят ткань растения, не сосут из него влагу, не собираются здесь устраивать гнездо. У них есть жилище в земле, отличное, старое, с многочисленными камерами и сложными лабиринтами-ходами. Что им тут надо? Можно бы расстаться с ферулой, но загадка муравьев не дает покоя. Но вот наконец и найден ответ. Большой отряд крошечных подземных жителей переселил сюда своих кормилиц, больших, черно-коричневых, головастых, с длинными хвостиками цикадок, живущих на корнях растений.

Видимо, цикадкам нужен новый корм или пришла пора размножаться. Но как муравьи-лилипутики перегнали сюда свою скотинушку? Наверное, переманили каким-то особенным сигналом. Цикадки — все их достояние. От них зависит благополучие муравьиной семьи, и поэтому, когда я раскрыл убежище, наполненное ими, маленькие труженики, растерянные и беспомощные, в величайшем беспокойстве заметались, спасая свое добро.

Жизнь ферулы скоротечна. Такая большая она выросла совсем недавно, и пройдет еще совсем немного времени, когда от растения останутся одни сухие палочки, которые развеет ветер по пустыне.

Припекает солнце. Поднимается легкий ветер и раскачивает растения. От ферулы начинает исходить тонкий нежный аромат. По струйкам запаха к ее цветам мчатся со всех сторон многочисленные насекомые, жадно льнут к нектарникам, расхватывают желтую пыльцу. Они тоже, как и ферула, очень торопятся в эту короткую весну пустыни.

УЖИН

Солнце склонилось к пыльному горизонту пустыни, и сухой резкий ветер стал стихать. А желтым выгоревшим холмам, покрытым мелким щебнем, будто нет конца, и синяя полоска гор впереди нисколько не приблизилась. До воды далеко, сегодня не добраться, и стоит ли себя мучить жаждой. В коляске мотоцикла лежит дыня — последнее, что осталось от продуктов. Сколько раз хотелось съесть эту соблазнительную дыню, и сегодня вечером почему не позволить себе эту маленькую роскошь, если завтра конец пути.

Я сворачиваю с дороги в небольшую долинку с едва за-

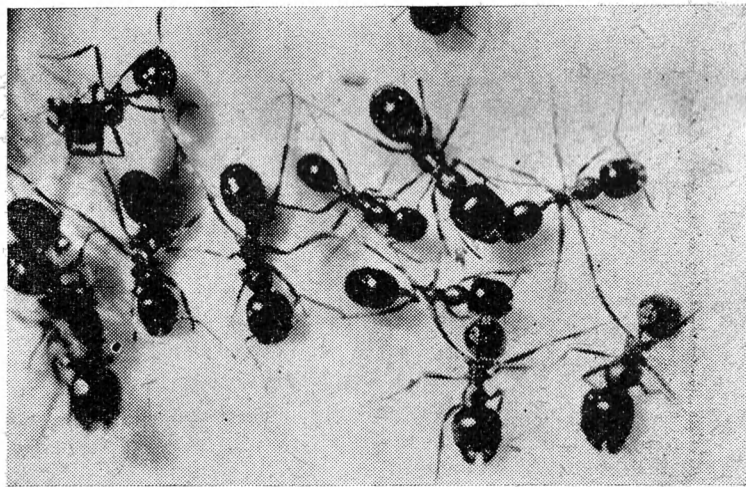
метной зеленой полоской растительности по самой серединке. Уж если есть дыню, то так, чтобы покормить ее семенами муравьев-жнецов.

А жнецов сколько угодно. На голой земле с жалкими растениями отлично видны их гнезда и кучки шелухи от зерен когда-то собранного урожая. Черно-красные муравьи, сверкая гладким одеянием, толпятся у входа. Им нечего делать. Дождей выпало мало. Пустыня прежде времени выгорела. Урожая нет. Жнецы голодают. Тяжелый год. Так просто толпятся, не могут сидеть без дела.

Нож мягко входит в дыню, на пальцы проливаются капли сладкого сока. Какая прелесть, если фляжки из-под воды давно опорожнены и хочется пить.

Кучка семян положена близ входа. Рядом с ней одна за другой укладываются дынные корки. Среди муравьев суматоха, торопливые сигналы, из узкого подземного хода ручьем льется поток сборщиков, мигом все обсажено. Муравьи жадно впились в остатки дыни, сосут сладкую влагу.

Небольшие, продолговатые, в очень прочном панцире, жуки-чернотелки крутятся возле гнезд. Они ковыряются в кучке шелухи, что-то там находят съедобное. Что делать, если пустыня такая голая в этом году. Иногда муравьи бросаются на этих чернотелок. Но жуки вооружены мощной броней. Сейчас же кучка шелухи заброшена, жуки отлично поняли,

Муравьи-жнецы с жадностью наорослись на влагу.

отчего у муравьев переполох, и тоже переселенцы на дынные корки.

О богатой добыче узнали муравьи соседнего гнезда жнецов, и добрый десяток смельчаков вторгается в чужие владения. Возле каждого чужака кольцом собираются хозяева и один за другим награждают непрощенных гостей ударами челюстей. Чужаки уступать не собираются, они умелые охотники и в таких переделках бывали не раз. Несмотря на усиленную охрану, кое-кто из них уже подобрался к дынным коркам, впился в них челюстями.

А вот еще гость. Я вижу его издалека. Большой кургузый жук-чернотелка весь в крохотных острых шипиках, расположенных строгими продольными рядами. Он зачуял еду издалека и, без сомнения, добрался сюда по пахучим струйкам воздуха.

Кургузой чернотелке тяжело. Она не привыкла к укусам муравьев и вздрагивает от каждого их прикосновения, но упрямо добивается своего места у общего стола и вот уже рвет челюстями сочную ткань. А потом еще и еще появляются такие же кургузые чернотелки.

Сколько всего собралось сотрапезников! Кургузых чернотелок около десятка, узкотелых чернотелок десятка три, а муравьев разве сосчитать. Наверное, несколько тысяч.

Но сухой предательский ветер сушит дынные корки, и они одна за другой скрючиваются в скобочки. Все равно ужин вышел на славу, и все им остались довольны!

СОЛОНЧАКОВАЯ ПУСТЫНЯ

Возле озер пустыни, вблизи рек, в бессточных впадинах, там, где близки грунтовые воды, располагаются солончаковые пустыни. Вода, поднимаясь по земле как по фитилю, испаряется в жарком климате, осаждая на поверхности соль. Ровные солончаковые пустыни покрыты будто снегом и блестят на солнце так, что слепят глаза. Подует ветер и поднимет белые соленые смерчи. Там, где земля влажна, она темна, вязка, илиста. Подсохнет корочкой и покроется крупными соляными кристаллами. Здесь властвует соль, и растения называют солянками. Безлистые, сочные, зеленые или красные, они растут подушками, вдали друг от друга. Они, приспособившиеся расти на такой густо соленой почве, зелены круглый год. Местами пустыня украшена приземистым густым кустарником — солеросом Шобери. К осени он покрывается обиль-

ными черными ягодами. Ярко-зеленые тамариски образуют рощицы. Лилово-красные цветы украшают их почти с весны до осени — то, будто соблюдая очередность, цветут разные виды этого растения.

В солончаковой пустыне почти нет зверей и птиц. Но во влажной земле немало землероев—насекомых и пауков. Всюду видны норки большого тарантула, помельче норки принадлежат звонкоголосому солончаковому сверчку. Извилистыми поверхностными ходами избороздили солончак медведки. Кое-где видны курганчики над входами жилища муравьев-бегунков.

ПОСПЕШНОЕ РАССЕЛЕНИЕ

Слева от дороги, идущей вдоль озера Балхаш, показались обширные солончаки. Увидев их, я остановил машину, выключил мотор. Интересно взглянуть, что там такое.

Большое белое, сверкающее солью пятно солончака протянулось на несколько километров. Кое-где с его краев синеют мелкие озерца, отороченные рамкой низенького ярко-красного растения солероса.

Лавируя между шершавыми приземистыми кустиками, я осторожно приближаюсь к озеру. Меня сопровождает любопытная каменка-плясунья. Она садится на кустик тамариска и, раскачиваясь на тоненьких его веточках, вглядывается черными глазами в незнакомого посетителя этого глухого мира. Один раз, осмелев, каменка, трепеща крыльями, повисает в воздухе почти над моей головой.

По вязкой почве солончака отпечатал когтистые лапы барсук. Здесь он охотился на медведек. Их извилистые ходы-тоннели, приподнявшие валиком чуть подсохшую поверхностную корочку земли, пересекают во всех направлениях солончаки.

Неожиданно раздаются тоскливые зычные птичьи крики: то переговариваются между собой отайки. К ним присоединяются короткие, будто негодующие возгласы больших черно-белых уток-пеганок. Завидев меня, они снимаются с воды. Птицы облетают вокруг меня на почтительном расстоянии и уносятся в пустыню. Далеко поднимается несколько уток-отает.

Небольшое, темно-синее, сильно соленое озерко в красном бордюре все ближе. От него доносятся тревожные крики хodusочников, и вот надо мной носятся эти беспокойные кулички, оглашая воздух многоголосым хором.

На солончаках немало высоких холмиков, наделанных муравьями-бегунками. Они переселились сюда недавно с бугров, как только весенние воды освободили эту бессточную впадину.

Вот и озеро. Вокруг него носится утка-пеганка, то ли ради любопытства, то ли беспокоится. Где-то возможно находится ее потомство. Ходулочники устали, разлетелись во все стороны. Иногда одна птица для порядка проведает, покричит и улетит. С воды молча снимается стайка куличиков-плавунчиков и уносится вдаль. Раньше эти забавные птицы Крайнего Севера, оставляющие своих птенцов на попечение самцов, были очень доверчивы и подпускали к себе на несколько шагов.

На воде у берега хорошо контурируется темная полоса мушек-береговушек. Иногда они, испугавшись меня, поднимаются роем, и тогда раздается громкий гул жужжания множества крыльев.

Я досаую: птицы меня отвлекли, загляделся на них. Давно следовало, как полагается энтомологу, не спускать глаз с земли. На ней — что творится. Масса маленьких, не более полусантиметра, светло-желтых насекомых мчится беспрерывным потоком от мокрого бережка с солеросами в сухую солончаковую пустыню. Мчатся без остановки и промедления, все с одинаковой быстротой, как заведенные механизмы.

От неожиданности я опешил. Сперва мне показалось, что я вижу переселение неведомых мне желтых муравьев. Но страшные legionеры оказались везде, по таинственному сигналу они выбрались из мокрого бережка и теперь широким фронтом, дружно понеслись вдаль от своего родного озера с синей горько-соленой водою.

С каждой минутой их все больше и больше, поток их растет и ширится. Несколько десятков созданий, оказавшись в экстаустере, все такие быстро-быстро семеня ногами, бегут торопливо по стеклянной стенке, скользя и скатываясь обратно. Они так поглощены бегом, что, оказавшись на походной лопатке и домчавшись до ее края, не задерживаются ни на мгновение перед неожиданной пропастью и без раздумий, сохраняя все тот же темп движения, срываясь, падают вниз. Ими управляет жесткий закон: никакой задержки, никаких, даже мимолетных остановок, вперед и только вперед!

Я всматриваюсь в незнакомцев. У них продолговатое, сильно суживающееся кзади тело с двумя длинными хвостовыми нитями, тоненькие, распростерты в стороны слабень-

кие ножки. Голова спереди с большим похожим на нос направленным вперед отростком, к которому снизу примыкают две острые и загнутые, как серы, челюсти. Сверху на голове мерцают черные точки глаз. Я узнал в них личинок веснянок.

Личинки некоторых видов веснянок обитают в мокрых илистых берегах водоемов и так сильно их истачивают, что вызывают разрушение береговой линии. Подобных личинок я встречал в низеньких обрывчиках у горько-соленого озера Кызыл-куль, недалеко от хребта Каратау. Там земля была изрешечена этими насекомыми. В почве они охотятся за всякой мелочью. Но они все сидят по своим местам. А здесь будто произошло помешательство: внезапно вся многочисленная братия, бросив родной бережок, в испуге бросилась бежать.

С каждой минутой личинки веснянок захватывают все более широкую полосу земли. Прошло минут двадцать нашего знакомства, и они уже растянулись фронтом вдоль озера шириной около тридцати метров и длиной около шестидесяти пяти. Сейчас примерно на каждый квадратный дециметр приходится от десяти до пятнадцати насекомых, на всей же площади — около полумиллиона! И кто бы мог подумать, что такое великое множество личинок незримо обитало в почве мокрого бережка соленого озера!

Сегодня пасмурно, солнца не видно за густыми облаками, хотя и тепло после изнурительных знойных дней. В воздухе душно, влажно. Рано утром, вспоминая, на восходе, выглянув из-за полога, я увидел вокруг солнца два ярких галло. Личинки веснянок ориентировались в метеорологической обстановке и выбрали подходящую погоду для своих путешествий. Что с ними, такими тонкокожими обитателями мокрой почвы было бы сейчас, если бы из-за туч выглянуло солнце и его жаркие лучи щедро полились на солончаковую пустыню!

Веснянки будто никому не нужны. Наоборот, жители пустыни будто обеспокоены внезапным нашествием лавины пришельцев. Потрясенные массовым шествием, бегут во все стороны паучки. Заметались на своих гнездах муравьи-бегунки. Как отделаться от неожиданных посетителей? А они валят валом мимо их жилища, заползая по пути во все норки и щелочки, не обращая внимания на удары челюстей защитников муравьиной обители. Лишь один храбрый воин, крошечный муравей-тетрамориус уцепился за хвостовую нить личинки, и та волочит его за собой, не замедляя своего бега.

Прокатившись порядочное расстояние, муравей бросает добычу.

Среди животных довольно часты случаи массового размножения. Такой же безумствующей лавиной мчатся небольшие грызуны лемминги — обитатели тундры. Они массами бросаются в реку, оказавшуюся на их пути, пробираются через населенные пункты, попадая под колеса машин. Им все ни по чем. У них одно стремление — бежать и бежать вместе со всеми в заранее взятом направлении. В годы массового размножения более разреженными массами переселяются белки. Молодая саранча собирается громадными скоплениями и путешествует по земле, а став взрослой, тучами поднимается на крыльях в воздух, отправляясь в неведомый маршрут и опустошая на пути своих кратковременных остановок всю растительность. Цветистыми облачками носятся над землей многочисленные бабочки, совершая переселения. Инстинкт давний, древний, отработанный длительной эволюцией вида, повелевает животным расселяться во все стороны, когда их становится слишком много. Расселяться для того, чтобы не погибнуть всем попусту от голода или от опустошительной заразной болезни там, где земля оказывается слишком перенаселенной; расселяться для того, чтобы занять территории пустующие, пригодные для жизни. Пусть во время этого безудержного и слепого стремления, разойдясь друг от друга, погибнут тысячи, миллионы, миллиарды жизней, оставшиеся в живых продолжат род.

Кисея облаков, протянувшаяся над пустыней, временами становится тоньше, и на землю проникают рассеянные лучи солнца. Над Балхашом уже разорвались облака и проглянуло синее небо. Утки-пеганки будто привыкли ко мне, облетая, сужают круги, садятся на воду совсем близко. Ходулочники успокоились, замолкли, бродят по воде на своих длинных ножках.

Интересно, что будет с многочисленными путешественниками, когда проглянет солнце. Но они уже прекратили продвижение в сторону пустыни. Одни из них возвращаются обратно к родному топкому бережку, заросшему красными солянками, другие мечутся, заползают в различные укрытия. Здесь под сухой соленой корочкой земля влажная, а еще глубже — мокрая, и если опереться телом на посох, он быстро погружается почти наполовину.

Проходит полтора часа с момента нашей встречи. Она уже не кажется мне такой интересной и ожидание ее конца становится утомительным. Но все неожиданно заканчивает-

ся. Толпы безумствующих личинок редуют, каждая находит себе убежище, и земля, когда-то кишевшая личинками веснянок, опустевает. Вспышка расселения потухла.

Потом всходит солнце, и сразу нестерпимо жарко. Пора спешить к машине!

МИРОЛЮБИВЫЕ ХИЩНИКИ

Лиловые цветы пустынного осота слегка раскачиваются от легкого ветра, и ажурная тень тонких листьев и веточек растения скользит по тенту. А вокруг солянки, самые разные: желтоватые, с красным оттенком, почти синие. Большое озеро тоже разное: зеленое, синее, лиловое. Вдали за ним коричневые горы.

Ветер почти затих, замерли тростники, звенит жара.

У осота беспрестанные посетители. Тонко жужжат крошечные пчелки-андрены, чуть пониже тоном — пчелы-листорезы, едва слышен шорох крыльев мух-жужжал, иногда раздается грозная песня большой осы-эвмены.

К вечеру озеро синее, покрывается легкой рябью, из тростников выплывают чомги и громко кричат на все озеро: «Кончился день, начинается жизнь ночная!»

В это время осот покидают насекомые, и песня их крыльев смолкает. А еще позднее, когда загорается первая звезда, над берегами озера сперва тихо-тихо, потом громче, яснее, совсем громко поднимается тонкий звон. Над кустиками тамариска, над самыми разными зелеными солянками выются в воздухе легкими прозрачными облачками мириады крошечных ветвистоусых комариков. Выются деловито, настойчиво, исполняя трудный и предсмертный танец своих далеких предков под звуки траурной музыки прозрачных крыльев.

Рано утром первое, что видно, — перед глазами на потелке противомоскитного полога бездыханные тельца комариков, почти прозрачные, с нежными перистыми усами. У них скрючились ноги, высохло тельце, а две точки черных глаз продолжают смотреть на мир, как живые.

Над кромкой тростников показывается красное солнце. Зеленые лучи пучками бегут по небу, отражаются в воде. Не спеша пролетают цепочкой белые пеликаны и тоже отражаются в воде. Под лучами солнца они совсем розовые с синими тенями.

Солнце открывает одну за другой ложбинки, покрытые солью, и тогда неожиданно над землей, над зарослями трав загорается тонкими нитями паутина. Она везде, всюду на су-

хих веточках, но больше всего ее на серых сухих кустиках прошлогоднего осота. И тот осот, что возле тента, тоже оплетен ею. Все опутано сверкающими нитями, и они увешаны гирляндами мертвых черноусых комариков с безжизненно повисшими роскошными перистыми усиками — тончайшим аппаратом чувств крошечного насекомого.

Тут же по нитям вяло ползают пузатые пауки, все вместе, рядышком, и полные степенные мамы, и поджарые стройные отцы, и множество самых разных размеров — паучки-детеныши. Все они одеты в нарядные костюмы, украшенные тончайшим узором из темных полосок, линий, зигзагов, точек. На прозрачной нежно-зеленой груди сверкают черные полосочки, на голове выпуклые черные глаза, на крепких ногах торчат во все стороны острые, как кинжалы, щетинки. И никто из пауков не обращает друг на друга внимания. Такие неукоснимые хищники, они необычны в своем миролюбии. Еще бы! Ночная трапеза закончена, а пищи все еще вдоволь. Вон сколько висит ее на нитях. Каждый сыт по горло, объелся, ленив, равнодушен к окружающему. Изобилие пищи отразилось на характере хищников.

Солнце поднимается над озером, паутина перестает сверкать золотом, блекнет, будто растворяется в воздухе. Ветер тронул воду рябью, зашуршали тростники, и гирлянды комариков стали раскачиваться на нитях и осыпаться на землю. Один за другим прячутся паучки в надежные укрытия на весь долгий жаркий и ослепительный день. Паучки-дети находят укромные местечки в тени у оснований кустиков, паучки-матери забираются в уютные из тонкого белого шелка шатры, растянутые на сухих веточках растений, пауки-отцы пристраиваются вблизи белых шатров.

Когда же на землю опадают все мертвые комарики, тогда становится видно, сколько всюду развешено маленьких, не больше самих паучков кокончиков. Они сплетены из тончайшей паутины, а снаружи покрыты кудрявыми толстыми нитями. В кокончиках находятся или зеленоватые, чуть продолговатые яички, уложенные аккуратным шариком, или крохотные, только что родившиеся паучки, или паучки, уже готовые к самостоятельной жизни, юркие, быстрые, ловкие. А многие кокончики пусты. В них сверкающие оболочки яичек и прозрачные рубашки паучков — первая их линька.

Еще выше поднимается солнце, еще жарче нагревается земля. Солянки источают особенный запах солончака. Над липовым осотом начинают кружиться крохотные пчелки-андрены, пчелы-мегахиллы, осы-эвмены.

А на оплетенных паутиной кустиках пусто, никого не видно. Лишь в кокончиках грестся и растет многочисленное потомство миролюбивых хищников.

НА СОЛЕНОМ ОЗЕРЕ

За нашей машиной тянется громадный хвост светлой пыли. Она садится на машину, стекает по стеклам полосками. Мимо, на фоне ослепительно-белой солончаковой пустыни, мелькают то густые тростники, то заросли темно-зеленого в розовых цветах тамариска, то редкие кустики солянок. Все ближе красно-фиолетовые горы Чулак.

Наконец, дорога делает крутой поворот, на ровном горизонте появляется темная точка, она колышется, увеличивается с каждой минутой, и вот перед нами домик егеря, а за ним зеленое, как изумруд, в белых барашках Соленое озеро. Сухая, опаленная солнцем земля — и такое неожиданное изобилие воды!

На пологом и мокром песчаном берегу тихо плещутся волны, с обрывистого берега, изрешеченного норками, беспрестанно вылетают ласточки, медленно размахивая крыльями, плывут в воздухе белые чайки.

На берегах царит оживление. Муравьи-жнецы собирают урожай семян. Черная с фиолетово-синими крыльями и красными пятнами на брюшке оса-анопаля волочит убитого ею тарантула, собираясь отложить на него яичко. На кустике терескена зеленый богомол зажал в своих вооруженных шипами ногах стрекозу. Добыча поедается по строгим правилам: вначале брюшко, затем грудь, в последнюю очередь голова. Бедная стрекоза уже без брюшка беспомощно размахивает ногами, вертит большой головой, и хотя ее движения доставляют неудобства богомолу, зато еда до последнего момента свежа и трепещет.

По мокрому песчаному берегу бродят жуки-скакуны. Они легко взлетают, сбегаются стайками или рассыпаются в стороны. Они отъявленные хищники и неумолимые преследователи летающих насекомых. Серый костюм их надкрылий расцвечен несколькими желтыми пятнышками. Зато брюшко с нижней стороны и ноги с внутренней поверхности, особенно бедра, отливают металлическим фиолетовым цветом и блестят как зеркала.

Жуки без устали носятся по мокрому песку, заняты усиленными поисками. Иногда, завидев мушку-береговушку, подскакивают к ней, но не для того, чтобы схватить, а так, на

всякий случай, по привычке хищника. Жуки видят береговушек только вблизи. Зато друг друга замечают (уж не по флюоресцентным ли зеркальцам) за один-два метра и бросаются навстречу, чтобы покружиться в воздухе.

Солнце застыло высоко в небе. Берега озера пынут зноем. Забравшись в воду, я рассматриваю жуков-скакунов и никак не могу понять, на кого они охотятся. Прошло столько времени и никто еще не схватил никакой добычи. Впрочем, как будто маленькая загадка раскрывается. Длинные кривые челюсти скакунов все время заняты. Жуки вонзают их в песок, прощупывая его сверху, что-то ищут. И не попусту. В челюстях то и дело мелькают крохотные личинки насекомых. Иногда, правда, очень редко, перепадает добыча покрупнее: белая извивающаяся личинка. Большую толстую личинку мухи, зачем-то выползшую на песок, жуки бросили, едва прикоснувшись к ней челюстями. Они не привыкли к объемистой добыче, также как и не способны гоняться за нею в воздухе. Их удел—мелочь, водящаяся в песке. И такой местный обычай развелся здесь на Соленом озере и укоренился, быть может, за многие тысячелетия насовсем, хотя в других местах охотятся, как и все жуки-скакуны, на летящую добычу.

За далекой рекой Или, над Чулакскими горами, постепенно растут темные тучи. К концу дня они уже высятся черной громадой. Кое-где от них тянутся черные полосы дождя. Но не доходят до земли: вода высыхает в сухом воздухе пустыни. Высокие легкие облака отделились от черной громады, ушли вперед, повисли над озером, и оно то потемнеет от набежавшей тени, то засверкает изумрудом и белыми гребешками волн.

В горах начинается дождь. В воздухе становится прохладней, чувствуется влага. Ласточки все сразу, будто по сигналу, покинули норки, вырытые в высоком берегу, и большой стаей понеслись над водой. Край темных туч повисает над озером, его поверхность белеет от дождя. Вот и до нас дошел дождь и забарабанил о крышу палатки. Но на следующий день утром небо безупречно чистое, на нем сияет щедрое жаркое солнце. Мы расстаемся с озером, с ласточками, чайками, жуками-скакунами и мушками-береговушками. Теперь за машиной не тянется хвост пыли: дождь примял ее и из-под колес в стороны летят брызги и капли.

Но кто же это выполз в такой массе на дорогу? Тысячи, нет, не тысячи, а десятки, сотни тысяч крупных, серых, сверкающих гладкими кольцами тел мокриц пестреют на светлой

почве. Сколько здесь тонн живого вещества, рожденного пустыней.

Поведение мокриц кажется странным. Что с ними произошло?

Местами мокрицы собираются кучками, многоэтажной копошащейся массой, куда-то стремятся, за что-то борются. Под каждым таким клубком, оказывается, находится пора до отказа заполненная мокрицами. Так вот в чем дело!

Сейчас молодые мокрицы подросли и после дождя влажной ночью забыли тесные семейные убежища, нарушили границы общин и стали расселяться. Теперь кто куда заползет там и проживет остаток года. Ночь для путешествий слишком коротка, над пустыней повисло горячее солнце, и каждый торопится поскорее найти на день убежище — уголок тени и немного влаги. Хватит ли всем места, все ли удачно перенесут путешествия и много ли еще ночей оно будет продолжаться?

Быстро сохнет земля. Колыхается горизонт над горячей пустыней, и вскоре за нашей машиной вновь тянется длинный хвост белой пыли.

Прошло несколько лет. Жарким июльским утром на пологом песчаном берегу реки Или я встретил других жуков-скакунов. Их было много. Целые стайки носились по отмели. Маленькие, серые — под цвет влажного темного песка. Хищники были очень осторожны и зорки. Их большие выпуклые глаза, казалось, неотступно следили за мною, подпуская к себе только на постоянную и довольно значительную дистанцию.

Мне показалось странным это многочисленное общество маленьких охотников, рыскающих по голому песку у самой воды, и я невольно вспомнил о Соленых озерах. На песке всюду виднелись плоские кучки песка, выброшенного из норок. Из них выскакивали совсем маленькие жужелички, черные, блестящие, как лакированные игрушки. Иногда из них же степенно выбирались на солнышко триперстки. Всюду бродили маленькие, едва больше миллиметра, мушки. Они деловито свали хоботок во влажный песок, видимо, высасывая содержащуюся в нем влагу. Жуки-скакуны иногда гонялись за блестящими жужеличками, случайно наткнувшись на них, но те бросались из стороны в сторону, легко уходили от преследования. Натыкались они и на триперсток. Но ловкий щелчок ногами — и недосягаемая добыча уносилась в неизвестном направлении. Маленькие мушки неохотно уступали дорогу жукам-скакунам. Они их не боялись.

За чем же охотились жуки-скакуны?

Я улегся на песке, зажав в руках фотоаппарат, и замер. Может быть, жучки привыкнув к неподвижной горе, лежащей на песке. Но они, такие зрячие, были по-прежнему осторожны, замечали мое незначительное движение, тотчас же отбегая подальше или как всегда легко уносились прочь на крыльях.

Хотя мои попытки сфотографировать скакунов оказались напрасными, я выяснил, за чем охотятся эти зоркие хищники. Бегая по песку, они волочили по нему длинные усики, будто ощупывая его и периодически клевали его острыми челюстями. В этот момент иногда можно было заметить, как в челюстях охотников сверкал крошечный белый червячок.

Итак, маленькие скакуны, так же как и их более великорослые родственники, на Соленых озерах охотились за червяками и в этом ремесле обрели большое мастерство. Они развили в себе удивительную способность находить ничтожную добычу в поверхностных слоях мокрого песка, пользуясь то ли обонянием, то ли осязанием, то ли зрением или вместе всеми взятыми чувствами.

Но зачем для охоты за подобной невидимой с поверхности и малоподвижной добычей тонкое зрение и способность к стремительному полету? К чему эти достоинства?

Интересно, как ведут себя и за чем охотятся этот или близкие виды в других местностях и нет ли уж в строении хищников, с которыми мне привелось познакомиться, черт, говорящих о приспособлении к новым условиям жизни и новой необычной добыче? Не новой ли профессией стала для жучков охота за червячками и не происходит ли постепенная и неуклонная отработка этого мастерства?

НЕПОНЯТНОЕ СБОРИЩЕ

Обширная впадина, в которой лежит озеро Кара-Куль, заросла редкими кустарниками тамариска и густой порослью татарской лебеды. К озеру с каменистых холмов протянулось несколько проселочных дорог. По одной из них, самой глухой, я часто прогуливаюсь, всматриваюсь в голую землю колеи, надеясь что-либо увидеть интересное в этих дремучих зарослях лебеды. За ночь это растение накапливает уйму желто-зеленой пылицы и щедро ею обсыпает одежду. К вечеру вся пылица растений облетает, и тогда можно бродить по зарослям без опасения измазаться и перекрасить свой костюм.

Солнце еще высоко, но уже спала изнурительная жара. Пробудились муравьи-жнецы, потянулись по колее дороги колоннами. Им здесь живется несладко. Лишь кое-где растут пустынные злаки, с которых можно собрать урожай.

Во всех направлениях мечутся красноголовые прыткие муравьи формика субилоза. Над колеей дороги паук аргиопа лобата выплел аккуратные круговые тенета. На одиночном кустике кендыря уселась большая и яркая гусеница молочайного бражника. Иногда, выскочив из травы, по дороге с величайшей поспешностью промчится глазчатая ящерица.

Но вот, кажется, особенное!

На светлой земле колеи мечутся неуклюжие личинки божьей коровки булеа Лихачева. Они мне хорошо известны. И личинки, и жуки, не в пример родственникам, растительоядные, но в выборе пищи строги и питаются излюбленными растениями из семейства маревых. Татарская лебеда — их исконный корм.

Личинок масса, не менее тысячи. Они собрались в довольно густое и четко определенное скопище, снуют беспорядочно, без какого-либо плана, цели, но не разбредаются в стороны. Будто какая-то сила, общий сигнал, ощущаемый каждым членом этой бестолковой братии, заставляет их быть вместе единой компанией. Одни из них, поспешно семеня ножками-коротышками, несутся от центра скопища к его периферии, другие — наоборот. Они почти не сталкиваются, не мешают друг другу, хотя в их движениях как будто нет решительно никакого порядка. Не особенно интересно торчать возле бестолку снующих личинок коровок. Но приходится запастись терпением. Надо узнать, что будет дальше?

Проходит утомительный час. Красное солнце медленно опускается к горизонту. Затих ветер, и в наступившей тишине робко и неуверенно запел сверчок. Вдоволь набегавшись, личинки постепенно стали разбредаться в разные стороны, исчезли в зарослях, очистили дорогу, оставив меня в полном недоумении.

Для чего личинкам жуков понадобилось общество себе подобных? Чтобы отправиться в дальний поход, подобно тому, как это делают многие животные во время массового размножения. Но похода не последовало, да и массового размножения не было.

Чтобы собраться вместе, прежде чем превратиться в жуков и ради облегчения встречи взрослых в брачную пору? Но коровки эти отлично летают и к тому же могут легко находить друг друга на излюбленных растениях.

Чтобы... Нет, не могу найти я объяснения загадке жучиного сборища. Неясно, с помощью каких сигналов эти, в общем, мало подвижные личинки, могли собраться вместе ради совместного двухчасового ритуального свидания.

СУМАТОШНАЯ КРИВЛЯКА

Несколько часов мы раскачиваемся в машине на ухабах, лениво поглядывая по сторонам. Всюду одно и то же. Бесконечная лента гравийной дороги, желтая выгоревшая на солнце земля с редкими кустиками боялыша и синее небо. Справа пустыня Бет-Пак-Дала, слева Джусан-Дала. Долго ли так будет? Кое-кто не выдержал, завалился на бок, задремал. Но показались блестящие пятна такыров. Туда идет едва заметный, старый наезженный сверток, как раз для нас. И когда машина, накренившись набок, сползла с шоссе, все оживилось.

Такыры, возле которых мы остановились, оказались прекрасными. На них еще сверкает синевой вода, ветер набегая, колышет ее рябью — совсем как на озере. И вдали плавают несколько диких уток. Вода вызывает оживление, хотя к ней и не подступиться по илистому берегу. Солнце сушит такыры, и кое-где начинают появляться трещинки, образующие многогранники.

Гладкая, чуть розовая под лучами заходящего солнца и совершенно ровная площадь такыра изборождена следами куличков и уток. А вот следы черепахи. Упрямое животное, не меняя ранее взятого направления, заковыляло в жидкую грязь, покрутилось там, но нашло в себе здравый смысл, повернуло обратно к спасительному берегу. Представляю, как она перепачкалась!

По самому краю такыра, там, где он стал слегка подсыхать, уже поселились многочисленные землерон, закопались во влажную почву, выбросили наружу свежие и маленькие кучки земли. Кто они — интересно узнать.

И больше нет ничего живого.

Впрочем, еще я вижу вдали черную, довольно быстро передвигающуюся точку. Это жук-чернотелка, небольшая, настоящая пустынноца. Таковую я встречаю впервые. Видимо, чернотелка, как и черепаха, тоже вознамерилась пересечь такыр, да, наткнувшись на грязь и, испачкавшись в ней, повернула обратно.

Осторожно ступая по вязкому такыру, я подбираюсь к жуку, чтобы лучше его разглядеть, а он, заметив опасность,

приходит в неожиданное замешательство, подскакивает на длинных ногах, падает набок, кривляется, бьется будто в судорогах, как припадошный, такой странный, длинноногий и весь грязный. Никогда не видал я ничего подобного в мире насекомых! Быть может, такой прием уже не раз спасал жизнь этой чернотелке. Все необычное пугает, останавливает. Среди величайшего множества разнообразных уловок, при помощи которых насекомые спасаются от своих врагов, эта чернотелка избрала совершенно своеобразный способ ошеломлять своих преследователей.

Я смотрю на забавное представление, ожидаю, когда оно закончится, и сожалею, что нет со мною киноаппарата, чтобы запечатлеть увиденное. А жук, будто очнувшись, вдруг начинает удирать со всех ног, очевидно решив, что напугал меня в достаточной мере. Жаль маленького артиста, суматошного кривляку. Я готов сохранить ему жизнь, но он мне совершенно незнаком, быть может, новый вид и окажется таким интересным для специалистов по жукам. Я догоняю беглеца, еще раз смотрю на искусно разыгранное представление и сажаю в коробочку из-под спичек. Пусть едет со мной в город!

ХОРОШАЯ ЛОПАТА

Давно стояли снега, прошли весенние дожди и стали подсыхать озера, обнажая солончаковые берега. На них тотчас же стали переселяться на лето муравьи-бегунки, медведки прочертили извилистыми ходами ровную поверхность, маленькие жужелички вырыли норки и многие другие любители влажной земли завладели этими местами. По незначительным признакам я угадываю, кто поселился здесь, когда же не могу разведать поселенца, берусь за раскопку.

Вот и сейчас непонятные шарики разбросаны по гладкой земле в одном направлении, а откуда и кто их вытащил наружу — неизвестно. На поверхности солончака не видно нигде никакой норки. Придется искать. Скоро я нахожу другую кучку таких же шариков. Возле них видна норка, покрытая земляной крышечкой, а в ней восседает, очевидно приготовившаяся линять, личинка отчаянного хищника жука-скакуна. От норки комочки земли отброшены сантиметров на тридцать. Отнести их личинка не могла, нет у нее таких приспособлений. А вот бросать — это она умеет. Сверху голова личинки уплощена, слегка вогнута, напоминает лопатку. Водрузив на нее комочек выкопанной земли, личинка с силой отбрасывает в сторону свой груз.

Длина личинки 15 миллиметров, бросок ее равен 300 миллиметрам, то есть двадцати длинам собственного тела. Человек должен бы бросить такой груз лопаткой на 32 метра. Катышек весит 0,1 грамма, в пять раз меньше тела личинки. Для человека такой груз равнялся бы 30 килограммам. В общем, неплохой бросальщик личинка скакуна и хорошая у нее лопата.

Только зачем ей было так далеко отбрасывать землю? Можно бы и поближе. Разве ради маскировки своего логова!

ШУМНЫЙ СОЛОНЧАК

Я прошел через густые заросли лоха, миновал колючие чингили, просторный солончак и забрался на гряды песчаных холмов. Солнце еще недавно поднялось над пустыней, в воздухе стояла бодрящая прохлада. Вдали за полоской реки и зеленых тугаев синели далекие заснеженные горы.

Тугай молчал. Наступило лето, давно отзвенели птичьи песни. Молчала и песчаная пустыня. Только издали, со стороны солончаков, раздавался легкий и странный гул. Будто множество крыльев работало не переставая, без отдыха, без

Возле норки собралась кучка пчел.

перерыва. И чем сильнее грело солнце землю, тем он все больше нарастал, становился громче и отчетливей.

Я спустился с барханов. Звуки стали громче. Прошел сотню метров — они оказались правее, в той стороне, где большим пятном светлел совершенно голый солончак с очень редкими низенькими солянками.

— Наверное, насекомые там гудят, за голой землей, в небольших зарослях тамариска, — подумал я.

Но все оказалось по-иному. Гудел голый солончак и так громко, что почти оглушил меня неожиданностью. Над ровной чистой землей металось, кружилось, гонялось друг за другом, стремительно что-то разыскивало множество насекомых.

Я присмотрелся. Как будто сборище состояло из ос-аммофил и двух видов пчел — большой-мегахиллой и маленькой-осмией. Почему они слетелись сюда, зачем собрались столь шумным обществом? Ведь вот на соседних солончаках, я знаю, пусто, нет никого. Разве только, чтобы сообща, громко распевая крыльями, приглашать издали себе подобных.

Ярче и заметней всех были красные осы-аммофилы. Свесив книзу длинные ноги и, подняв кверху тонкое на узкой талии брюшко, они летали, казалось, безо всякой цели. Лишь некоторые, позванивая крыльями, рыли норки и далеко по воздуху относили в стороны комочки земли. Иногда осы насккивали друг на друга, будто собираясь подраться, но быстро разлетались в стороны. Осы-аммофилы, истребительницы гусениц, на тело которых они откладывают яичко, все были без добычи. Неужели не на кого было охотиться? Для чего же рылись норки? Так просто — удовлетворение инстинкта! Впрочем, надо проверить предположение, еще посмотреть внимательней.

Летали еще черные осы-аммофилы, более тонкие и элегантные, с крохотным красным пятнышком, будто яркой пуговицей на черном костюме.

Больше же всех носились над самой землей маленькие пестренькие пчелки-осмии. Смогли бы они так легкомысленно метаться на бреющем полете среди травы, не разбив лбы о препятствия?

Осмии казались очень озабоченными, будто их мучило очень важное и неотложное дело. Иногда они бросались друг на друга и, сцепившись клубком, дрались или внезапно падали на землю и неожиданно ныряли в крохотные отверстия норок. Норок же была масса. Местами весь солончак изрешечен ими. Вокруг них не видно никаких комочков земли. Возмож-

но, норки рылись особым способом: почва попросту расталкивалась во все стороны. В рыхом солончаке подобная вольность строительного искусства была допустима и даже могла быть полезна, так как стенки подземного жилища получались тверже и прочнее.

Предчувствуя, что придется немало потрудиться, я снимаю с себя полевую сумку, фотоаппарат, лишнюю одежду и вооружаюсь лопаткой. А в земле разобраться трудно. Новые норки переплетаются со старыми, следишь за одним ходом и натыкаешься на десяток других. Запутаться во всем этом хаосе легко. Иногда берет отчаяние.

Но постепенно дела пестренских пчел-осмий становятся понятными. Все их шумное общество, беспрерывно летающее над солончаком,—самцы. Самки очень заняты, роют норки, собирают пыльцу, строят домики для деток, кладут яички. Домик их особенный. Настоящий бочонок, даже, пожалуй, толстый кувшинчик с очень коротким горлышком. В кубышке или запасы меда и пыльцы с белой личинкой, или нежная светлая куколка. Два глаза и три глазка на лбу куколки кажутся угольно-черными.

Не терпится заняться пчелой-мегахиллой. Она не чета пчелке-осмии, больше ее в несколько раз, не в меру шумлива и еще больше беспокойна. Вот одна с разлугу забралась в норку и выставила наружу, будто сигнальный флажок, кончик брюшка с ярким белым пятном на самой верхушке. Это самец, у самки кончик брюшка другой, черный.

— Норка занята мною! — свидетельствует флажок, — прошу посторонних сюда не лезть!

Но получается наоборот. На белое пятнышко в норке слетаются один за другим самцы и пытаются силой проникнуть в жилище самки между растопыренными ногами соперника. Тогда брюшко с белым флажком отвечает тумаками, ноги отталкивают с силой и выбрасывают наружу непрошенных посетителей. А им, драчунам, будто все нипочем. Их уже более десятка расселось по земле, приподнимаются на коротеньких ножках друг перед другом, расправив пошире в стороны крылья и задрав кверху брюшко, грозятся, стучаются лбами, сверкают большими глазами. В этой свалке под шумок кое-кому удастся сбить телохранителя и пробраться в норку.

А самка очень занята, ей будто ни к чему столько ухажеров. У нее вон сколько забот: норку надо вырыть, вычистить, слетать в тугай, нарезать там листочков из лоха, да не как попало, а по особенным строгим правилам и точной выкройке,

склеить из них выстилку ячейки, натаскать в них провизии, отложить яичко и снова — за то же самое, пока есть силы. Да что говорить, можно ли сравнивать ее самоотверженный труд с шумным соперничеством легкомысленных кавалеров!

Но им, наверное, тоже нелегко. Крылья сильно потрепаны, от многих боев помят пушистый и когда-то нарядный костюм.

Солнце поднялось высоко, разогрело солончак, жарко, с тела скатывается ручейками пот. Наблюдения же кончатся рано, во многом не мешает еще разобраться, а для этого — рыть и рыть как можно больше земли.

Скоро я убеждаюсь, что мегахиллы тоже расталкивают почву, когда делают себе жилище, но пользуются норками как попало, старыми, чужими, сообща, по несколько хозяек вместе. И в самом большом почете у них брошенные норки солончакового сверчка. Зачем попусту тратить силы, если можно использовать готовое помещение. Уж не поэтому ли сверчки ранее, когда еще не было пчелок, распевали на этом самом солончаке. На день они прятались в свои старые норки. Теперь они все перекочевали к кустикам. Наверное, их выжили мегахиллы.

Ячейки мегахиллы не сложны. Сперва на дно камеры кладется первый коротенький обрезок листочка. Затем на него согнутыми концами помещаются четыре заходящих друг на друга краями длинных кусочка листа. Обивка готова, и после заполнения ячейки сверху укладываются два, искусно вырезанных из листика, точно подогнанных по внутреннему диаметру кругляшка.

Есть у меня много вопросов к мегахилле. Вот, например, почему среди свалки рыцарей у теремка дамы сердца иногда мелькает почти черный претендент, а иногда с особым звоном крыльев ввязывается в баталью ярко-желтый. Кто они такие? Те же самые мегахиллы, но другой окраски или, быть может, другие виды? Тогда незачем им лезть не в свое дело.

Шумная жизнь на голом солончаке будто идет мимо крошечных холмиков выброшенной из норок земли. Я давно поглядываю на эти холмики. Они никому не нужны, никто в них не забирается и не обращает на них внимания. Их хозяева не умеют расталкивать почву в стороны, а роются в ней и выносят ее наружу. Я терплю, жду, когда освобожусь, утешаю себя тем, что дойдет и до них очередь.

Кто же там живет? Наверное, какая-нибудь особенная пчелка с совсем другими обычаями. Но почему тогда она не выходит из своих убежищ наружу? Разве только потому, что ведет ночной образ жизни.

Норки под холмиками очень узки да и полужасыпаны. Раскапывать их — мучение. В одной никого нет, в другой — тоже пусто, а в третьей сидит совсем не пчелка, а небольшой светлый с темными пятнами жук-жужелица. И везде такие жучки. Зачем они забрались на солончак в эту большую пчелиную компанию?

Я совсем устал от жары и раскопок. Давно пора в зеленый тугай, в густую тень, к биваку. Но остались еще осы-аммофилы. Придется отложить наблюдения за ними до вечера.

ЯГОДЫ СЕЛИТРЯНКИ

В самое жаркое время года, в конце июля — начале августа, на солончаках близ рек или озер, на пышных и очень густых кустах селитрянки появляются черные ягоды. Как у большинства растений, приносящих плоды, у селитрянки куст кусту рознь, и если на некоторых — ягоды маленькие черные, почти сухие, то на других — они большие, с крупную смородину, сочные, слегка коричневатые.

Ягоды селитрянки не в особом почете у жителей пустыни. Только одни птицы да мыши лакомятся ими. А ведь ягоды, особенно крупные, сладкие, приятны на вкус, в них много влаги, ими даже человек может утолить жажду даже в самую жару, когда без конца хочется пить.

Почему никто не ест ягоды селитрянки?

Я очень люблю ягоды селитрянки и ем их пригоршнями. Кусты такие яркие, чернеют на ярком солнце, видны далеко. Мне думается, что когда-нибудь селекционеры выведут отличные сорта этой пустынной ягоды и она будет пользоваться такой же популярностью как, скажем, клюква, малина или брусника.

Я усиленно угощаю ягодами своего товарища. Он страдает от жажды, но крепится, не может преодолеть недоверия к неизвестному растению. Но вот решился. Пожевал и быстро выплюнул: «Не нравится, пахнет трупом и косточка скользкая».

Видимо, велика сила неприязни ко всему неизвестному и лежит она в древнем инстинкте опасения отравиться.

Почему же ягоды селитрянки не заготавливают муравьи-жнецы, не лакомятся ими другие муравьи?

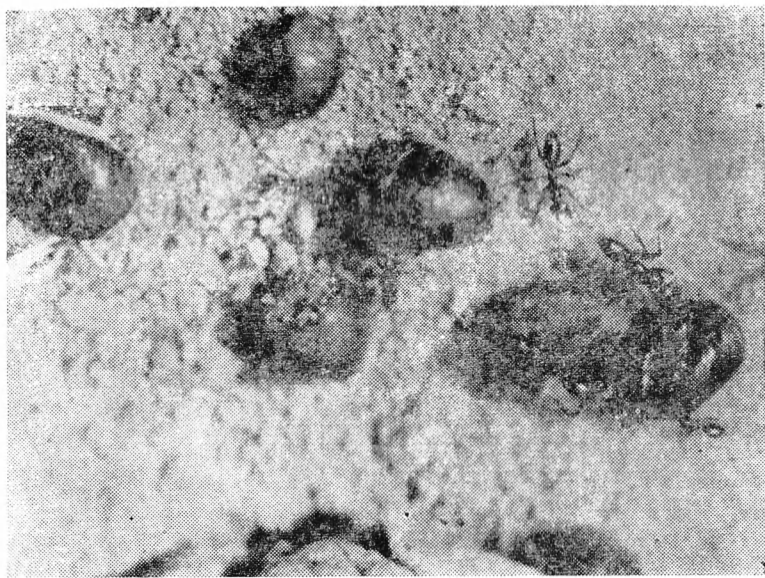
Я срываю несколько ягод и кладу их возле входа в муравейник бегунка. Возле моего приношения сбегаются несколько любопытных. Они обследуют незнакомый предмет усиками,

один натолкнулся на блестящее от влаги место, где был черешок, и прильнул к нему жадно челюстями. Его примеру последовали остальные. Тогда я срываю еще несколько ягод, надрежаю их ножницами, и сочащиеся обильным соком даю муравьям.

Что тогда произошло! Из муравейника повалили толпы. Ягоды покрылись толстым слоем сладкоежек, возле каждой мохнатый клубок, торчат лишь в стороны ноги да размахивают длинные усики. Кое-кто, деловитый, принялся затаскивать добро в подземные камеры, показал пример, вскоре все угощение исчезло. В другом муравейнике неудача. Большая ягода застряла во входе, ни вперед ни назад.

Очень понравились ягоды селитрянки муравьям.

Так почему же они сами не лакомятся? Кусты, обильно увешанные урожаем, рядом. Стоит только подняться по ним кверху. Неужели тоже, как и мы, по незнанию и недоверию? Может быть, тут еще сказывается предубеждение. Особенно вкусны ягоды в редкие дождливые годы. В засушливые они неприглядны. А так как годы с обильными осадками редки, то муравьи привыкли считать урожай селитрянки не стоящим внимания.

Муравьям-бегункам понравились ягоды селитрянки.

Проходит несколько недель. Прохладнее становятся ночи и не так жарко накаляется солнцем пустыня. Сочные ягоды селитрянки постепенно сохнут, сморщиваются, еще больше чернеют, а потом опадают на землю. Здесь их растаскивают мыши да клюют голодные перелетные птицы.

Через два года я попал в тугай реки Или близ гор Калканов. Был конец июля — разгар лета. Ягоды на селитрянке почернели и стали сладкими-сладкими. Но многие из них, подсыхая, начали терять свою сочность. В одном месте на чистой и голой площадке я увидел бегунка. Он волочил ягоду селитрянки. За ним тащился другой с таким же грузом. Я пошел навстречу носильщикам и увидел еще несколько заготовителей ягод. Находка для меня оказалась новостью. Оказывается, бегунки способны сами догадаться о достоинствах ягоды пустыни!

Но дело оказалось не совсем так. Вскоре я набрел на куст селитрянки, откуда шла заготовка урожая. По его стволикам шло настоящее паломничество мелких муравьев-тетрамориусов. Они развели ягоды, разгрызли их и, набив свои зобики вкусной и сладкой мякотью, спешили с добычей домой. Тут же трудились и немногочисленные бегунки. Каждый, подобно муравьям-жнецам, старательно отгрызал ножку ягоды.

Неужели на бегунков повлиял пример тетрамориусов? Почему бы и не так! Муравьи нередко подражают друг другу. Раз их маленькие соседи едят ягоды селитрянки, значит и себе пригодится.

А как в муравейниках других, расположенных возле селитрянки?

Бегунки не обращали внимания на сладкую и богатую добычу и носились, как сумасшедшие, по жаркой пустыне в поисках еды.

КОМАРИНЫЕ ПЛЯСКИ

Синее небо без единого облачка. Округлые холмы, однообразные, выжженные солнцем, горизонт, сверкающий струйками горячего воздуха, и лента асфальтового шоссе, пылающего жаром. Долго ли так будет? И вдруг справа неожиданно — синее озеро в бордюре зеленых растений и цветов, в тростниках, тамарисках, с желтыми, подступившими к берегу барханами. Острый и приятный запах солончаков, водного простора — как все это прекрасно и непохоже на неприветливую пустыню.

Глядя по неторной дорожке, проложенной рыбаками-любителями, мы находим удобное место возле воды на низком берегу, рядом с илистым песком, по которому весело бегают кулички. Испуганные нашим появлением, взлетают белые цапли, с воды поднимаются дремавшие утки.

А вечером, когда стихает ветер, и мы, забравшись в полога, с облегчением вздыхаем, предаваясь отдыху, в наступившей тишине раздается тонкий звон. То поднялись рои ветвистых комариков. Звон становится все сильнее и сильнее, комарики пляшут над пологам и садятся на них целыми облачками.

Под нежную и долгую песню комариков хорошо спится.

Рано утром озеро, как зеркало. Застыли тростники. Вся наша машина стала серой от величайшего множества обсевших ее со всех сторон комариков. Но вот солнце пригревает металл, и комарики перемещаются на теневую сторону. Потревоженные, они взлетают стайками, садятся на голову, лезут в глаза, запутываются в волосах. Брачный лет еще не закончен. Над тростничками, выдающимися мыском на плесе, пляшет громадный рой неугомонных пилотов. Здесь их тысячи, нет, не тысячи, а миллионы крошечных созданий, непрерывно работающих крыльями. В застывшем воздухе слышен тонкий и нежный звон. Иногда он неожиданно прерывается редким низким звуком.

Отчего бы это могло быть?

Я внимательно всматриваюсь в висящее в воздухе облако насекомых.

Брачное скопище почти целиком состоит из кавалеров, украшенных прекрасными пушистыми усами. Их непрерывная пляска, тонкий звон и эти странные низкие прерывистые звуки — испокон веков установившийся разговор, своеобразный ритуал брачных отношений. Он, быть может, имеет важное значение, когда комариков мало и надо посылать самкам особенно сильные и непрерывные сигналы. Сейчас же при таком столпотворении, возможно, он излишен. Но это только кажется!

Вот опять этот прерывистый резкий звук. И еще. Он не столь уж и редок и как будто возникает через равные промежутки времени. Как же я не замечал его раньше? Приглядываясь, я вижу, как одновременно с этим странным низким звуком облачко комариков вздрагивает и миллионы телец в строгом согласии по невидимому сигналу бросаются вперед и снова застывают в воздухе на одном месте. И так через каждые одну-две минуты.

Разглядывая комариков, я невольно вспомнил Сибирь.

В дремучем бору сосна к сосне стоит близко. Внизу полумрак, как в темной комнате, и тишина. Там, где сквозь полог хвои пробивается солнце, будто окна в темной комнате. У таких окон и собираются рои маленьких грибных комариков и заводят нежные песни.

В рою несколько тысяч комариков, и каждый пляшет, взметнется вертикально кверху и медленно падает вниз. И так все время, вразнобой. Но иногда танцоры, будто сговорившись, все сразу, как по команде, взмывают кверху и падают вниз.

Лишь бы собраться комарикам на солнечном пятне, а там можно обойтись и без него. И рой, приплясывая кверху и книзу, медленно плывет по лесу, тонко звеня тысячами маленьких прозрачных крыльев. Вот на пути опять солнечное пятнышко, и рой задерживается на нем, сверкая яркими светлыми точками. Зашло солнце, и не стало видно комариков, только звенят тонкие крылья.

Иногда с роем происходит что-то непонятное. Будто воздух взмыл резко вверх и вздернул коротким рывком за собой всех сразу пилотов. И так подряд несколько бросков в разные стороны. Дымок папиросы плывет струйкой кверху, не колеблется, значит, воздух неподвижен, и прыгают комарики сами, по какому-то неуловимому сигналу. Сходным образом громадные стаи скворцов, летающих на юге зимою, в изумительном согласии делают внезапные повороты, виражи, подъемы и падения, стайки мелких рыб совершают мгновенные броски, прячась в коралловые рифы. Как все это происходит и какой имеет смысл у комариков? Ни звук крыльев, ни зрение тут не имеют значения, а, конечно, что-то совершенно особенное и еще не известное науке.

Несколько взмахов сачком, рой рассеян, оборвался звон крыльев. Но проходит десяток минут, и комариков будто магнитом стянуло вместе, они вновь реют в воздухе дружной компанией.

В сачке же копошатся нежные маленькие желтоватые самцы с роскошными мохнатыми усами. Весь рой — мужское общество!

И тонкий звон крыльев, и тысячи светлых точек на солнечном пятне, и медленное путешествие по лесу — все это для того, чтобы облегчить встречу с подругами, рассеянными в большом дремучем лесу.

А что это за таинственные взметывания всего роя, страшные подергивания? Какое они имеют значение? Каков меха-

низм, управляющий миллионным скоплением насекомых, и какие органы чувств обеспечивают эту необыкновенную слаженность сигнальных звуков и движений?

Кто и когда сможет ответить на эти вопросы?

МУШКИ-БЕРЕГОВУШКИ

По берегам озер, особенно мелких, засоленных, с топкими берегами, водятся мушки-береговушки. Небольшие, серенькие, продолговатые со слегка зеленоватыми глазами, они не блещут внешностью. Но одна особенность заставляет обратить на них внимание. Береговушкам неведомо одиночество, они всегда держатся большими скоплениями. Часто вся кромка воды и мокрого ила усеяна ими. Они копошатся плотной массой, едва ли не соприкасаясь друг с другом телами. В каждом скоплении десятки, сотни тысяч насекомых. Впрочем, кто считал: быть может, даже миллионы. Мушки легко бегают как по топкому илистому берегу, так и по воде. Они все время в движении, что-то слизывают с поверхности болотной воды, наверное, бактерий, инфузорий или водоросли, часто взлетают, садятся, снова взлетают. Кромка берега — их любимое место, за что они и получили такое название. Мушки откладывают яички в

Мушки-береговушки целыми стайками толпятся по берегам болот.

ил, в котором развиваются их многочисленные личинки. Здесь они питаются корешками растений, водорослями.

Соленое озеро — обитель береговушек. Возле него на маленьких озерах с лилово-красной соленой водой и белоснежными, покрытыми солями берегами их особенно много. Без них как-то и не представляешь этого края озер, тростников и буйной солончаковой растительности.

После необычно многоснежной зимы и дождливой весны 1966 года уровень воды в Соленом озере поднялся почти на метр. Большая вода продержалась и до самой осени, когда я заглянул сюда. Полюбовавшись синим озером, поглядев на рои комариков-звонцов, на объедающихся ими паучков и ящериц, на многочисленных легкокрылых стрекоз, я вспомнил и про мушек-береговушек и удивился. Они куда-то исчезли. Впрочем, что за темные облачка на гладкой поверхности воды посредине маленьких озер. Да это береговушки! Вода затопила илистые берега и мушки, изменив своим обычаям, стали теперь собираться на воде, отказались быть береговушками, расстались с землей, превратились в плавунчиков. Нынешние берега, заросшие солями, им не понравились.

Все же кое-где по бережкам есть небольшие скопления. Одно такое сборище я вижу поблизости. Мне хочется сфотографировать мушек. Задача нелегкая. Как к ним подобраться. Тысячу глаз видят меня, и среди тысячи глаз обязательно найдутся глаза самых осторожных. Они не в меру чутки и взлетают прежде времени, а за ними и все остальные. Взлетают как-то по-особенному, наверное, подавая сигнал опасности, так как после обычного взлета покой скопления не нарушается. Точно такие же порядки существуют и в больших стаях уток, гусей, антилоп, газелей, оленей и многих других животных.

Впереди по бережку на крошечных лапках коротенькими шажками семенит трясогузка. Иногда взглянет на меня черными глазами и... раскланяется. Трясогузка ловит береговушек, и они, такие ловкие, перед ней разлетаются. Но иногда элегантному охотнику сопутствует удача, и трясогузка быстро склевывает добычу. Передо мной разлетаются в стороны так же, как и перед трясогузкой, уступая дорогу, и меня будто всюду сопровождает мертвая зона.

Тогда я хитрю. Пытаюсь подкрадываться только к маленьким группкам. Среди них, мне кажется, меньше осторожных, подающих тревогу. И верно! Мушки меньших скоплений доверчивей. Может быть, и трясогузка вот на таких разинь тоже рассчитывает. Медленно-медленно я склоняюсь с фото-

аппаратом над мушками. Но расстояние еще велико. Надо становиться на колени. Только как же это сделать в жидкой грязи?

Выход находится. Помогает неизменный спутник — посох. Положив его в грязь, на него можно опереться коленом. Несколько раз щелкает затвор. Пожалуй, хватит. Но что с моим коленом? Оно в липкой черной грязи. Половина полевой сумки грязная. А ноги совсем погрузились в месиво. Пытаясь встать, я завязваю еще больше. С трудом освобождаясь от плена, невольно сравниваю себя с домашней мухой, попавшей на липкую бумагу.

Теперь скорее к воде отмыться. Впрочем, все это неважно. Лишь бы вышли снимки.

НА ОЗЕРЕ КЫЗЫЛ-КУЛЬ

Синее-синее озеро в ярко-красных берегах сверкало под жарким солнцем. Наверное, из-за берегов оно и называется Кызыл-Кулем, «Красным озером». Когда-то, много миллионов лет назад, когда на Земле были совсем другие животные и растения, тут тоже плескалось озеро. Теперь от него остались только вот эти красные глины. Может быть, и это озеро — жалкий остаток древнего озера-великана?

Я иду вдоль берега, сопровождаемый тоскливыми криками куличков-ходулочников. Иногда налетят крачки и закричат неприятно и пронзительно. Что им надо? Может быть, испытывают мои нервы, желают от меня избавиться. Издалека поднимаются осторожные белые цапли, утки-отайки. Птицы не доверяют человеку, откуда им знать, что у него нет смертоносного оружия, а в руках фотоаппарат, сачок да самые добрые пожелания всему живому, приютившемуся на этом озере среди глухой и высохшей пустыни.

На пологом бережке на мокром песке у самой воды тучи мушек-береговушек. Это какой-то особенный вид. Никогда такие мне не встречались, очень они крупные. Испокон веков они тут живут и некуда им отсюда переселяться: вокруг сухая и жаркая земля. Мушки-береговушки поднимаются передо мною и сразу же садятся позади. Высоко над землей подниматься не в их обычае, можно попасть какому-нибудь хищнику. Так и иду я, нарушая их покой и сопровождаемый роем. Мушки очень заняты. Из мокрого ила вытаскивают крошечных белых червячков-олигохет. Это их еда и добыча.

По бережку бегают белые трясогузки. Они очень заняты, озабочены, охотятся за береговушками, и хотя мух масса, пой-

мать их, таких вертких, нелегко, разве только что попадется какая-нибудь нерасторопная. Согнувшись, перебежками, мечутся трясогозки по берегу, а сами поглядывают черными бусинками глаз на меня, боятся, близко не подпускают. Тоже не верят человеку. Спит солнце, жарко, тихо. Берег становится обрывистым, нависает стеной. Не хочется выбираться наверх в пустыню, там сухо и еще жарче, и я бреду под кручами по колесо в приятной теплой воде. Легкий ветерок протягивается синими полосами по озеру, налетает на берег, и я вздрагиваю от неожиданности: раздается громкий шелест, будто встрепнулись листья высокого дерева. С удивлением осматриваюсь и только тогда вижу необычное. Красный обрывистый берег местами почти серый, так много на нем высохших шкурок больших стрекоз. Здесь личинки выползли из воды и, чтобы не достаться многочисленным куличкам, бродящим по самому мелководью, забрались повыше. Потом у них лопалась на спине кожа и, оставляя старую некрасивую шкурку, выходила чудесная большая ярко-синяя стрекоза.

Здесь много тысяч шкурок, а стрекоз ни одной. Лишь кое-где промчится одиночка над самым берегом, сверкнет крыльями и исчезнет. Чем тут питаться? Нет возле озера мелких насекомых, а мушек-береговушек не возьмешь с земли. Вот и покинули стрекозы озеро, надолго разлетелись во все стороны на охоту. Что им, прекрасным летуньям! Придет время, прилетят обратно на свою родину и отложат в синее озеро яички.

На песке я неожиданно замечаю странное насекомое. Небольшое, темно-желтое, без крыльев с двумя длинными хвостовыми нитями и коротенькими усиками. Оно оказывается личинкой веснянки. Незнакомка быстро несется к песчаному уступчику над плоским берегом и там исчезает. Я вглядываюсь в это место и вижу, что почва тут пронизана мельчайшими ходами, будто ноздреватая, а когда поддеваю ее лопаткой, то передо мной открывается великое множество таких же личинок. Они копошатся в земле, пробуравили ее во всех направлениях норками, их тут несметное количество, миллионы, нет, миллиарды. Что они тут делают, откуда берут пищу, что с ними будет потом, никак не понять. Странные личинки, загадочна их жизнь. В одном месте берега, продырявленные и ослабленные личинками веснянок, обвалились, не выдержав волн. Кто бы мог подумать, что насекомые могут быть разрушителями береговой линии. Да еще такие крошечные.

Жарко. Пора искупаться. В прозрачной воде вблизи от берега зеленый таинственный лес водорослей. Он застыл, не шелохнется, а среди его дебрей мечутся стремительные крош-

ки — водяные клопы-гладыши. Как их здесь много! И каждый — ни секунды покоя. Мгновенный заплыв кверху, быстрое движение, маленький пузырек воздуха схвачен, и снова стремительное погружение в воду.

Странное озеро стрекоз, мушек-береговушек, таинственных личинок веснянок и клопов-гладышей.

ТУГАИ

Издавека, из светлой, облитой солнцем пустыни полоска густой растительности по берегам рек пустыни кажется очень темной, почти черной. И там совсем другой мир и ничего похожего на пустыню. Серебристолистный и колючий лох образовал прибрежные лески. В подлеске — шиповник, густые заросли вьющегося по деревьям ломоноса, непроходимые рошницы колючего кустарника чингиля, куртинки разнолистного тополя, густые заросли высокого тростника.

Весною, когда зацветают лох и чингиль, волны аромата несутся над тугаями и запах цветков доносится и в пустыню.

Здесь богатый мир зверей, птиц, насекомых. Распевают соловьи, воркуют горлицы, от дерева к дереву проносятся нырками тугайный дятел, тонкими голосами попискивают трясогузки, звонко кричат фазаны. В зарослях мелькают зайцы, далеко разносится сердитое рывканье косули, тихо крадется дикая пятнистая кошка и реет великое множество разных насекомых. И больше всех среди них, конечно, комаров. Здесь их царство, особенно ночью. Но многие его жители посещают пустыню и, наоборот, многие жители пустыни навещают тугай.

В тугасе прохлада и такой приятный после пустынной суши влажный воздух. После нестерпимого зноя, жаркого солнца и сухой раскаленной почвы пустыни тугай производит на усталого путника впечатление маленького цветущего рая. И этот рай приютил множество разнообразных растений и животных. Тугай не пустыня. Это особенный лес, растущий в пустыне.

БЕЛОЕ ПЯТНО

Сегодня очень тепло, настоящая весна с журавлями. Откуда их столько, унижали все небо цепочками, перекликаются.

Пустыня только начала зеленеть и желтыми свечками зацветились на ней тюльпаны. Воздух звенит от песен жаворонков.

Всюду биение жизни. Надо мне присесть, присмотреться.

Но не могу, уже полчаса бреду к горизонту к странному белому пятну на бугре. Что за необыкновенное пятно, почему колышется, то застынет, то вновь встрепенется.

Вблизи все становится обычным и понятным. Расцвел большой куст таволги и весь покрылся душистыми цветами. Откуда он здесь взялся в лёссовой пустыне?

На цветах же пир горой. Все они обсажены маленькими серыми пчелками-андренами. Сборщицы пыльцы и нектара очень заняты, очень торопятся. Кое-кто уже заполнил свои корзиночки, сверкает ярко-желтыми штанишками и, отягченный грузом, взмывает в воздух. А на запах по струйкам ветра прибывают все новые посетительницы.

Сколько их здесь! Наверное, несколько тысяч собралось отовсюду.

Комар не прочь полакомиться нектаром цветов.

Ленивые черные и мохнатые жуки-оленьки не спеша лакомятся пылью, запивают сладким нектаром. Порхают грациозные голубянки. Синие мухи, юркие, блестящие, как полированный металл, шмыгают среди белых цветочков. На самой верхушке уселся клоп-редувий. Неужели и ему, завязтому хищнику, тоже нравится сладкий нектар?

Куст тихо гудит тысячами голосов. Здесь шумно, как на большом вокзале с разношерстными пассажирами.

И еще необычный любитель цветов — самый настоящий комар-аэдес каспиус. Он старательно выхаживает по цветкам на своих длинных ходульных ногах и запускает хоботок в кладовые нектара. Забавный комар! Он не один. Масса комаров лакомится нектаром. Я рассматриваю их в лупу и вижу сверкающие зеленые глаза, роскошные, вычурно загнутые коленцем, мохнатые усики и длинные в завиточках щупики, слегка прикрывающие хоботок. Все комары-самцы — благородные вегетарианцы. Они, не в пример своим супругам, способны насыщаться живительным сиропом, припрятанным на дне крошечных кувшинчиков-цветочков. Кто знает, быть может, когда-нибудь человек научится истреблять комаров, привлекая их на искусственные запахи цветов. А без мужского населения не смогут класть яички бесплодные самки-кусачки.

Теперь я вооружаюсь морилкой и пытаюсь изловить элегантных незнакомцев. Но они удивительно осторожны, не чета самкам, опьяненным в предвкушении насытиться горячей кровью.

Тогда я вооружаюсь сачком, ударяю им по веткам. Куст внезапно преображается, над ним взлетает густой рой пчел, голубянок, мух, клопов, комаров. Грозный многоголосый гул заглушает и пение жаворонков, и журавлиные крики...

Вторая встреча с комарами-вегетарианцами произошла возле Соленых озер. Весна 1967 года выдалась затяжная. Потом неожиданно в конце апреля наступил изнуряющий летний зной. Насекомые проснулись сразу, а растения запоздали: они зависели от почвы, а она прогревалась медленно. Странно выглядела пустыня в летнюю жару. Голая земля только начала зелснеть. Ничто не цвело. И вдруг у самого берега Соленого озера розовым клубочком засверкал тамариск. Он светился на солнце, отражался в зеркальной воде, красовался и был замечен нарядным платочком далеко во все стороны. К нему, этому манящему пятну на унылом светлом фоне пустыни, и я поспешил, удрученный томительным однообразием спящей природы.

Крошечный розовый кустик казался безжизненным. Но

едва я к нему прикоснулся, как над ним, негодуя и звеня крыльями, поднялось целое облачко самых настоящих комаров в обществе немногих маленьких пчелок-андрен.

Комары не церемонились. Быстро уселись на куст, и каждый сразу же занялся своим делом — засунул длинный хоботок в крошечный розовый цветок. Среди длинноусых самцов я увидел самок. Они были тоже сильно заняты поисками нектара, а у некоторых уже изрядно набухли животики. И странно! Я сидел возле куста с фотоаппаратом, щелкал затвором, сверкал лампой-вспышкой, и ни одна из комарих не удосужилась польститься возможностью напиться крови, ни один хоботок не кольнул мою кожу.

Я даже обиделся. Неужели я такой невкусный или так задубилась моя кожа под солнцем и ветрами пустыни. Поймал самку в пробирку, приложил к руке. Но невольница отказалась от присущего ее роду питания. Тогда я сбегал к машине, достал маленький проволочный сачек. И тут эксперимент не удался.

Все же среди комаров, наверное, встречаются особенные приверженцы вегетарианского питания. Однажды во время обеда на варенье из ежевики, положенное на хлеб, уселась самка кулекса modestusa и долго упивалась лакомством. Она была настолько поглощена этим занятием, что не обратила внимания, ни на то, как мы с интересом разглядываем комаров, ни на то, что хлеб с вареньем находился в движении. Насытившийся комар мирно полетел в заросли трав переваривать обильную еду.

Третья встреча с комарами-вегетарианцами произошла вскоре после первой. Тугай у реки Или вблизи Соленых озер, чудесный и густой, встретил нас дружным комариным воем. Никогда не приходилось видеть такого изобилия этих надоедливых кровососов. Пришлось спешно готовить ужин и забираться в полога.

Стих ветер, река застыла и отразила в зеркале воды потухающий закат, синие горы пустыни, заснувшие тугаи. Затокал козодой, просвистела крыльями утиная стая, тысячи комаров со звоном поднялись над нашим биваком, неисчислимое множество острых хоботков проткнуло марлю, жажда дотянуться до тела.

Засыпая, я вспомнил густые заросли и розовые от цветов кусты кендыря. Они были обсажены комарами. Кровососы ловко забирались в чашечки цветов, выставив наружу только кончик брюшка да длинные задние ноги. Больше всех на цве-

тах было самцов, но немало лакомилось и самок. Многие из них выделялись толстым беловатым и сытым брюшком.

В густых зарослях особенно много комаров и трудно сказать, желали ли крови те, которые лакомились нектаром. Как бы там ни было, самки-вегетарианки с полным белым брюшком ко мне проявили полное равнодушие и, преодолевая боль от множества укусов и всматриваясь в тех, кто вонзал в кожу хоботок, я не встретил среди них похожих на любителей кендыря.

Кроме кендыря в тугаях еще обильно цвел шиповник, зверобой, солодка, на полянках синели изящные цветы кермека. Они не привлекали комаров.

Еще вспомнилось, как, наблюдая крошечных муравьев пигмеев и ползая за ними по земле, я всюду видел комаров, вонзавших свои острые хоботки во влажный песок подсыхающего берега реки. День был изнурительный, жаркий, и комарам, наверное, так же, как и нам, очень хотелось пить. Здесь на сохнувшей почве они удовлетворяли потребность не только в воде, но и в минеральных солях. Комары, страдающие от жажды, тоже не обращали на меня внимания и казались занятыми не менее тех, кто лакомился нектаром.

Рано утром пришлось переждать пик комариной напасти в пологах. Поглядывая сквозь марлю на реку, на горы, на пролетающих мимо птиц, мы ждали ветерка. И какое счастье, когда зашуршали тростники, покачнулись верхушки деревьев и от мелкой ряби посинела река, а ветер отогнал наших мучителей, державших нас в заточении.

Постыдно убегая из комариного царства, мы вскоре убедились, что вдали от реки и тугая комаров мало или почти даже нет, и у канала, текущего в реку из Соленых озер, неплохие места для стоянки. Розовые кусты кендыря на берегу канала нас заинтересовали и заставили остановить машину. Оказывается, здесь мы долгожданные гости. Облачко комаров поднялось сверху с цветов и бросилось на нас в наступление. Комары определенно любят кендырь и усиленно лакомятся его нектаром, благодаря ему переживают трудное время, когда нет обладателей теплой крови. И он, судя по всему, один из первых прокормителей комаров. Быть может, поэтому он и растет испокон веков у рек и обслуживается нашими злейшими недругами. Об этом следует подумать!

Прошло несколько лет, и я в четвертый раз встретился с комарами — любителями нектара. Мы путешествуем возле озера Балхаш. Жарко, пекло солнце, воздух застыл, в машине

духота. Справа — серая безжизненная, давно и безнадежно до следующей весны выгоревшая пустыня. Слева — притихшее лазурное озеро.

Я с интересом поглядываю на берег. Может быть, где-нибудь на каменистой или песчаной рёлке покажутся цветы? Там, где цветы — там и насекомые, жизнь. Но всюду тростники, тамариски, сизоватый чингиль да темно-зеленая эфедра. Впереди как будто показалось розовое пятно. Что это? Может быть, цветная глина.

Пятно все ближе и ближе, и вот в пониении, окруженном тростничками, целая рощица буйно цветущего розового кендыря.

— Ура, цветы! — раздастся из кузова дружный возглас энтомологов, на землю с машины выпрыгивают с сачками в руках охотники за насекомыми. Мне из кабины ближе всех, я впереди.

На кендыре же многоголосое жужжание. Он весь облеплен крупными волосатыми мухами-тахинами, над ним порхают голубянки, бархатницы, жужжат самые разные пчелы, бесшумно трепеща крыльями, носятся мухи-бомбиллиды. Предвкушая интересные встречи, я с радостью приближаюсь к этому скопищу насекомых, справляющих пир. Сколько их здесь, с каким триумфом они, жаждущие нектара, стремятся сюда, в эту бесплатную столовую для страждущих от голода в умершей от зноя пустыне!

Но один-два шага в заросли, и шум легкого прибоя озера заглушается дружным тонким звоном. В воздух поднимаются тучи комаров. Они с жадностью бросаются на нас, и каждый сразу же получает тысячи укулов. Комары злы, голодны, давно не видали добычи в этих диких безлюдных краях, и, наверное, давно торчат здесь, кое-как поддерживая свое существование нектаром розовых цветков. Для них наше появление — единственная возможность напиться крови и дать потомство. И они, обезумевшие, не обращая внимания на жаркое солнце и сухой воздух, облепляют нас тучами.

Дружная и массовая атака комаров настолько нас ошеломила, что все сразу же, как по команде, в панике помчались обратно к машине.

Я пытаюсь сопротивляться атаке кровососов, давлю их на себе сотнями, и вскоре побежден тоже. Комары же, преследуя нас, забираются в кузов машины.

Долго мы на ходу машины отбивались от непрошенных пассажиров.

Почему же в прежних встречах комары-вегетарианцы были равнодушны к человеку?

Наверное, у каждого вида комаров природа, кроме кровососов, завела особые касты вегетарианцев. Если только так, то это очень полезная для них черта. В особенно тяжелые годы, когда из местности по каким-либо причинам исчезали теплокровные животные, комариный род продолжали выручать любители нектара. И они служили особенным страховым запасом на случай такой катастрофы.

Как все в природе целесообразно. Еще бы! Миллионы лет были потрачены на подобное совершенство.

Проходит весна, минует лето. В сентябре хотя временами и жарко, но всюду видны признаки осени. Не слышно пения птиц, не кричат вечерами лягушки, а основательно подросшая их молодежь шныряет по тугаям, дежурит в ожидании добычи на береговых кромках проточек и временных озерцах, оставшихся после половодья. Не стало и цветков. Кендырь рассеял по ветру пушистые семена. Белыми хлопьями покрылся домонос. Лишь кое-где синее цикорий да желтеют цветы зверобоя.

Стало меньше комаров и нрав их изменился. Теперь они днем нападают нехотя, как бы опасаясь прежде времени исчерпать свои силы, ожидают своего часа — сумерек, легкой прохлады, влажного воздуха и безветрия. Только вечером они поднимают нудную комариную песню.

В чем же секрет изменения поведения наших мучителей, куда девались их храбрость, сила и назойливость?

Мне кажется, что отгадка изменения поведения комаров не так уж сложна. У каждого кровопийцы небольшой запас энергии, в его распоряжении только те питательные вещества, которые сохранились с детства личиночной жизни. Летом комары черпают силы, питаются нектаром. К осени же цветов нет. Откуда брать силы? Приходится умерять свой нрав, действовать осмотрительно, по одежде протягивать ножки.

КРОШЕЧНЫЕ НЕДРУГИ

Весна пришла в тугай не сразу. Холода чередовались с оттепелями. Еще в марте выдавались теплые дни, летали насекомые, петухи-фазаны кричали истошными голосами и хлопали крыльями. Постепенно зеленели травы и деревья, а когда на ложе появились крохотные желтые цветы, ветер понес

во все стороны чудесный аромат. И он был так силен, что, казалось, в это время и не было больше никаких запахов в тугаях. В это же время неожиданно загудели деревья от множества маленьких песчаных пчелок, самых разнообразных мух, наездников, мелких жучков-пыльцеедов, бабочек. Вся эта разноликая армия ликовала и наслаждалась чарующими запахами сладкого нектара.

Серебристые листья лоха трепетали на ветру, а желтые цветы готовились завязывать будущие плоды. Но в цветах завелись крохотные обитатели. Никто их не замечал, не видел. А они, совсем пигмеи, меньше одного миллиметра, тонкие, стройные, с ярко-красной головкой и такого же цвета полосками на продолговатом тельце крутились среди лепестков, забирались в кладовые нектара, вгрызались в сочную ткань, как раз в то место, где происходило таинство зарождения нового плода, зачатка будущего дерева. Это были трипсы. Но особенные, неизвестные науке. Испокон веков они приспособились жить на этом дереве и вот теперь почему-то набросились на него массой. Трипсы размножались с невероятной быстротой, кишели, и желтые цветы, израненные ими, тихо умирая, падали на землю, устилая ее сухими комочками. Прошла весна. Отцвели цветы пустыни. В укромных местах под корой, в щелках, в норках, в кубышках молодые песчаные пчелки, мухи, наездники, бабочки замерли на все долгое лето, осень и зиму, до следующей весны, до появления новых цветов на лохе. Над землей повисло жаркое солнце. Дремали в зное тугаи, все пряталось в тень, и только ночью шелестела сухая трава и качались былинки от шагов звериных ног.

На лохе давно пора было появляться плодам мучнистым, терпким, чуть сладким, очень сытным и вкусным. Но деревья шумели бесплодными ветвями. Весь урожай уничтожали крохотные трипсы. Наступила долгая зима. Зря взлетали на деревья фазаны. Главный и такой привычный корм исчез. От истощения и голода погибло много птиц, и когда пришла новая весна, уже не звенели как прежде тугаи голосистыми криками расцвеченных петухов. Охотники удивлялись и спрашивали друг друга:

— Что стало с фазанами?

— Куда они исчезли?

— Почему не уродила джиджа?

Никто толком не мог ответить на эти вопросы, так же как никто не знал, что крошечные насекомые были виновниками гибели прекрасных птиц.

Сколько времени будут бесчинствовать трипсы, есть ли у них недруги и почему они не сдержали армию этих вредителей дерева — никому не было известно. Жизнью крохотного трипса никто и никогда не интересовался. Мало ли на свете разных насекомых!

МАЛЕНЬКИЙ ОАЗИС

Желтую пыльную пустыню, окаймленную голыми фиолетовыми горами, совершенно съели овцы. Они уничтожили все, что выросло весной. Остальное засушило знойное солнце.

Воды в наших канистрах мало, путь впереди неясен и поэтому немного боязно: а что, если случится неладное с машиной. Но она, перемахивая через холмы и небольшие распадки, мерно и весело стрекочет мотором. И вдруг неожиданно из-за бугра выглянули ярко-зеленые вершины деревьев. Нам не верится. Не может быть здесь деревьев, а если и есть, то возле них обязательно люди, скот и пыльная земля, выбитая копытами. Но перед нами открывается небольшое ущелье и оазис из древних и высоких ив. Под ним крохотный родник, густая тень, прохлада, влажный воздух. Как мы рады всему этому раю!

Машина, к ней нельзя прикоснуться, такая она горячая, стынет в тени, и уж мы все наслаждаемся. Не беда, что со всех сторон, размахивая длинными ногами, бегут к нам клещи-гиаломы; неважно и то, что несколько тощих комариков заявляют о себе острыми уколами, предупреждая о предстоящей вечерней атаке, всем хочется отдохнуть от пустыни.

Деревья большие, развесистые, на них невольно заглядишься. Многие распластали по земле свои толстые стволы, извиваются, будто удавы. И уж сколько им человек нанес ран топором и пилой.

Беспрестанно напевает иволга. Здесь живет только одна парочка. Певунья никак не разглядеть в густой зелени листьев. А если она и выскочит на секунду на голую ветку, то, заметив на себе взгляд человека, сразу спрячется. Безумолчно пищат птенцы воробьев. Здесь только одно их гнездо. Пустыня голая, еды в ней немного.

Тихо.... Но иногда будто захочет поезд, так громко зашелестят от порыва ветра листья, а одно дерево запоем тонким страдальческим голосом: какая-то ветка трется о другую и жалобно плачет.

Все проголодались, дружно готовят обед. А мне, водителю, привилегия. Пользуясь ею, я усаживаюсь возле родника.

С десяток толстых-претолстых, солидных и, наверное, уже старых жаб шлепается в воду, десяток пар глаз высовывается из воды и уставляется на меня: «Что понадо ілось чело-веку в нашей обители?»

Жабы терпеливые. Вот так, застыв, будут глазеть на меня часами. Но и мне от усталости не хочется двигаться. Подожду здесь, послушаю крики иволги, воробьев, шум листьев и скрип дерева.

Прилетела маленькая стайка розовых скворцов, покрутилась и умчалась снова в жаркую пустыню. Появилась каменка-плясунья, посмотрела на людей, взобралась на камешек, поклонялась и — обратно в жару, полыхающую ярким светом.

Родничок — глубокая яма около двух метров в диаметре, заполненная синеватой мутной водой. Один край ямы пологий, мелкий. Через него струится слабый ручеек и вскоре же теряется в грязной жиже. К пологому берегу беспрестанно летят насекомые: большие полосатые мухи-ежемухи, поменьше — тахины, цветастые — сирфиды. Еще прилетают желтые в черных перевязях осы-веспы. Все садятся на жидкую грязь и жадно льнут к влаге.

И все же я пересидел жаб, они почувствовали ко мне, такому неподвижному, доверие. Одна за другой, не спеша и соблюдая достоинство, приковыляли к мелкому берегу и здесь, как возле обеденного стола, расселись спокойные, домовитые. Ни одна из них не стала искать свою добычу. Зачем? Вот когда муха окажется совсем рядом возле самого рта, тогда другое дело: короткий бросок вперед, чуть дальше с опережением, и добыча в розовой пасти. Вздогнет подбородок, шевельнутся глаза, погрузятся наполовину, помогая протолкнуть в пищевод пищу, и снова покой, безразличное выражение выпученных глаз и застывшая улыбка безобразного широкого рта.

Если муха села на голову — на нее никакого внимания. С головы ее нехватишь. Пусть сидит, кривляется, все равно рано или поздно попадет в рот.

Страдающим от жажды насекомым достается от жаб, одни за другим исчезают в прожорливых ртах. Только осы неприкосновенны, разгуливают безнаказанно и никто не покушается на их жизнь. И не только осы. Вместе с ними неприкосновенна и одна беззащитная муха-сирфидка. Ей, обманщице, хорошо. Ее тоже боятся жабы, и не зря она так похожа на осу.

Как мне захотелось в эту минуту, чтобы рядом оказался

хотя бы один из представителей многочисленной когорты скептиков, подвергающих сомнению ясные и давно проверенные жизнью вещи, те противники мимикрии, происхождение и органическая целесообразность которой так показательна и наглядна. Чтобы понять сущность подобных вещей, необходимо общение с природой. Что стоят голые схемы, рожденные в тишине кабинетов, вдали от природы. Как много они, эти скептики, внесли путаницы, ошеломляя простаков своей заумной вычурностью, прикрывающей темноту духа.

Жабы разленились от легкой добычи, растолстели. Легкая у них жизнь. Да и самих их никто не трогает. Кому нужны они, такие безобразные, бородавчатые, ядовитые? А пища — она сама лезет в рот. Успевай только хватать да проглатывать.

Но как ни хорошо в глубокой тени, пора продолжать путь дальше. Теперь нам предстоит вновь ехать через выжженную солнцем желтую пустыню. И без дороги. Есть только сухое русло, оставленное весенними потоками да летними ливневыми дождями. Ровное из мелкого гравия ложе потока извиливается в обрывистых бережках с саксауловыми зарослями. Иногда оно разбивается на несколько узких рукавов, и тогда внимание напряжено до крайности, чтобы успешно проскочить узкий коридор, не застряв и не поцарапав машину. Иногда же рукава сбегаются в один широкий, подобный отличному асфальтовому шоссе поток. Впереди нас далекие сиреневые горы Чулак, перед ними едва заметная зеленая полосочка тугаев реки Или, еще ближе — белые пятна такыров. Вокруг каменистая пустыня, черный щебень, покрывающий землю, редкие саксаульнички, никаких следов человека, суровое величие, простор и тишина.

Редкими и радостными розовыми шапками мелькают цветы. Где-то там внизу русло должно сомкнуться с такырами, по которым идет проселочная дорога. Беспокоит мысль: а что, если не дойдя до такыра, кончится сухое русло и нам придется разыскивать путь через рвы, камни и кустарники. Выдержат ли покрышки колес и рессоры легковой машины?

Иногда мы останавливаемся, бродим по сухому руслу между кустиками саксаула. Вот по земле ползет муравей — крошка кардиокондила. Стремительная вода недавнего бурного потока занесла его жилище слоем земли не меньше, чем на десяток сантиметров. Но муравьи-крошки пережили наводнение, отсиделись в подземных камерах, потом откопались и сейчас налаживают жизнь. Я склоняюсь над их гнездом и

вздрагиваю от неожиданности. Совсем рядом, расставив в стороны лапы и широко раскрыв желтую пасть, замерло какое-то небольшое чудовище. Тело его покрыто морщинистой кожей, на месте глаз мрачные впадины. Несколько мгновений я в изумлении рассматриваю незнакомца, пока догадываюсь, в чем дело. Легкомысленная жаба, влекомая инстинктом расселения и поисками новых стран, отправилась вместе с дождевым потоком в путешествие в неизведанные края в пустыню. Видимо, до этого она мирно жила в одном из заболоченных ключиков в горах Богуты. Но дождь быстро закончился, поток высох, облака разошлись в стороны, растаяли, на голубом небе засверкало солнце, наступила жара, и бедная жаба, страдая от сухости и жажды, так и застыла с раскрытым ртом. Солнце быстро превратило ее в мумию, сохранив позу предсмертных мучений. Где ей было добраться к воде! Отсюда до реки Или не менее пятнадцати километров. К тому же и норы, в которые можно было бы прятаться на день, все забило илом.

Не посчастливилось бедной путешественнице!

НАПАДЕНИЕ ПОДЕНОК

Сегодня мы проехали совсем немного, каких-нибудь тридцать километров, и опять остановились на берегу озера Балхаш. Здесь все кусты казались сизыми от множества облепивших их поденок. Нежные стройные поденочки не взлетали при нашем появлении, а тихо сидели на ветвях. Возле них летали птицы и копошилось множество пауков, муравьев, ящериц.

Погода в этом году стояла необычная. Конец мая, а жарких дней еще не бывало, перепадали дожди. Мы часто зябли и грелись у костра.

Я терпеливо переносил похолодание, так как знал, что скоро наступит жара и мы будем мечтать о минувшей прохладе. К тому же с холодом легче справиться: теплее одеться, погреться возле костра. А когда царит испепеляющий зной и нет нигде тени, что тогда делать? Куда спрятаться, когда нет более сил переносить жару?

Сегодня к вечеру небо заволочло тучами. Стих ветер и потеплело. Озеро застыло, стало как зеркало. Очень далеко над горизонтом шла гроза и полыхали молнии. Угомонились крачки. Не было слышно и цокания козодоя. В наступившем молчании чувствовалось какое-то неопределенное чувство тревоги. А когда стало темно, слышался легкий шорох

крыльев, тучи поденок поднялись над озером и ринулись на берег. Это родилось новое поколение.

Вначале мы ретиво отмахивались от нападающих на нас насекомых. Потом, признав свое поражение, спрятались в палатки.

Поденки будто обезумели. Они нападали на все, что возвышалось над землей. Им будто непременно нужно было усесться на что-то твердое. Земля почему-то не подходила для этой цели. Стоило только на секунду высунуться из палатки, как они мгновенно обседали со всех сторон, щекотали кожу, забивались в волосы, заползали в уши, в нос. Рта нельзя было открыть ни на секунду. Белая палатка была вся покрыта ими. А что стало с брезентом, который покрывал кузов машины! При свете электрического фонарика он представлял собой необычное зрелище, и от множества прижавшихся друг к другу насекомых казался лохматым. Одни поденки сидели неподвижно, другие пытались усесться, разыскивая свободное место. Но его не было.

Ночью за горизонтом долго полыхали молнии. Но гроза прошла стороной, лишь иногда крупные капли дождя падали на крышу палатки.

Утром поденки так и остались на машине. А все кусты у берега совсем стали от них серыми. Почему наши маленькие мучители просидели всю ночь на кузове машины? Почему бы по старому обычаю поденок в эту душную ночь не отпраздновать брачную пляску, отложить в воду яички и на этом покончить со всеми жизненными делами.

Но думать об этом было некогда. Наспех собравшись, мы тронулись в путь. Сейчас же при первом ветерке или встряске на ухабе поденки слетят с машины, освободят кабину, очистят и все экспедиционные вещи.

Но ничего этого не произошло. Поденки продолжали путешествовать и упорно не желали с нами расставаться. Впрочем, их становилось как будто меньше, кое-кто поднимался в воздух. Вот одна поденочка села на руку, потом как-то странно задергалась, сжалась в комок и расправилась. На ее груди лопнула кожа, и через разрыв медленно сбрасывая с себя шкурку, с трудом вытягивая ноги и крылья, стала выходить новая поденочка. Вскоре она совсем освободилась от своей старой одежды, посидела немного и, вспорхнув, вылетела в окно кабины, оставив на руке продолговатый серый комочек.

Так вот почему вчера вечером поденки бросались на все твердое и устойчивое, старались забраться повыше над землей, подальше от кишящих на ней всяческих поедателей: еще-

рид, пауков и муравьев! Теперь я вспомнил, что из куколки, плавающей в воде, выходит еще не совсем взрослая поденочка. Но в книгах пишется, что переход от этой стадии во взрослую совершается быстро, почти сразу же после выхода из воды.

Тогда я рассматриваю кузов машины. На нем теперь стало немного поденок, зато всюду виднеются серые продолговатые комочки личиночных шкурок.

Маленький секрет жизни поденочек имеет практический смысл для хозяйственной деятельности человека. Личинки поденок и комаров-звонцов имеют большое значение в рыболовстве. Они главная пища рыб. От изобилия личинок этих насекомых зависит количество и упитанность рыб в озере. Но как жить комарам и поденкам в тех местах, где на берегу озера исчезли кусты и деревья и негде спрятаться на день или перелинять? Поверхность земли для этого ненадежна, на ней множество врагов. Инстинкт самосохранения не позволит звонцам и поденкам сесть на землю. Не поэтому ли там, где берега озера голые, нет ни поденочек, ни комаров и нет рыбы.

Это открытие меня радует. Теперь я напишу статью в газету в защиту зеленого пояса растительности вокруг озера, объясню его значение. Идея охраны природы лучше всего завладевает людьми, когда она проста, понятна и к тому же имеет ясное практическое значение. И когда-нибудь настанет время и оберегаемые человеком вырастут вокруг озера не только местные деревья и кустарники, но и специально привезенные, и на них будут спокойно рассаживаться звонцы и поденочки. Будут они тогда летать тучами над озером и кормить пузатых сазанов, стройных османов, серебристого карася и многих других рыб.

Какая же судьба поденочек, отправившихся путешествовать с нами, доберутся ли они до синего Балхаша? Впрочем, озеро не столь уж далеко от дороги и изумрудные полоски воды часто показываются между угрюмыми коричневыми холмами.

Остальным поденочкам не повезло.

На горизонте показалась темно-серая, почти черная полоска, отороченная сверху косматыми серыми тучами. Она быстро росла. Свинцовая мгла быстро надвигалась. Это был какой-то хаос черно-синих, бугристых с седыми клочьями громад. Вскоре мы въехали в густую темноту, будто залезли в пещеру. Поднявшийся ветер погнал навстречу тучи пыли. Затем в окна машины ударили крупные капли дождя, и через

минуту все закрылось потоками воды, ринувшимися на землю с неба. Сухая пустыня стала неузнаваемой. По склонам холмов понеслись ручьи, по ранее сухим ложбинам потекли бурные грязные потоки, низины между холмами стали превращаться в озера. Вскоре наш путь пересек большой мутный поток. Ехать дальше было бессмысленно. Пришлось стать прямо на дороге. Свернуть с нее в сторону было невозможно. Ранее твердая, покрытая с поверхности слоем щебня, почва пустыни стала топкой, как болото.

Через час дождь затих, чуть посветлело небо. Но бурный поток по-прежнему стремительно мчался куда-то в сторону озера. Я выглянул из машины. Кузов ее сиял чистотой. Ни поденочек, ни личинок жуков на нем уже не было. Все смыл ливень.

НА ПОЛЬЗУ ВРАГА СВОЕГО

— Посмотрите, какого я принес вам жука,— говорит мне мой спутник по поездке, развязывая мокрую тряпочку.

Мне не особенно хочется разглядывать находку. После изнурительного жаркого дня в тугаях запели соловьи, один устроился совсем рядом с нашим биваком, и я только что собрался записать его пение на магнитофон. К тому же скоройдет солнце, станет влажнее воздух, громче зашумит река. Чилик и охота за голосами станет невозможной.

— И что бы, вы думаете, он делал,— продолжает он рассказывать,— полз по дну проточки. Я сперва решил — водолюб. Но присмотрелся, оказался жужелицей. Теперь же вижу — чернотелка.

Чернотелка — завзятый обитатель пустыни и в воде! Что-то необычное заметил мой спутник. Надо оторваться от начатого дела, взглянуть. В мокрой тряпочке, действительно, самый обыкновенный жук-чернотелка бляис размахивает усиками, потревоженный, приподнялся на ногах, задрал кверху брюшко, застыл в угрожающей позе, как будто намереваясь выпустить каплю дурно пахнущей жидкости.

— Странно,— замечаю я.— Что в воде делать этому пустыннику? Он и плавать не умеет. А впрочем, если бы и попал в воду, то его понесло бы течением поверху. А тут по дну. Уж не случилась ли с ним какая-то история. Пойдем посмотрим, что он будет делать в этой проточке.

Полянка, на которой расположен наш бивак, со всех сторон заросла густыми ивами, облепихой и джигой. Одним краем она подходит к тихой проточке. Ее прозрачная вода

идет из родника, не то что в реке Чилик. Тот бушует от нас недалеко, молочно-белый, напоен талыми ледниковыми водами. На эту проточку мы, ошалелые от жары, наведывались за день по многу раз, то за водой, то ради того, чтобы искупаться.

Я кладу жука на воду. Он не тонет, плавает, его вот-вот унесет в непроходимые заросли водных растений, через которые струится проточка. Тогда я устраиваю его на едва выступающий из воды камешек. Жук цепляется за него ногами, потом (вот диво!) опускает голову в воду, ползет по камешку вниз и вскоре весь в воде, будто водолаз. И вытаскиваю жука обратно.

— И чего тебе здесь понадобилось, сухопутному жителю? — удивляется мой спутник.

Посмотрим, что жук будет делать в воде еще раз.

Ему будто только и надо окунуться в проточку. Снова залез в воду, побрел по дну, цепляясь за подводные предметы, тихо вышагивает. Тоже аквалангист нашелся!

— Уж не от жары ли жук сюда забрался? Почему бы ему не искупаться в прохладной водичке. Наверное, пережарился в пустыне! — продолжает удивляться мой спутник.

Но подводное купание нашего странного жука затягивается на неопределенное время. У моего коллеги истощилось терпение, и он, не торопясь, направляется к биваку. И тогда я замечаю, что с жуком происходят странные вещи. Вначале он испражняется мелкой кашицей, легко уносимой водой. Потом из его кишечника показывается темный и слегка блестящий цилиндр. Он растет с каждой секундой, и вот торчит кусок червя около двух сантиметров.

Теперь мы заинтригованы, склонились над проточкой, заглядываясь. Проходит еще несколько секунд, и червь уже высунился на несколько сантиметров, ерзает во все стороны, зацепился концом за подводную веточку и ловко закрутился за нее несколькими колечками.

Так вот откуда странная любовь нашей чернотелки к водным процедурам! В ее теле обосновался враг, круглый червь. Он забрался в него или яичком, или крохотной личинкой, вырос, стал дылдой и теперь, извольте удивляться, заставил жука бросить пустыню и отправиться в тугай на поиски воды, в которую обязательно должна попасть эта странная длиннота.

Подобных червей нередко можно увидеть в пресной проточной воде. В народе за их сходство с волосом называют «волосатиками». Такое же название дали им ученые. Кое-где

верят в легенду, что конский волос, попавший в воду, оживает и превращается вот в такого червя. Червь относится к семейству гордиацеа. Представители этого семейства паразитируют в насекомых. Для дальнейшего развития выросший и ставший взрослым червь должен попасть в воду. Здесь он дозревает, откладывает яички. Личинки, выйдя из яичек, внедряются в тело водных насекомых. Затем развитие происходит лишь тогда, когда это насекомое будет съедено каким-либо сухопутным насекомым.

Наша чернотелка могла заразиться, проглотив поденку или ветвистоусого комарика. После брачного лета их занесло в пустыню из поймы реки Чилик. Но это только одни предположения. У многих паразитических червей очень сложный цикл развития со сменой хозяев, порядок смены которых всегда строго однообразен. К своим жертвам паразит приспособился в течение многих тысячелетий и всякое отступление от принятых традиций грозит гибелью. Ученым нелегко распутывать секреты подобных паразитических червей, у многих из них до сих пор не раскрыт этот заколдованный круг.

Интересно, что будет дальше с нашим пленником, послушно исполняющим волю и незримые приказы червя. Я боюсь потерять и червя, и чернотелку, их легко может унести течение и поэтому я сажу обоих в кастрюлю с водой. Теперь на биваке мы можем спокойно наблюдать за ходом всей трагедии.

Но с червем происходит что-то неладное. Быть может, алюминиевая кастрюлька ему не по душе, в ней нет течения воды или еще что-либо не хватает до естественной обстановки, запрограммированной предками в его примитивных нервных клетках. Он не желает выползать из тела жука. Чернотелка же не намерена прощаться с водным образом жизни, размахивает под водой усиками, иногда, будто напуганная нашим чрезмерным вниманием, становится «зениткой». Нарушив золотое правило нейтралитета натуралиста-любителя, осторожно схватив пальцами жука, я другой рукой пытаюсь извлечь глисту. Ее холодное извивающееся тело внушает отвращение. Но она держится на редкость прочно. Придется оставить попытки оказания помощи страдающему насекомому и смотреть, что будет дальше...

— Не напрасно чернотелка забралась в воду, — рассуждает мой спутник, — она так лечится, избавляется от паразита, иначе ей, бедняжке, пельзя. Умная бестия.

Проходит полчаса. Нам надоело сидеть возле кастрюльки с водой, но я терплю, жду конца.

Он должен наступить. И будто вознаграждая мое терпение, неожиданно, извиваясь во все стороны, червь энергично выбирается из своего живого домика. Давно пора! Его ждут новая жизнь, новые приключения. Вот он уже стал около десяти сантиметров длины, набрал все двадцать. Да какой же он длинный: показалось еще пять сантиметров, круглый червь отвалился, плавает в воде, сворачивается спирально, как пружина, разворачивается энергично, быстро, будто куда-то страшно торопится. Ему, видимо, полагается поскорее уйти с места трагедии, оставить наедине своего хозяина. Вдруг тот вздумает с ним расквитаться, погрызет челюстями.

Но бедная чернотелка! Она лежит в воде кверху ногами, недвижима, беспомощна, и если бы она желала отомстить врагу, то не в силах этого сделать. Вероятно, она уже мертва. Я вытаскиваю ее из кастрюли, кладу на пенек. Едва заметное дрожание усиков говорит за то, что жизнь еще теплится в ее теле.

Мой спутник сочувствует пострадавшему насекомому, поворачивает его, ставит на ноги, кладет на солнышко, хотя я и прошу оставить жука в покое, чтобы было все, как положено в природе, близко к естественному ходу дела. Жук, из которого выполз такой большой паразит, поразил его воображение. То ли солнечная ванна, то ли сказываются приложенные заботы, жук начинает вначале размахивать ногами, затем движения его становятся еще более быстрыми. Он очнулся, но стоять на ногах не может. Еще бы! Вои такая машина вышла из его тела. Уж, наверное, червь сидел там не просто в кишечнике, а питался телом, каким-то образом еще влиял на нервную систему жука, заставляя его делать то, что надо ради своего блага. Какое коварство!

Проходит еще немного времени и жук, хотя и шатаясь, но уже стоит на ногах, чистит усики и слабой походкой пытается уползти от страшного места.

Глисту я закинул в баночку со спиртом, а жука мы устроили в просторную банку, кладем ему свежую траву, кусочек белого хлеба, смоченный разведенным консервированным молоком. Потом везем его, неудачника, с собой в город. Дома он ползает по стенкам баночки, настойчиво стремится кверху, может быть, ему кажется, будто из тугаев он ползет к себе в пустыню к родным выгоревшим холмам, облитым горячими солнечными лучами. Он энергичен и будто ничего не говорит о произошедшей с ним трагедии. Я удивляюсь живучести жука.

Но на следующий день жук мертв. Что-то случилось с его телом. Едва я притрагиваюсь к чернотелке, как от нее отваливается голова, усики, ноги. Служение врагу не прошло даром.

НЕВИДИМЫЕ ДРУЗЬЯ

Что-то случилось с тугаем в низовьях реки Тургень. Пришлось выключить зажигание. Треск мотоцикла прекратился, сразу стало тихо. Я всматриваюсь в деревья. Какой-то необычный стал тугай. Раньше таким он не был. Вот серебристый лох с черными стволами. Вместо ив же стоят красные, будто опаленные огнем, деревья. Они выделяются среди сочной зелени начала лета, будто тронутые дыханием осени. Нет, тут осень ни при чем. До нее еще далеко.

Недалеко рощица густых высоких тополей. Темно-зеленые вершины деревьев выделяются над тугаями и хорошо заметны издали на все урочище Карачингиль. В рощице кордон. Это самый тенистый уголок в здешних местах. В жаркий день там всегда царят полумрак и прохлада. Но сейчас рощицу тоже не узнать. Деревья снизу до половины прозрачны, а их странные пепельного цвета листья просвечивают насквозь. На чисто подметенной земле уже нет той густой тени и солнце играет бликами.

— Все тополя пожег черный червь, — жалуется жена егеря. — Ивы, те совсем красные. Шагу ступить нельзя. Всюду ползают твари. Ничего во дворе не поставишь, все запакостят.

— Куры не едят, — добавляет ее сын Володя, — мураши не трогают, рыба на него не клюет. А если какой упадет в воду, схватят и выплюнут!

Черный червь — личинка небольшого сине-фиолетового жука — тополевого листогрыза. Это опасный вредитель. Иногда он размножается в массе и приносит большой урон. Почему многие годы не видно этого жука и вдруг сразу происходит внезапная напасть?

Я смотрю на деревья и всюду вижу толстых, черных в мелких бугорках личинок. Они сидят на листьях, поблескивая небольшими черными головками, неторопливо скребут зеленую сочную мякоть, будто умышленно выставляют себя напоказ в такой заметной на сверкающем южном солнце черной одежде. Кого им бояться! Попробуйте прикоснуться. Мгновенно на шишечках, покрывающих тело, появятся янтарно-желтые капельки жидкости. Они неприятно пахнут,

ядовиты. Ни птицы, ни рыбы, ни даже лягушки, никто не желает есть противных личинок.

Личинки грызут листья не как попало, а по особым правилам. Все жилки листа, и крупные, и самые мелкие, они не трогают. Прожорам нужна только мякоть. Если личинка сидит сверху листа, она оставляет целой прозрачную кожицу нижней стороны и наоборот. Личинок масса. Всюду чернеют их массивные тела. Зеленая ткань съедена почти полностью и от листа остается тончайший узор причудливо переплетающихся жилок. Лишь кое-где сбоку торчат оставшиеся петронутыми зеленые кусочки. Деревья сильно страдают от своего многочисленного недруга и будто с печалью трепещут листиками-скелетиками.

А черные личинки — громадная многомиллионная армия — неумоимо грызут и грызут... Под деревьями теперь неприятно стоять. Сверху беспрестанно сыплется дождь сухих черных испражнений, похожих на короткие обрезки черных ниточек. Вся поверхность воды тихой речки покрыта ими. На больных деревьях не слышно щебета птиц. Они покинули этот зачумленный очаг с противными черными червячками. Здесь, наверное, все животные знают, кто они такие...

— Что делать? — беспокоится егерь. — Вызвать из города машины, опрыскать тугай ядом — можно потравить птиц, рыб.

А личинки растут с каждым днем, толстеют. Скоро им пора превращаться в куколок. Потом из них выйдут черно-синие жуки.

Сейчас только начало лета и листогрызы завершают развитие первого поколения. Что же будет дальше? Каждая самка оставит после себя не менее двух-трех сотен яиц. Из них выйдет еще более многочисленная армия вредителей. Что тогда ожидает тополевою рощу и зеленые тугаи? Второе поколение противных личинок погубит все, что только будут способны осилить крохотные острые челюсти. А третье поколение? В жарком климате Средней Азии успевают тоже развиваться.

Проходит несколько дней. Сегодня небо покрылось серой пеленой беспорядочных облаков, далекие синие горы исчезли за темной стеной, солнце исчезло, его ослепительные лучи не в силах пробиться на землю, жары как не бывало, прохладно, дует ветерок. К вечеру он усиливается, и я вижу необычное: над тихой речкой раздаются беспрестанные тихие вслески и как от крупных капель дождя расходятся по воде в стороны ровные кружочки. Это с больных красных ив падают в воду черные личинки.

Что же делается в тополевой рощице? Вся земля усыпана черными личинками, по ней неприятно идти, некуда ступить ногой. Личинки вяло ползут по всем направлениям, кучками собираются у стволов деревьев, у стены летней кухни, возле фундамента домика кордона. Им чужда земля — они всеми силами стараются уйти от нее повыше, в родную стихию шумной зеленой листвы. Многие пытаются подняться выше, но падают. Силы оставляют их и даже самые крупные не способны забраться наверх.

На кордоне же объявлен аврал. Вся семья егеря вооружилась метлами, сметает в кучу черных «червей», обливает бензином, жжет их. Теперь легко отомстить за искалеченные тополя.

Еще два дня падают на землю и в речку личинки. А те немногие, что остались наверху, едва живы, неподвижны. На третий день прожорливая и недосыгаемая в своей безнаказанности армия противника уничтожена, исчезла, оставив как память своего нашествия прозрачную листву. Какая-то болезнь исподволь подобралась к ним и подкосила всех сразу. И этой болезни помогла пасмурная погода.

Что это за болезнь, какие крохотные бактерии оказались нашими невидимыми друзьями, можно ли их воспитывать в лаборатории, размножать и использовать против врагов-насекомых вместо дорогих и опасных ядов, изобретенных человеком?

В природе, такой неизмеримо богатой разнообразием живых существ, издревле установилось слегка колебавое равновесие. И каждый, будь это растение или животное, взаимно сдерживает друг друга в определенных рамках благополучия. Но иногда что-то происходит с этими незримыми связями, один или несколько противников почему-то ослабевают и тогда угнетенный, воспрянув, набирает силу, вспыхивает пожар — массовое размножение. Голодные орды губят, разоряют, притесняют соседей. Но ненадолго. Действие вызывает противодействие. Пожар затухает и потом не остается от него следа.

Все описанное произошло летом 1964 года в Карачингильском охотничьем хозяйстве в ста километрах от города Алма-Аты.

ПОСЛЕ НАВОДНЕНИЯ

В то время, как в пустыне полыхает жара, на реке Или благодать: песчаные отмели, мелкие проточки, желтая вода, отблескивающая синевой неба, дальние сиреневые горы Чу-

лак и прохлада. На небе сияет солнце, тишина властвует над рекой, природа будто уснула и черные вороны на песчаных косах тоже заснули, не шевельнутся. Недавно после очень жаркой погоды с далеких снежных горных вершин пришла большая вода, затопила косы и песчаные острова, и ничего от них не осталось. Лишь кое-где над мутной рекой вздрагивают тоненькие зеленые вершинки ив. Но к середине августа наступил едва заметный перелом, стали прохладней ночи, ослабла жара, вода отступила, обнажила песчаные острова, покрытые подводной рябью. В такое время на илистых берегах масса следов. Важно и не торопясь отпечатала кресты лап серая цапля. Нашлепала по грязи ногами и начертила хвостом ондатра. Крошечные ножки трясогузки все испещрили узорами. И многое другое написано на иле, всего не перечтешь.

Маленькая проточка между песчаными островами уже стала подмывать бережок, сделала его уступчиком. На краю уступчика возле чьей-то норки лежат крохотные круглые катышки. Строитель то ли отбрасывал их, то ли отпосил в сторону подальше от своего подземного убежища.

Таких норок немало. Всюду они. Только разные: маленькие — с комочком земли, как пшеничное зернышко, у входа, и большие — с комочками, как горох. У иных комочки почвы лежат возле самой норы, у других отброшены едва ли не на полметра во все стороны.

Первое, о чем спрашиваешь себя, когда встречаешь незнакомую норку, кому она принадлежит, кто ее хозяин? Ответ можно получить только с помощью раскопок. Маленькая лопаточка всегда лежит в специальном карманчике полевой сумки.

Влажный песок рыть — удовольствие. Лопатка легко вонзается, норка не засыпается. Сейчас в ней обнаружится что-нибудь, неизвестное и, конечно, очень интересное. Впрочем, лучше никогда не тестить себя заранее большими надеждами. Во всех норках все одно и то же: длинные уродливые с большим горбом на спине личинки жуков-скакунов.

Почему же личинки поселились на мокрой косе? Ведь она только что освободилась из-под воды. Неужели они почувствовали, что лето пошло на убыль, пришел конец половодью, ледникам в горах уже не таять, и воде в реке не прибывать. Какая замечательная, необыкновенно сложная, с нашей человеческой точки зрения, способность угадывать жизнь реки и смену времени года. Способность усовершенствованная, отработанная и отшлифованная многими миллионами лет жизни. Личинки скакунов — любители чистого и слегка влажно-

го песка — в предвидении того, что вода уйдет, заняли мокрые косы. На них будут отличные охотничьи угодья. Я с интересом разглядываю маленькое причудливо изогнутое тельце с длинными челюстями и широкой лопаткой на голове. Сколько в этих крошечных созданиях безотчетной мудрости органического мира!

Шлепая босыми ногами по мокрому песку, я возвращаюсь на бивак, насвистывая веселую песенку. На душе всегда радостно, когда не зря прошло время и попалось такое, о чем есть смысл рассказать. Вот и конец песчаным косам, за поворотом, на берегу старой узкой проточки, под зарослями лоха наш бивак. Теперь осталось поднять над головой полевую сумку и фотоаппарат, перейти через воду на другой берег. В это мгновение из дальних тайников опыта натуралиста выплывает сомнение.

— Почему на мокром песке к норкам нигде не было следов личинок жуков? — спрашиваю я себя. — Ведь хозяева норок должны были откуда-то придти. Да и в умении ли предсказывать уровень воды в реке дело?

За первым вопросом следует простая отгадка, и все становится обыденным и будничным.

Личинки жуков-скакунов и раньше жили на этих косах до большой воды. Когда же их затопило, они отлично пережили под водой десяток дней в своих норках, используя ничтожно маленькие пузырьки воздуха, а теперь откопались!

Как часто в жизни красивые догадки губятся безобразными, но правдивыми фактами. Хотя, впрочем, маленький секрет жизни личинок все равно интересен.

РОДИНА ПАУЧАТ

Прикрыв ладонью глаза от яркого солнца, Алексей всматривается в горы.

— Через день быть паводку, — говорит он.

А там, над синей стеной далеких гор с белыми полосками снежников и ледников, повисли громадные тучи. Они теснятся одна над другой пушистыми лохмами, поднимаются вверх, темнеют с каждой минутой. Иногда вспышки молнии освещают это хаотическое нагромождение воздушных замков. Высоко в горах идет гроза.

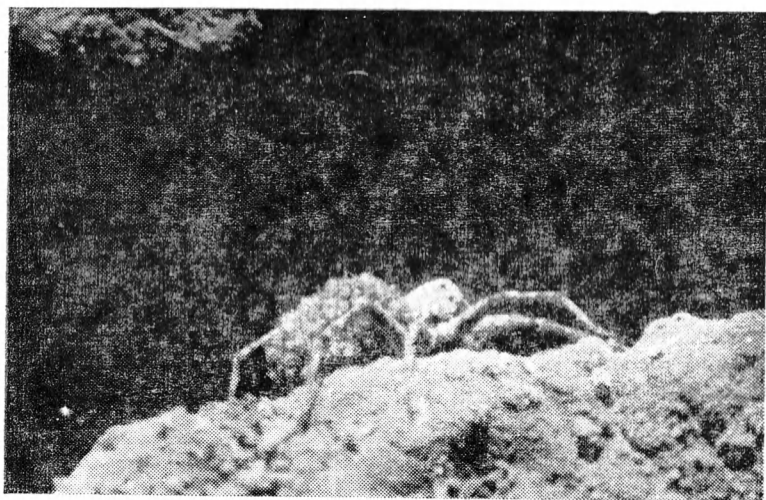
— Через день наша речка выйдет из берегов и зальет полянки, — добавляет уверенно Алексей.

К вечеру космы облаков добрались и до тугаев пустыни, и редкие капли дождя упали на землю. А горы совсем исчезли

за темной пеленой. Через день, как предсказывал егерь кордона, речку было не узнать. Мутная вода пенилась, кружилась водоворотами, несла мусор, кусты, обломки деревьев. Полянка среди развесистого лоха, на которой мы так любили отдыхать, закрылась водой. Когда же она освободилась, трава на ней исчезла. Голая глина покрыла ее толстым слоем. Все живое сгнуло из этого места.

Прошло еще несколько дней. Речка стада все той же тихой и маленькой, скрытой зарослями кустарников и трав. Глинистая полянка подсохла и покрылась глубокими трещинами. Случайно навестив ее, я удивился: ее уже заселили тугайные жители: серые пауки-ликозы облюбовали и заполнили ее. Они забрались в глубокие трещины и там, в темноте и сырости, стали выплетать коконы, класть в них яички. Ну чем не отличное укрытие для такого ответственного дела!

Сплести кокон, отложить в него яички — только поддела. Чтобы из яичек вышли паучата, необходимо еще и тепло. И как можно больше! И похудевшие паучихи сидят на солнце возле трещин. Местами их много. Они выстраиваются рядками, шеренгой, как на параде, повернув коконы к солнцу. Неукоснимые разбойники, они не обращают друг на друга ни малейшего внимания. Хищнические наклонности и распри забыты. Все инстинкты подавлены ради главного — воспитания детей.

Многочисленные паучата взгромоздились на свою мать
и приготовились к путешествию.

Я боюсь пошевелиться, тихо сижу возле пауков, обремененных потомством. Раздается далекий топот лошади, и пауков, как не бывало. Все спрятались. Проходит минута, из трещины показываются сперва серые ноги, за ними сверкающие фонарики круглых крупных глаз, потом весь паук с коконом. В стороне по дороге прогудел грузовик. И снова все мигом скрылись в спасительное убежище. У меня затекли ноги. Легкий поворот на походном стульчике, и армия осторожных мамаш вновь, будто по команде, исчезает. Как они чувствительны к сотрясению почвы, как зорки и осторожны! Каждая мать дорожит не своей жизнью. В коконе в желтых прозрачных яичках развиваются паучата. Скоро они покажутся наружу.

Проходит еще несколько дней, и на глинистой полянке уже появились счастливые матери. Они неузнаваемы. Все тело их покрыто массой крохотных копошащихся паучат и похоже на какую-то бугристую шишку. Теперь не нужна трещинка. Паучихи отправляются путешествовать и скоро разбрасывают своих детей в джунглях трав и кустарников. Но на смену исчезнувшим появляются другие пауки и тоже принимают готовить коконы.

Проходит месяц. Глинистая полянка немного подсохла и трещины на ней стали глубже, извилистей. По-прежнему возле них сидят паучки-мамаши и греют на солнце коконы. Еще по ней бегают сильно подросшее потомство — множество маленьких паучков. Не за ними ли ради поживы забираются в трещинки черные как смоль сверчки, а в одном месте из паучьего притона выглянул маленький пузатый жабенек.

Трудно понять, что здесь на голом месте нужно паучкам. Я беру зеркальце и освещаю солнечным зайчиком темные закоулки. Оказывается, они здесь не зря, у них есть важные дела, они приходят сюда ради того, чтобы сбросить свою ставшую тесной рубашку. Линочные шкурки их всюду в укромных местах. Кто знает, может быть, это те самые паучки, которые родились здесь в коконах, заботливо опекаемые осторожными матерями, и впервые в своей крохотной жизни увидели на этом месте и голубое небо, и зеленые травы, и глинистую площадку, покрытую глубокими трещинами.

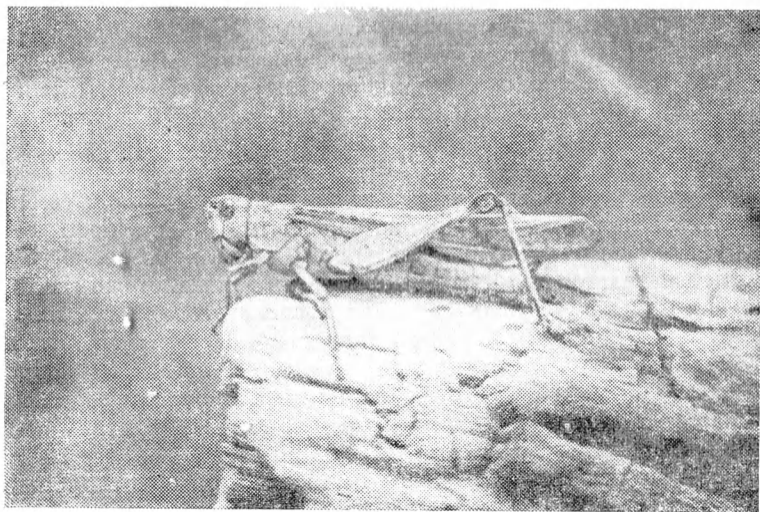
СЕКРЕТЫ МАЛЕНЬКОЙ ЛЕТУНЬИ

Кобылка-летунья принадлежит к роду Аиолопус, в котором сейчас для нашей страны известно пять видов. Летунья, с которой я познакомился, называлась Аиолопус оксианус.

Впервые я встретился с нею в урочище Бартагой едва ли не двадцать лет тому назад в счастливую пору смелых далеких путешествий по пустыням на мотоцикле. Счастливую потому, что после велосипеда моторизованный транспорт казался верхом совершенства.

В знойный осенний день мы сбежали из пустынной Сюгагинской равнины в тугай реки Чилик и здесь возле бурной протоки нашли глубокую тень в зарослях лоха, ив и лавровлистного тополя. С одной стороны бивака располагалась галечниковая отмель, слегка заросшая курчавкой. Она сверкала под солнцем и казалась разлившимся по земле раскаленным металлом.

Иногда, набравшись решимости, я выбирался из-под тени деревьев и бродил по отмели, испытывая ощущение жара от печи для плавки металла. Отсюда среди блеска солнечных лучей тенистые заросли казались совсем черными. На галечниковой отмели жили самые разнообразные кобылки. Они скрипели на своих музыкальных инструментах, верещали на разные голоса, поднимаясь в воздух, трещали разноцветными крыльями, прыгали во все стороны из-под ног. Жара для них была благодатью. Они уживались с ю, справляя праздник веселья, жизнерадостности и благополучия. Их чувства были обострены, а тело, разогретое солнцем, испытывало прилив сил и здоровья.

Еще мгновение и кобылка унесется прочь.

Тогда еще слабо знакомый с ними я с интересом присматривался к этим созданиям пустыни, забывая о нестерпимом зное, палящих лучах солнца и раскаленной земле.

Из множества кобылок мне особенно хорошо запомнилась летунья. Она была не такая как все, всегда молчала, а потревоженная легко взлетала кверху и, грациозно лавируя в воздухе, уносилась далеко от опасности. Очень часто, и это казалось необычным, она, срываясь с земли при моем приближении, садилась на деревья, исчезая среди ее листвы.

— Почему кобылки-летуньи садятся на деревьях? — спрашивал я специалистов по прямокрылым¹.

— Не знаем! — отвечали мне. — Далеко не все в природе обязательно должно иметь свою причину и объяснение.

— Отчего же летуньи, как пишется в руководствах, обитают по берегам рек и озер? — допытывался я.

— Тоже не знаем! Очевидно, такова исторически обусловленная привязанность ее к этой обстановке жизни.

В общем, маленькая кобылка-летунья не желала раскрывать свои секреты и вскоре забылась.

Зима 1969 года выдалась необыкновенно богатой снегами, а лето — дождями. В это время, проезжая через Сюгатинскую равнину, я повернул машину к урочищу Бартагой, но пробраться к излюбленному месту не смог. Здесь все преобразилось до неузнаваемости: река неожиданно изменила свое русло, бросилась на тугай и, разлившись по ним, понеслась многочисленными протоками. Странно было видеть погруженные в воду великаны-тополя, ивовые и облепиховые рощицы. Осторожно ощупывая впереди себя посохом дно, я бродил по колено в воде, пытаясь пробраться к домику егеря. Пройти глубже было опасно: сильное течение могло легко сбить с ног.

Домик егеря оказался пустым, окруженным водой: его покинули. Выбираясь на сухие каменистые склоны, я неожиданно увидел мою старую знакомую — кобылку-летунью. Она беспечно взлетела с задетой мною ветки дерева, ловко спланировала над водой среди зарослей и снова угнездилась на дереве. Этот короткий перелет сразу открыл секреты кобылки, и невольно подумалось: куда же делись все остальные кобылки, которые скрипели в этих местах до паводка на своих музыкальных инструментах, верещали на разные голоса, прыгали и разлетались во все стороны из-под ног? Их всех смыли бурные потоки, они все погибли или рассеялись в стороны и

¹ Прямокрылые — отряд насекомых, в который входят кобылки, кузнечики, сверчки, медведки и триперстки.

только одна молчаливая и скромно окрашенная летунья осталась на своем месте жива, весела, энергична. Ей хоть бы что, она умеет спастись на деревьях и на них пережить губительные для других наводнения.

Через месяц я снова встретился с кобылкой-летуньей, но уже в тугаях реки Или. Недавно спал паводок, поднялись над водой косы, освободились заросли трав и кустарников. Среди деревьев кое-где остались мелкие озера и в них медленно погибали оказавшиеся в плену рыбы.

В тугаях всюду встречались только одни кобылки-летуны. Нигде не было слышно стрекотания столь обычных для зарослей трав кобылок хортиппусов, скаларисов и многих других. Потревоженные кобылки-летуны вылетали из зарослей на широкие мелководные протоки и, такие ловкие, не желая лететь через воду, заворачивали обратно к берегу. Иногда они перелетали свободно и легко на другой берег. Прекрасные аэронавты, они оказались весьма посредственными пловцами: в воде намокали, простирая впереди передние ноги, отчаянно гребли задними и средними ногами, но быстро уставали и, предаваясь отдыху, отдавали себя во власть течения. Они плавали так же, как и другие, не лучше и не хуже. К чему летунье это искусство, если в наводнение она прекрасно летает между деревьями и находит на них приют.

Поэтому кобылки-летуны и живут возле ручьев, озер и рек и садятся на деревья, привыкли испокон веков, приспособились к такому образу жизни, унаследованному от далеких предков, хотя сильные и губительные паводки редки.

СОН НА ВОДЕ

В скалистых горах Ботугы протекал небольшой ключик. Близ него располагались заросли колючего кустарника чингиля, а у самой воды теснились развесистые ивы. Ключик назывался Чингильсу. Возле него всегда останавливались путники утолить жажду, набрать запас чистой и прохладной воды. Из жаркой и сухой пустыни к ключику пробирались на водопой ящерицы, змеи, лисы, волки и даже осторожные джейраны; кто днем, не скрываясь, а кто ночью. Зимой же возле ключика стояло несколько юрт и пасся скот.

Но этой весной на ключике был устроен пункт стрижки овец, масса скота толпилась в ожидании, когда его обрабатывают, и к наступлению лета вся местность стала неузнаваема. Редкая трава была съедена, кустики обглоданы, оголенная земля покрыта пометом животных, а вокруг ключика валя-

лись консервные банки, пустые бутылки, грязная бумага, тряпки, поношенная обувь и прочий хлам. Вокруг же царила угрюмая тишина. Казалось, все живое навсегда исчезло из этого когда-то оживленного уголка пустыни.

Я заглянул к ключику по пути по старой привычке, проезжая мимо гор Богуты. Картина запустения была столь непривлекательна, что не хотелось подходить к тому месту, где вода выбивалась из-под земли и тихо журча струилась вниз. Взглянув мельком на ключик, я повернулся, чтобы идти к машине и продолжать путь. Но на самой середине ключика виднелось темное пятно. То были жуки-вертячки. Они сплотились тесной и неподвижной кучкой.

Кому не встречались эти неугомонные насекомые. Они стремительно носятся по воде, совершая замысловатые зигзаги и неожиданные повороты. Путь каждого насекомого напоминает собой витиеватую роспись, и поэтому не зря в народе их прозвали «писариками». Сейчас же их поведение было необычным.

Вертячки — оригинальные насекомые. Они всегда держатся компанией и, наверное, у них, как общественных насекомых, есть немало всяких сложностей жизни: и разделение обязанностей, и взаимопомощь, и сигнализация, и многое другое. Несмотря на быстрые, почти молниеносные и кажущиеся беспорядочными совместные движения, эти жучки никогда не сталкиваются друг с другом. Очевидно, у них развит какой-то очень совершенный и таинственный механизм локации. Вот бы разгадать его!

Интересно у вертячек устроено и тело. Обтекаемой формы, гладкое, будто полированное с особенными конечностями — веслами. Кстати, неплохо бы изучить эти весла, так ловко отталкивающиеся от воды. Принципы их эффективной работы, наверное, таит в себе новое и тоже интересное для науки и техники. Очень забавные у вертячек глаза. Они как бы сдвоенные, двухэтажные. Нижние глаза смотрят под воду, верхние — над водой.

Все вертячки питаются мелкими водными насекомыми. Личинки их живут в воде и тоже хищницы. Известно около полутысячи видов этих насекомых, образующих самостоятельное семейство отряда жуков.

И вот теперь я вижу этих обитателей воды смиренными, неподвижными, совсем необыкновенными. Никогда в жизни не приходилось встречать таких вертячек. Неужели с жуками что-то произошло и они погибли?

Два-три шага в сторону ключика, и все изменилось. Вер-

тяжки вострепнулись, куда делся их сон, и закрутились по воде в бешеной пляске.

Что же было с ними раньше?

Видимо, у всеми покинутого ручья наступила такая тихая жизнь, что вертячки временами стали предаваться безмятежному сну. Им некого стало бояться, никто им не угрожал, в ручье они остались почти одни. Быстрые же движения по воде, кроме всего прочего, отлично защищали вертячек от всяческих врагов. Попробуйте-ка поймать шустрого жучка, подвижного, как капелька ртути.

Мне захотелось сфотографировать вертячек. Раньше они никогда не выходили четко, так как не желали позировать. А тут представлялся такой редкий случай. Я сел у ключика и затаился. Вертячки отбежали от меня к противоположному берегу, успокоились, затихли, почти замерли. Лишь несколько непутевых легко и плавно скользили между всеми, как обычно, ни к кому не притрагиваясь и никого не задевая.

Но это было только видимое спокойствие. Едва мне стоило приподняться, слегка шевельнуть рукой, как вся компания мгновенно принималась за свою неистовую пляску. И как они хорошо меня видели!

Жуки-вертячки заснули на воде дружной стайкой.

Так и не удалось заснять спящих вертячек. Уж очень у них были зоркие верхние глаза. Да, наверное, и нижние им нисколько не уступали.

Через два месяца я снова побывал у ключика. Стояла осень: Пустыня казалась еще более безжизненной. Ключик опустел, а по поверхности воды носилась только одна-единственная вертячка. Куда делись остальные? То ли погибли, отложив яички, то ли перебрались в другие места.

ТРИПЕРСТКИ-ПРЫГУНЧИКИ

На влажных песчаных отмелях, по берегам рек и проточек, в тугаях, приглядевшись, всюду можно заметить небольших, около пяти-шести миллиметров, темных насекомых. Они похожи на кобылок и на медведок. Такое же продолговатое тело, округлая головка, короткие усики, мощные прыгательные ноги. Это — триперстки. Такое название они получили за три длинных щетинки на лапках задних ног. Вместе с кобылками, кузнечиками и сверчками триперстки образуют отряд прямокрылых насекомых.

Триперсток мало видов. В нашей стране известен только один род с несколькими видами. Все они живут по берегам водоемов, хорошо прыгают, плавают, роются в земле, питаются растениями. Образ их жизни плохо изучен.

В урочище Бартагой у тихой проточки среди зарослей ив, лавролистного тополя, где мы остановились после путешествия по жаркой пустыне, оказалось много триперсток. Едва мы постелили на землю тент, как добрый десяток этих грациозных насекомых уселся на него и застыл, будто ожидая дальнейших событий. Они были очень зоркими, эти малышки. Стоило только приблизиться к одной из них, протянуть к ней руку, как мгновенно срабатывали мощные задние ножки и триперстка пулей уносилась в неизвестном направлении. Прыжок был очень стремительным и требовалась некоторая тренировка глаз, чтобы заметить, куда скрылось насекомое.

В среднем триперстка прыгала на высоту около полуметра, а описав траекторию, опускалась примерно в метре от прежнего места. Выходит, что она прыгала в высоту в сто раз длиннее своего тела, в длину же, около двухсот раз. Если бы человек обладал такими же способностями, то ему не стоило бы труда перепрыгивать через небоскребы высотой в двести метров, а для того, чтобы преодолеть расстояние в один километр, понадобилось бы всего два прыжка.

Раздумывая о триперстках и заставляя их прыгать на тенте, я неожиданно увидал одну из них, случайно забравшуюся в эмалированную миску. Она пыталась выбраться из неожиданного плена, но каждый раз безнадежно скользила ножками и скатывалась обратно.

Терпение у триперстки оказалось отменным. Попытки вызволения из заколдованного места следовали одна за другой. Казалось, что насекомое попало в безвыходное положение, хотя и не потеряло присутствия духа. Но почему же она, такая прыгучая, не могла воспользоваться своими волшебными задними ножками?

Я поднес триперстке палец. Осторожная и бдительная триперстка мгновенно спружинила тельце, щелкнула своим безотказным приборчиком, легко и грациозно поднялась в воздух и исчезла из глаз.

Вот какая забавная! Неужели сразу не могла догадаться. Или, быть может, она следовала строгой традиции, принятой в ее племени: прыгать полагалось только когда грозила опасность. Все остальное время надо было терпеливо ползать. Всегда не напрыгаешься! Для этого пужно немало энергии, а попусту кто же будет ее расходовать.

Жизнь животных строго подчинена закону всяческой экономии. Но, может быть, есть другое объяснение. В эмалированной миске скользящей триперстке могло казаться, что она успешно передвигается вперед, только уж слишком долго продолжалась эта белая и гладкая поверхность ее пути.

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Никто из нас не заметил, как на горизонте выросла темная тучка. Она быстро увеличилась, стала выше, коснулась солнца, заслонила его.

— Кончился жаркий день. Теперь немного отдохнем! — радовались мы.

— Но тучка не принесла облегчения. Жара сменилась духотой. Неподвижно застыл воздух, замерли туган, и запах цветущего лоха и чингиля стал как никогда густым и сильным. Прежде времени стали опускаться сумерки. Их будто ожидали солончаковые сверчки, они громким хором завели дружную песню. В небольшом болотце пробудились лягушки. Сперва нерешительно заквакали, потом закричали сразу истошными голосами на все туган, солончаки и песчаную пустыню. Соловьи замолкли — не выдержали шума, поднятого лягушками.

Откуда-то появились ухвертки. Где они такой массой раньше скрывались — неизвестно! Вскоре, задрав щипчики, они не спеша ползали во всех направлениях и казались очень озабоченными. Нудно занули комары.

Нас мучают сомнения. Что делать: устраиваться ли на ночь в палатке или, как всегда, стлать тент, растягивать полога и спать под открытым небом? Палатка наша мала и в ней душно. Если же ещё пристроить в ней полога — задохнешься.

— Рискнем! — решаем мы сообща. — Ляжем спать, как всегда, а палатку на всякий случай поставим. Не верится, что в такую сушь и вдруг дождь.

Стали быстро сгущаться сумерки. Загорелись звезды. Снаружи пологам бесновались комары, втыкая в тонкую ткань острые хоботки. Громко рывкнула в темени косуля. Зачуяла нас, испугалась. Ещё больше потемнело небо, звезды погасли одна за другой. Потом, сквозь сон я слышу, как шумят от ветра тугаи и о спальный мешок барабанят капли дождя.

Неприятно ночью выскакивать из постели, искать под дождем в темноте вещи, сворачивать спальный мешок и все это в охалке тащить в палатку. А дождь сильнее и сильнее и, если не спешить, все вымокнет.

Кое-как мы устраиваемся в тесной палатке. Капли дождя то забарабанят по её крыше, то стихнут. Сверчки испугались непогоды. Как им распевать нежными крыльями, если на них упадут капли дождя и повиснут бисеринками. Замолкли лягушки. Их пузыри-резонаторы, что вздуваются по бокам головы, так чувствительны к падающим каплям! Зато в наступившей тишине запели соловьи. Им дождь не помеха.

Сна же как не бывало. Надо себя заставить уснуть. Ведь завтра, как всегда, немало дел. Но как, если вдруг по спине проползла холодная ухвертка и больно ущипнула, на лоб упал сверчок, испугался и, оттолкнувшись сильными ногами, унесся в ночную темень. А комары! Как нудно и долго звенит то один, то другой, прежде чем сесть на голову и всадить в кожу острую иголочку. Можно закутаться, оставить один нос. Но ведь и он не железный!

И ещё неприятности. Палатка заполнилась легкими шорохами крыльев. Большие ночные бабочки бьются о её крышу, не могут найти выхода, садятся на потолок, падают на лицо, мечутся всюду. Что за наваждение, откуда их столько взялось!

Иногда на тело заползает крошечный муравей-тетрамориус и старательно впивается в кожу. Здесь недалеко от палатки

их жилище и хозяйева решительно отстаивают свою территорию.

Сколько неприятностей нам причиняют насекомые! Мы вздыхаем, ворочаемся с боку на бок. Ночь тянется томительно долго. Вереницей тянутся мысли. Плохо спать в поле без полога. Комары, муравьи, бабочки, ухвертки! Кстати, откуда такое название — ухвертки? Наверное, не случайно. Любители темени, они на ночь заползают спящим в ухо, за что и получили такое нелестное прозвище у многих народов. От них доставалось в далекой древности, когда приходилось спать на голой земле, где попало. Впрочем, ушной проход человека надежно защищен липкой желтой массой — ушной серой. Разумеется, у того, кто не слишком часто чистит свои уши. Это единственное, что природа дала человеку в защиту от насекомых.

Плохо без полога. Вчера на бивак приползла светлая в черных пятнах гадюка. Она недавно перелиняла и казалась очень нарядной в своем блестящем одеянии. Такой ничего не стоит пожаловать и в гости в открытую палатку. Хорошо ещё, что в тугаях не живут любители ночных путешествий — ядовитые пауки-каракурты, скорпионы и фаланги. Впрочем, каракуртам ещё не время бродяжничать, а фаланги не ядовиты. Но всё равно — неприятные посетители.

Ещё вспоминается. В 1897 году врач В. П. Засимович описал случай, когда в степях Казахстана крестьянин, ночевавший в поле, был наутро найден мертвым. В его одежде нашли полураздавленного каракурта, а на теле, кроме того, ещё сохранились следы от укуса змеи-щитомордника. Бывает же такое!

Во всем же виноваты мы сами. Надо быть наблюдательным. Не зря ещё с вечера так смело поползли всюду ухвертки — любители влажного воздуха. Все можно было устроить как полагается, подвесить тент над пологами и посетителями.

Мой товарищ помоложе и крепче первами. Его давно одолел сон. Он мерно похрапывает, счастливее, ничего не чувствует. Иногда чмокает, будто сляся что-то выплюнуть. Наверное, залетел ему в открытый рот комар или забралась ухвертка.

Когда же кончится ночь?

Через открытую дверь палатки я вижу, как сквозь темные ветки деревьев, посветлело небо. Подул ветер. Повесело прохладой. Перестали ныть комары. Ещё больше посветлело.

А утром я просыпаюсь от яркого света. По крыше палатки скользит ажурная тень лоха, веселые лучи солнца пробиваются сквозь ветки, освещают тугай. На потолке палатки красные от крови наши мучители комары, везде сидят большие коричневые бабочки — это темная земляная совка-спелотис равида. Прошедшей ночью они справляли брачный полет, и вот теперь на день забились кто куда. В укромных уголках в постели, под надувным матрасом, в ботинках, в одежде, всюду забрались ухвертки. Теперь они притихли, сникли, испугались жары, сухости и яркого солнца.

Когда же, собравшись в путь, мы заводим мотор, из-под машины, из всех ее щелей неожиданно одна за другой вылетают испуганные бабочки и ошеломленно уносятся в лес. Мы тоже причинили им неприятность.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
ПЕСЧАНАЯ ПУСТЫНЯ	4
На Поющей горе	5
Жучиные часы	8
Ветер, солнце и скарабей	10
Каракурт и песчаная пустыня	13
Кустик астрагала	14
Мусульманский обычай	17
Ответственное дело	18
Роза ветров	19
Страшная погибель	22
Хитрый ктырь	24
Холмики слепушонки	26
ЛЕССОВАЯ ПУСТЫНЯ	28
Грязнули	29
Желтый поток	31
Закон расселения	34
Ловчая яма	36
Наши защитники	38
Ночные пляски	39
Ноев ковчег	41
Странные обычаи	44
Суровая мокрица	46
КАМЕНИСТАЯ ПУСТЫНЯ	47
Высокое покровительство	48
Загадочная картинка	50
Клопная физзарядка	52
Коварная мушка	54
Мухи-попутчицы	58
Напрасное ожидание	59
Неудачное место	61
Чужие края	64
Песни сверчковые	66
Равнодушные комары	67
Тайное убежище	69
Ужин	71

СОЛОНЧАКОВАЯ ПУСТЫНЯ	73
Поспешное расселение	74
Миролюбивые хищники	78
На Соленом озере	80
Непонятное сборище	83
Суматошная кривляка	85
Хорошая лопата	86
Шумный солончак	87
Ягоды селитрянки	91
Комариные пляски	93
Мушки-береговушки	96
На озере Кызыл-Куль	98
ТУГАИ	100
Белое пятно	100
Крошечные недуги	106
Маленький оазис	108
Нападение поденок	111
На пользу врага своего	114
Невидимые друзья	118
После наводнения	120
Родина паучат	122
Секреты маленькой летуны	124
Сон на воде	127
Триперстки-прыгунчики	130
Беспокойная ночь	130